

ISSN 2587-6503

<http://kigiran.com>

БЮЛЛЕТЕНЬ

КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

2022`1

Кермен Толга

Джангар
Барун

Source: Esri, DigitalGlobe,
GeoEye, Earthstar

ISSN 2587-6503 (Print)

Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН
Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

2022. № 1

Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год.
ISSN 2587-6503 (Print)
2022. № 1

Журнал «**Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН**» («**Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**») зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77946 от 19.02.2020.

Журнал «**Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН**» («**Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**») — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований в области исторических, филологических и социологических наук. Журнал предоставляет возможность познакомиться с оригинальными результатами новейших фундаментальных и прикладных исследований российских и зарубежных авторов по наиболее актуальным проблемам. В издании публикуются научные работы по определенной тематике: источниковедению, археологии, фольклористике и литературоведению, социальной структуре, социальным институтам и процессам, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала.

Журнал публикует статьи на русском, английском, калмыцком и монгольском языках.
Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).
Подписной индекс в каталоге Агентства ОАО «Роспечать»
(газеты, журналы 39464).

Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Published since 2017.

Issued 4 times per year.

ISSN 2587-6503 (Print)

2022. No. 1

The journal *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, reg. certificate ПИ № ФС77-77946 of 19 February 2020.

The *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is a peer-reviewed open access periodical that publishes results of comprehensive historical, philological, and sociological studies. The journal introduces original outcomes of contemporary fundamental and applied explorations conducted by Russian and foreign authors on the most topical issues. The publication focuses on a range of disciplines and themes as follows: source studies, archaeology, folklore and literary studies, social structure, social institutions and processes, and review articles by leading experts the journal specializes in.

The journal publishes articles in Russian, English, Kalmyk,
and Mongolian.

Indexed with Russian Science Citation Index.

Subscription code (Rospechat Agency) — 39464
(newspapers, journals).

Главный редактор

канд. фил. наук

В. В. Куканова

Редколлегия:

Арутюнов С. А., чл.-корр. РАН; *Бакаева Э. П.*, д-р ист. наук;

Баянова А. Т., канд. фил. наук; *Ванчикова Ц. П.*, д-р ист. наук;

Дампилова Л. С., д-р фил. наук; *Денисова Г. С.*, д-р соц. наук;

Дулина Н. В., д-р соц. наук; *Зайцев И. В.*, д-р ист. наук;

Иванова И. Н., д-р фил. наук; *Жуковская Н. Л.*, д-р ист. наук;

Казиева А. М., д-р фил. наук; *Кольцов П. М.*, д-р ист. наук;

Команджаев А. Н., д-р ист. наук; *Кринко Е. Ф.*, д-р ист. наук;

Кляус В. Л., д-р фил. наук; *Лушиников Д. А.*, д-р соц. наук;

Манджиева Б. Б., д-р фил. наук;

Музраева Д. Н., канд. фил. наук, д-р ист. наук;

Очиров У. Б., д-р ист. наук; *Очир-Горяева М. А.*, д-р ист. наук;

Пюрбеев Г. Ц., д-р фил. наук; *Ринчинов О. С.*, канд. физ.-мат. наук, д-р
ист. наук; *Ситдииков А. Г.*, д-р ист. наук;

Фокин А. А., д-р фил. наук; *Хабунова Е. Э.*, д-р фил. наук;

Ханинова Р. М., д-р фил. наук; *Ярмаркина Г. М.*, канд. фил. наук

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,

Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Переводчик: С. В. Джагрунов

Дизайн и верстка: Д. В. Татнинов

© КалмНЦ РАН, 2022

© Коллектив авторов, 2022

Editor-in-Chief

V. V. Kukanova,
Cand. Sc. (Philology)

Editorial Board:

Arutyunov S. A., Corresponding Member of the RAS;
Bakaeva E. P., Dr. Sc. (History); *Bayanova A. T.,* Cand. Sc. (Philology);
Vanchikova Ts. P., Dr. Sc. (History); *Dampilova L. S.,* Dr. Sc. (Philology);
Denisova G. C., Dr. Sc. (Sociology); *Dulina N. V.,* Dr. Sc. (Sociology);
Zhukovskaya N. L., Dr. Sc. (History); *Zaytsev I. V.,* Dr. Sc. (History);
Ivanova I. N., Dr. Sc. (Philology); *Kazieva A. M.,* Dr. Sc. (Philology); *Klyaus*
V. L., Dr. Sc. (Philology); *Koltsov P. M.,* Dr. Sc. (History);
Komandzhaev A. N., Dr. Sc. (History); *Krinko E. F.,* Dr. Sc. (History);
Lushnikov D. A., Dr. Sc. (Sociology); *Mandzhieva B. B.,* Dr. Sc. (Philology);
Muzraeva D. N., Cand. Sc. (Philology), Dr. Sc. (History);
Ochirov U. B., Dr. Sc. (History); *Ochir-Goryaeva M. A.,* Dr. Sc. (History);
Pyurbeev G. Ts., Dr. Sc. (Philology); *Rinchinov O. S.,* Cand. Sc. (Physics,
Mathematics), Dr. Sc. (History); *Sitdikov A. G.,* Dr. Sc. (History);
Fokin A. A., Dr. Sc. (Philology); *Khabunova E. E.,* Dr. Sc. (Philology);
Khaninova R. M., Dr. Sc. (Philology); *Yarmarkina G. M.,* Cand. Sc.
(Philology)

Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Address of the Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:
8, Ilishkin St., Elista 358000,
Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone no.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Website: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Translator: S. V. Dzhagrunov

Design and page layout: D. V. Tatninov

© KalmSC RAS, 2022

© Composite authors, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Орлов Е. Д.** «Замысел бежать. О бегстве калмыков в Китай»: рукопись Н. Н. Пальмова из фонда Р-145 Национального архива Республики Калмыкия по истории откочевки большей части калмыцкого народа в 1771 г. 10
- Максимова О. А.** О *джатаке* «Король нагов» из сборника «Гирлянда рассказов о прошлых жизнях Учителя» 36

АРХЕОЛОГИЯ

- Котов В. Г.** Предметы экстраутилитарной деятельности из коллекции каменных изделий верхнепалеолитической стоянки *Сергеевка-1* в Южном Приуралье 50
- Лапшина З. С.** Археология Нижнего Амура. Наскальное искусство: символика знаков двойной личины среди петроглифов Сикачи-Аляна — Мальшево 66
- Кекеев Э. А.** Археологические находки из памятников Республики Калмыкия в музеях России (количественный анализ) . . . 81

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Горяева Б. Б.** Мотив помощника в калмыцких сказках на сюжет ATU 513 *the extraordinary companion* 106
- Убушиева Д. В.** Калмыцкий рукописный обрядник «дурных предзнаменований» в записи И. И. Попова) 119

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Чекалов П. К.** Тематическая палитра абазинской поэзии периода зарождения (на материале газетных публикаций)» . . . 134
- Галимуллина А. Ф., Галимуллин Ф. Г.** Национальные и культурные коды в творчестве современных татарских поэтов 174

Социология

Бадмаева Н. В. Невозвратная учебная миграция сельского населения Республики Калмыкия: особенности и риски для региона	191
Горина Т. И., Натсак О. Д. Анализ спроса и предложения на современном рынке труда Республики Тыва	204

CONTENT

SOURCE STUDIES

- Orlov E. D.** ‘The Intention to Flee. Kalmyk Exodus to China Reviewed’: Revisiting N. Palmov’s Manuscript on the 1771 Kalmyk Exodus Housed by Kalmykia’s National Archive (Collection P-145) 10
- Maksimova O. A.** The Nāga King: One Jātaka from The Garland of Stories of Teacher’s Past Lives Revisited 36

Archaeology

- Kotov V. G.** The Upper Paleolithic Site of Sergeevka-1 (Southern Cis-Urals): Items of Extra-Utilitarian Activity Reviewed 50
- Lapshina Z. S.** Archaeology of the Lower Amur. Rock Art: Symbolism of Signs in a Coupled Mask among Petroglyphs of Sika-chi-Alyan — Malyshevo 66
- Kekeev E. A.** Archaeological Finds from Kalmykia’s Sites in Museums of Russia: A Quantitative Analysis 81

FOLKLORE STUDIES

- Goryaeva B. B.** ATU 513 ‘The Extraordinary Companions’: The Motif of the Magic Assistant in Kalmyk Folktales Revisited 106
- Ubushieva D. V.** Ivan I. Popov’s Handwritten Book of Kalmyk Rituals to Avert ‘Bad Omens’ Reviewed 119

LITERATURE STUDIES

- Chekalov P. K.** Thematic Palette of Abaza Poetry, 1930s–1940s: Newspaper Publications Analyzed 134
- Galimullina A. F., Galimullin F. G.** Works of Contemporary Tatar Poets: Ethnic and Cultural Codes Revisited 174

SOCIOLOGY

Badmaeva N. V. Non-Return Educational Migration from Rural Kalmykia: Characteristics and Risks for the Region	191
Gorina T. I., Natsak O. D. Analyzing Supply and Demand in Tuva's Labor Market: Professional and Gender Aspects Revisited	204

«Замысел бежать. О бегстве калмыков в Китай»: рукопись Н. Н. Пальмова из фонда Р-145 Национального архива Республики Калмыкия по истории откочевки большей части калмыцкого народа в 1771 г.

Евгений Джалович Орлов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник, аспирант

 0000-0002-3522-1239. E-mail: orloved@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Орлов Е. Д., 2022

Аннотация. *Введение.* В Национальном архиве Республики Калмыкия хранится личный фонд профессора Н. Н. Пальмова (фонд Р-145) — видного ученого-историка, стоявшего у истоков калмыковедения. Среди разных исследовательских проблем, привлекавших внимание Н. Н. Пальмова и других калмыковедов, выделяется тема откочевки большей части калмыцкого народа с территории нижеволжских степей в Китай в 1771 г., которая обернулась колоссальными демографическими потерями. Причины, побудившие хана Убаши увести две трети народа на Восток, а также сам ход откочевки являются одними из самых изучаемых вопросов в калмыковедении. *Цель* данной статьи — рассмотреть один из документов из фонда Н. Н. Пальмова, дать оценку его информационного потенциала и представительности для изучения истории Калмыкии. *Результаты.* Архивный документ представляет значительный интерес, поскольку в нем, во-первых, раскрывается переписка царских чиновников с Санкт-Петербургом касательно ухода калмыков, во-вторых, в тексте имеются собственные пометки Н. Н. Пальмова на полях, которые акцентировали внимание на тех фактах, которые ученый считал наиболее важными. Источник демонстрирует комплексность проблемы. Пометки

на полях текста, подчеркивания, как казалось самому исследователю, самого важного демонстрируют его собственный взгляд на это историческое событие, что имеет свою ценность для изучения деятельности Н. Н. Пальмова, его жизнеописания.

Ключевые слова: Н. Н. Пальмов, откочевка калмыцкого народа, Н. А. Бекетов, хан Убаши, Калмыцкое ханство, Екатерина II, калмыки
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Орлов Е. Д. «Замысел бежать. О бегстве калмыков в Китай»: рукопись Н. Н. Пальмова из фонда Р-145 Национального архива Республики Калмыкия по истории откочевки большей части калмыцкого народа в 1771 г. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 10–35. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-10-35

‘The Intention to Flee. Kalmyk Exodus to China Reviewed’: Revisiting N. Palmov’s Manuscript on the 1771 Kalmyk Exodus Housed by Kalmykia’s National Archive (Collection P-145)

*Evgeniy D. Orlov*¹

¹Kalmyk Scientific Center of RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate, Postgraduate Student

 0000-0002-3522-1239. E-mail: eug3ne.orlov@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Orlov E. D., 2022

Abstract. *Introduction.* The National Archive of Kalmykia houses personal papers of Professor Nikolai N. Palmov (Collection P-145), a remarkable academic historian to have pioneered Kalmyk studies. The Kalmyk exodus of 1771 to China that turned a demographic collapse has attracted attention of both N. Palmov and other researchers. The reasons to have caused Khan

Ubashi's eastwards resettlement of two thirds of Kalmyks and the migration proper still remain most actively explored issues of Kalmyk studies. *Goals.* The article aims to examine one document from the Palmov Collection and evaluate its information potential for historical research. *Results.* The archival unit is of essential interest since it mentions correspondence between local and St. Petersburg executives pertaining to Kalmyk exodus, and contains N. Palmov's notes (in margins) that served to emphasize the facts he was considering of utmost importance. The source attests to somewhat complex nature of the issue. The paper presumes the notes and underlinings tend to express N. Palmov's personal accounts of the historical event, which may prove instrumental in deeper understanding of the scholar's activities and life. **Keywords:** N. N. Palmov, Kalmyk exodus, N. A. Beketov, Khan Ubashi, Kalmyk Khanate, Catherine the Great, Kalmyks

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'

For citation: Orlov E. D. 'The Intention to Flee. Kalmyk Exodus to China Reviewed': Revisiting N. Palmov's Manuscript on the 1771 Kalmyk Exodus Housed by Kalmykia's National Archive (Collection P-145). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2022; 1: 10–35. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-10-35

Введение

Жизненный путь Н. Н. Пальмова связан со становлением калмыковедения и зарождением архивного и музейного дела в Калмыкии. Сын священника, после окончания духовной академии работавший заведующим кафедрой в Киевской духовной академии, интересовавшийся историей и археологией, он работал профессором Астраханского университета, а в 1921 г. был назначен первым руководителем Калмыцкого архива и внес неоценимый вклад в изучение истории калмыцкого народа [Гучинов 1974; Наберухин 1974; Бурчинова 1978; Эрдниева 1989; Джалаева 2003; Джалаева 2007; Джагаева 2013; Джагаева 2018; Курапов 2018; и др.]. Н. Н. Пальмов возглавил Калмыцкий архив и историко-этнографический музей, созданные в 1921 г., и оставался руководителем архива до последних своих дней. На протяжении многих лет он

большое внимание уделял в своей работе научно-исследовательской деятельности, собирал материалы и делал выписки из архивных документов, на основе которых были написаны его основные труды по калмыковедению — «Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России» [Пальмов 1922; Пальмов 1992] и «Этюды по истории приволжских калмыков» в 5 частях [Пальмов 1926; Пальмов 1927; Пальмов 1929; Пальмов 1932]. В Национальном архиве Республики Калмыкия хранится его личный фонд (Р-145), в котором насчитывается свыше 400 единиц хранения — выписки, личные записи, другие документы, оставшиеся после смерти ученого. Из историков-калмыковедов он первым поставил цель исследовать все субэтнические группы калмыков [Джагаева 2018: 62]. В 2007 г. был издан сборник материалов по истории калмыцкого народа, состоящий из личных записей, выписок Н. Н. Пальмова, ныне находящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее — НА РК) [Джалаева 2007: 3–25; Пальмов 2007]. Публикация этих источников сделала более доступной работу исследователей с рядом архивных документов из личного фонда Н. Н. Пальмова НА РК.

Цель данной статьи — рассмотреть один из документов из фонда Н. Н. Пальмова, дать оценку его информационного потенциала и представительности для изучения истории Калмыкии.

Архивный документ, хранящийся в составе личного фонда профессора Н. Н. Пальмова [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138], включает две части: краткий историографический обзор по теме и выписки из различных документов, перемежающиеся друг с другом на протяжении 46 страниц. В выписках сохраняется оригинальная орфография. Наиболее важные слова, фразы и предложения подчеркнуты автором рукописи. Н. Н. Пальмов приводит на полях страниц выписки из исследований по данной теме, имеющих определенное историографическое значение.

В историографии XVIII–XIX вв. господствующей позицией стало отношение к откочевке большей части калмыцкого народа под предводительством наместника ханства Убаши как к предательству со стороны калмыков, самого Убаши и владельцев. Так, Н. Я. Бичу-

рин считал, что калмыцкие владельцы стремились к полной самостоятельности. Царское правительство же вмешивалось во внутренние дела ханства исключительно «для утверждения прочного спокойствия в орде» [Бичурин 1854: 240]. Откочевку он считал актом неблагодарности и предательства [Бичурин 1854: 239–240].

К любопытной трактовке пришел Г. Н. Прозрителев, считавший причиной откочевки не только вмешательство «со стороны правительства во внутренние распорядки орды» и ограничение ханской власти, но и стремление Убаши «отвоевать у Китая исконные ойратские кочевья в Джунгарии», а также факт личной обиды на генерала Иоганна Фридриха фон Медема [Прозрителев 1912: 17].

Е. В. Дорджиева пришла к выводу о том, что сам замысел откочевки возник в среде владельцев и не был плодом раздумий Убаши [Дорджиева 2002: 74], в чем она согласна с М. М. Батмаевым [Батмаев 1993: 354]. Е. В. Дорджиева отмечает, что в конце 1760-х гг. калмыцкое общество находилось в тяжелом положении, связанном с тяготами русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Царское правительство намеренно держало калмыцкие улусы на правобережье Волги с целью привлечения калмыков к участию в войне. Истощение пастбищ, падеж скота, переориентирование калмыцкого общества целиком на нужды войны — все это стало благодатной почвой для педалирования идеи откочевки на территорию разгромленной цинскими властями Джунгарии. Исследователь считает, что основными инициаторами стали Лоузанг-Джалчин — верховный лама, зайсанг Даши-Дондук, нойоны Цебек-Доржи, Бамбар, Шеаренг [Дорджиева 2002: 72–74].

Сам Н. Н. Пальмов пришел к выводу о непосредственной вине двух человек за откочевку в Джунгарию: хана Убаши и нойона Цебек-Доржи, обвиняя первого в «слабоумии» и второго во «властолюбии», а также приводя свидетельство Бердю-Габунга о том, что простые калмыки не стали бы уходить на Восток, знай они о приближении царских войск [Пальмов 1992: 102–105].

Иного взгляда придерживался В. И. Колесник, считавший откочевку ответом традиционного кочевого общества на давление

извне, со стороны евразийской державы — Российской империи. Согласно концепции, которой он последовательно придерживался, с ростом численности населения до порога в 300 тыс. человек традиционные методы управления становятся неэффективными, что порождало все новые противоречия социально-экономического характера [Колесник 2003: 244–246].

А. В. Цюрюмов указывает на наличие идеи откочевки и создания суверенного государства в Азии еще со времен хана Аюки. Ученый считает, что подобные настроения в среде калмыцкой элиты не исчезали на протяжении всего XVIII в. Они подогревались вмешательством России в престолонаследие в Калмыцком ханстве. Переселение в Джунгарию, однако, было невозможно до 1758 г., когда было уничтожено Джунгарское ханство. Геноцид, осуществленный цинскими войсками, привел в запустение джунгарские кочевья. После этого, педалирование идеи ухода из России продолжилось с новой силой [Цюрюмов 2007: 361–363].

Документ из Национального архива Республики Калмыкия (Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. 46 с.) «Замысел бежать. О бегстве калмыков в Китай»

В документе, отложившемся в личном фонде профессора Н. Н. Пальмова, посвященном откочевке большей части калмыков на Восток в 1771 г., его составитель опирался как на архивные документы, так и на опубликованные материалы. Так, Н. Н. Пальмовым была сделана выписка из документа, опубликованного в 118 томе Императорского Русского исторического сборника, вышедшего в Санкт-Петербурге в 1904 г.¹, в котором говорится о требовании русских пограничных властей не пропускать бежавших калмыков в пределы Китая.

В ответ на требывание рус[ских] пограничных властей не пропускать в пределы Китая бежавших за р[еку] Яик калмыков, трибунал сообщает содержание указа богдыхана, в к[ото]ром

¹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1867–1916. 148 т. Т. 118. Политическая переписка Императрицы Екатерины II: Ч. 7-я (годы с 1772 по 1773) / отв. за вып. Ф. Р. Остен-Сакен. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1904. xxxvi, 538 с.

объявляется в высокомерных выражениях, что калмыки явились к местному цзянь-цуню и к другим начальникам и заявили желание перейти в китайское подданство — «оттого, понеже, что Россия принимать их не может, отважились они на жизнь свою, не от другого чего, как от голоду». Если бы русское прав[итель]ство вознамерилось потребовать выдачи бежавших, то в этом ему будет отказано, тем более, что рус[ское] пр[авитель]ство постоянно отказывало, вопреки постановлений трактата, в выдаче бежавших в Россию зенгоров, в особенности Шерена и Лауджандапа (стр. 32 — Лоуянджап)².

Лист трибунала был доложен гос[ударственному] совету 22 ноября 1771 г.; 23 февр[аля] 1772 г. был читан и одобрен ответ на него³ [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 2].

Н. Н. Пальмов цитирует документ «Собственноручная записка Императрицы. По поводу листа из Китайского трибунала о бегстве калмыков за китайскую границу», составленный в декабре 1771 г. [*Собственноручная 1904: 1*].

Из данных, приводимых Н. Н. Пальмовым, следует, что в ответ на требование российских властей не пропускать калмыков в Китай цинский император Цяньлун издал указ, объявлявший о желании калмыков перейти в китайское подданство. Н. Н. Пальмов обращает внимание на сложившееся положение, приводя слова из китайского документа о невозможности предъявления Китаю жестких требований со стороны России о выдаче калмыков обратно, поскольку последняя сама неоднократно отказывала в выдаче китайским властям бежавших из Джунгарии ойратов, например торгутского нойона Шеаренга.

Ответ на известие об указе цинского императора был составлен по записке Екатерины II, присланной в Коллегию иностранных дел (далее — КИД) 7 декабря 1771 г.:

Писать бы к ним, что мошенники калмыки не только сами изменнически ушли, но и с собою много русских увезли, както Дудина с командою, и разбили русских купцов, и обокрали их. Придет

² Н. Н. Пальмов обращает внимание на различное написание имени.

³ Здесь и далее орфография и пунктуация источника сохраняется.

когданибудь с китайцами разделаться инако, нежели по сю пору делали [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 2].

Н. Н. Пальмов здесь ссылается на «Собственноручную записку императрицы» по поводу откочевки калмыков, составленную в декабре 1771 г. [Собственноручная 1904: 1].

Далее ученый приводит ответ российской стороны, который был обсужден 23 февраля 1772 г. на государственном совете и отправлен 9 марта 1772 г. китайской стороне.

Мы не сумневаемся, что вы не призывали и не подговаривали, но сего не довольно. Принятие вами калмыков, клятвопреступников и изменников... есть оскорбление соседства и дружбы между обоими империями. К[алмы]ки жили в благоденствии и удовольствии, и многими, не по достоинству своему благодеяниями и щедротами монаршими преизобилованы были... К[алмы]ки возмущались и пришли в неистовство отнюдь не по необходимости и не от нестерпимости бывшего своего жребия, о чем м[ожет] б[ыть] сожалеют, не по общему согласию, а по тайному разврату и коварным проискам некоторых из своих начальников, коим надлежало поступать подвластными своими... порядочным образом и в разбирательстве их дел беспристрастно, а то их корыстолюбию и самоугодию время от времени противно становилось, не рассуждая по слепоте своей и безумию, что от сего самого распоряжения и собственного их начальства важность зависела, а всех вообще польза и безопасность, почему единственно только их в (32⁴) злости затверделость и побудила их на побег и измену; потом, как предупели некоторых и из подвластных своих разными ложными, но тайными внушениями склонить себе последовать, к[ото]рым прочие уже и поневоле сообщниками быть стали [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 2об].

Речь идет о документе № 2166 «Лист в Китайский трибунал», отправленный 9 марта 1772 г., опубликованный также среди документов политической переписки императрицы Екатерины II (Н. Н. Пальмов приводит страницы источника: «32, 33») [Лист в

⁴ Н. Н. Пальмов приводит в скобках номер страницы в источнике [Лист в Китайский 1904].

[Китайский 1904: 31–35](#)]. Н. Н. Пальмов выбирает из всего документа самое важное, на его взгляд. Вместе с тем, в письме китайской стороне российская сторона также затрагивала вопрос о неоспоримости права на подданство калмыков Российской империи, чему, как писала российская сторона, подтверждением являются клятвы ханов и владельцев на верность императору российскому; вопрос о причине ухода калмыков и неудачи попыток из возвращения «в пределах» России; о захвате откочевавшими 150 россиян (Дудин и его команда, и другие); и др. [[Лист в Китайский 1904: 31–35](#)].

На это заявление российской стороны китайская сторона отреагировала объяснением прихода калмыков вследствие недостатка в содержании из-за поборов и пошлин, изнуренности военной службой. Н. Н. Пальмов выразил сомнение в возможности ухода такого большого количества людей по приказу «кучки» властвующих лиц.

№ 2379. На ответ кит[айского] трибунала, 22 июня 1773 г. послан еще лист (412–416⁵). Опровергается кит[айское] объяснение, что к[алмы]ки бежали от недостатка в содержани[и], от поборов с них пошлин, от изнурения покидали и службой. Китайцы не допуска-[Л. 3]ют, чтобы такое большое число могла уговорить к побегу кучка людей. К[алмы]ков наряжали только на службу, но «никаких поборов не платили» они. Именно, они возмутились, «не одним ковам⁶ и ухищрениям нек[ото]рых из своих начальников», что доказывает, «коль велика власть оставлена была ответственному калмыцкого народа правительству, поступившему на такое, в самом деле отважное предприятие единственно по неограниченному честолюбию, возмечтав те, кои оно составляли, по побеге учиниться важнейшими» (413) [[НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 2–3](#)].

В этом месте Н. Н. Пальмов приводит выписки из документа № 2379 «Проект ответа в Китайский трибунал на последний их

⁵ Н. Н. Пальмов указывает диапазон страниц в источнике: [[Проект ответа 1904: 412–416](#)], и далее в скобках даются номера страниц по источникам.

⁶ Устар.: козни, злой умысел.

лист о калмыках. По делу о бежавших калмыках» [[Проект ответа 1904: 412–416](#)] со своими комментариями. Для исследователя важна главная проблема исследуемой темы, он делает выписку того текста, который касается именно вопроса о причине откочевки. Вместе с тем проект ответа представляет собой чрезвычайно интересный документ: в нем говорится о дружественных странах (России и Китае), затрагивается вопрос, не может ли за конфликтной ситуацией последовать война, а также вопрос о продолжении торговли. Архивный документ, озаглавленный «Замысел...», содержит выписки исследователя, посвященные именно причинам бегства калмыцкого народа.

Заявление цинской власти российская сторона парировала словами, что калмыков снаряжали только на службу, но они «никаких поборов не платили». В этом Н. Н. Пальмов видит благосклонность российского правительства по отношению к калмыцким хану и владельцам: «коль велика власть оставлена была собственному калмыцкого народа правительству» [[НА РК Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 3](#)]. Условия жизни и положение калмыцкого народа в Российской империи он видит приемлемыми, прямо говоря, что лишь властолюбие нескольких лиц, возмущенных некоторым вмешательством царского правительства в дела Калмыцкого ханства, привело к откочевке. Вышеприведенное самим же Н. Н. Пальмовым сомнение цинских властей о возможности такого массового исхода людей по прихоти двух–трех человек остается без внимания.

В рассматриваемом документе на листе 3 кратко приводится предписание генерал-поручику Деколонгу⁷, находившемуся на Сибирских линиях, о разделении «беглых» калмыков на благонадежных и неблагонадежных и последующей их отправке в Оренбург. Царская администрация считала возможным наличие среди них шпионов: «не сыщутся ли в числе их иногда и нарочно подсланные». Н. Н. Пальмов ссылается на рескрипт оренбургскому

⁷ Иван Александрович Деколонг — с 1771 г. бывший командующий Сибирскими пограничными линиями.

губернатору Рейнсдорпу⁸ от 1 июля 1773 г., в котором говорилось о запрете на «сношения с оставшимися на Волге калмыками».

Далее Н. Н. Пальмов приводит цитату из работы К. И. Костенкова⁹:

На основании собранных мною данных может быть выведено заключение, что правительство русское, приняв калмыков в свое подданство и предоставив тайшам и нойонам управ[ление] калм[ыцким] народом и заботиться о его благосостоянии, не обращало должного внимания ни на потребности и нужды его, ни на его хозяйство. Правительственная заботливость об интересах калмыков на первых порах ограничивалась только указанием им места для продажи лошадей... Впоследствии все усилия правительства были направлены на то, чтобы склонять сначала ханов и нойонов, а потом и простой народ к немыслимой в то время для кочевых скотоводов оседлой жизни. Такого рода действия раздражали калмыков, усиливали их недоверчивость и, может быть, даже способствовали бегству их из России.

После ухода большей части калмыков из России правительство, раздав оставшиеся калмыцкие семьи владельцам, по прежнему не обращало внимание на положение их хозяйства, и только в конце прошедшего столетия, с поступлением некоторых улусов в казенное ведомство, начало исподволь принимать разные меры к развитию народного благосостояния [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 4].

Таким образом, Н. Н. Пальмов выделяет позицию К. И. Костенкова по отношению к оценке действий правительства. В тексте, однако, не приводится мнение о причинах откочевки К. И. Костенкова, который к ним относил: 1) увеличение количества казачьих станиц и русских поселенцев на Волге, что приводило к стеснению и нужде; 2) ограничение ханской власти; 3) создание военных порганичных линий по берегам Волги, Урала, Самары и Терека, ограничивших свободу кочевий; 4) намеренный роспуск слуха не-

⁸ Иван Андреевич Рейнсдорп — генерал-поручик, оренбургский губернатор в 1768–1781 гг.

⁹ Костенков Капитон Иванович — главный попечитель калмыцкого народа, генерал-майор.

которыми лицами духовенства о готовящемся изъятии большей части калмыцкой земли, обоседлении калмыков и создании из них особого войска; 5) высокие налоги, «от которых весь народ пришел в колебленность и беспокойство» [Костенков 1868: 120–121].

В рассматриваемом документе далее Н. Н. Пальмов использует архивные материалы. Им сделана выписка из дела 1771 г. за № 359, в которой говорится о М. С. Везелеве, коллежском комиссаре, уведенном ханом Убаши на Восток, но сумевшем бежать. Он давал показания дважды: первый раз 6 мая 1771 г. в Оренбурге, второй — в экспедиции калмыцких дел, учрежденной при канцелярии Астраханского губернатора для организации управления оставшимися калмыками после ликвидации Калмыцкого ханства рескриптом Екатерины II. В его показаниях появляется информация о подзывной грамоте Далай-ламы, отправленной еще при хане Дондук-Даши.

При втором показании он сообщал то, что «при первом случае запямятовал» (19), и чего не говорил в Оренбурге; так, в плену, «от многих из них калмык[ов]» он слышал, «яко бы сей их побег не по одному с российской стороны к ним неудовольствию воспоследовал, о котором по взятой с него, В[езеле]ва, в Оренбурге сказке упоминается, а более по подзыву боготворимого ими далай-ламы, которой де еще в то время, когда от бывшего хана Дондук-Даши и вообще от всего калмыцкого народа отправлены были к нему, далай-ламе, для поклонения калмыцкие посланцы, прислал к ним чрез оных подзывную свою грамоту, которою, обещая их к себе принять, дал им знать, что по его пророчеству, не прежде им сие намерение в действо произвести надлежит, как в 1770 или [1]771 годах для того, яко бы оное время к побегу их счастливым быть может, чем будучи калмыцкие владельцы уверены, хотя и прежде ево, хана, по возвращении тех посланцов к побегу склоняли, но он, признав оное за бесполезно, в том с ними не согласился.

С того же самого времени, как подзывная от далай-ламы грамота в калмыцком народе получена, непременно у главного в калмыцком народе начальника и у владельцев калмыцких намерение к побегу из протекции российской было, которое они имея и находясь в службе ее и[мператорского] в[елич]ества против не-

приятеля не с таким усердием поступали, как прежде, а сколько можно от ущербу своих людей предохраняли и берегли, о чем до ныне н[аместни]к отзывался, что он во время употребления калмыцкого войска против кубанских татар с досадою то видеть принужден был, когда кто из калмык[ов], не щадя живота своего к службе ревностно оказывался» (19) [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 5–6].

М. С. Везелев утверждал, что со времени получения грамоты Далай-ламы у калмыцких владельцев появилось намерение к «побегу». То есть, по его показаниям, причина откочевки — призыв Далай-ламы, что можно считать недостаточно убедительным аргументом в свете других источников, показывающих комплекс причин, вызвавших откочевку. Согласно приводимым А. В. Цюрюмовым данным, М. С. Везелев свидетельствовал, что Убаши всячески берег своих людей от участия в войне, вероятно, оттого, что уже за несколько лет до ухода из России имел намерение это совершить. Участие калмыков в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., на фоне экономических трудностей, вызванных падежом скота и ограничительными мерами царского правительства, легло тяжелой ношей на плечи калмыцкого общества. Военные действия уже не приносили калмыкам былой добычи [Цюрюмов 2007: 331–332].

Царское правительство было заинтересовано в проживании калмыков в волго-яицком и волго-кубанском междуречьях. В случае ухода калмыков на Восток занимаемые земли могли быть заняты народами, лояльными Османской империи, что негативно бы сказалось на обороноспособности России на южных рубежах. В рескрипте астраханскому губернатору Н. А. Бекетову от 3 августа 1770 г. было дано наставление, как обращаться с калмыками, показывающее стремление России сохранить существующее положение дел:

Для нашей империи полезнее, чтоб калмыцкой народ и впредь оставался при настоящем своем роде жития и, расположением своим наполняя степи, между Кубани и Волги, и Волги же и Яика (29) лежащие, служил и в прикрытии тамошних границ, нежели в том общая произошла перемена, ибо при таких обстоятельствах

м[ожет] б[ыть] заняты были бы занимаемые ими места магометанскими кубанскими и киргиз-кайсацкими народами, во управлении своем большие затруднения причиняющими и для закона своего больше также и подозрительными. Следовательно, данное Замьяну дозволение и поселиться с своими подвластными ту главнейше имеет цель, чтоб со временем приобучить калмык к вящей людскости и распространяя в них, но без повреждения свойственной им поворотливости, нужные познания о должностях подданства, привести с прочими Астраханской губернии жителями в неразрывность, ни от каких приключений не зависимую, вместо того, что они теперь, по дикости подлых, будто еще иностранными кажутся, о чем о всем вам предписано [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 143. Л. 2]

Уход большей части калмыков в разгар русско-турецкой войны 1768–1774 гг. внес свои коррективы на характер боевых действий на Кубани и Кавказе. Астраханский губернатор Н. А. Бекетов 18 февраля 1771 г. писал генерал-фельдмаршалу З. Х. Чернышеву:

Еще до отправления моего из С[анкт]П[етербурга] калмыки были уже за Яиком, и так отняли у меня все способы ко исполнению выс[очай]шей воли, при сем случае на меня возложенной. Теперь остается на моем попечении единственно, чтоб избавиться от дальних беспокойств от здешних окружающих нас татар волнений, уходу калмык[ов] и обнажения чрез то Астраханского края. Я намерен оставших[ся] владельцев угovarивать, чтоб они, дав бедным хотя своих лошадей сколько можно более на будущую весну к де Медему калмыцкого войска выставили, дабы тем доказать можно было сим ветренникам, что у нас осталось еще число знатное калмык[ов]. А чтоб и они на оное согласились охотнее, стану я их прельщать добычею, могущею при помощи российских сил получить, в чем им ныне крайняя нужда настoит, ибо здесь большая половина осталась бесскотных, а степи пространные имеютя к скотоводству — их первому сокровищу и охоте. Только я не знаю, отчего бывшие в походах до сего с де Медемом не много на него надежды полагают — он им кажется солдатом более, чем генералом. А что до меня касается, то я об е[го] п[ревосходитель]ства, не зная ево, ничего сказать не могу (49), но из такого их о нем отзыва заключить должно с их сторо-

ны при (н)ем огридут (?) подобные сему успехи. Ведаю, м[ежду] п[рочим], что при нынешнем обстоятельстве в генералах везде не без нужд. При том сказать можно: которые бы людей удивляли, таковые и в целом свете веками рождаются. Со всем тем, оной генерал — человек не молодой (зачеркнуто старый) и больной, а потому, конечно, к скорым оборотам, требующим(ся) при таком войске конечно желательно способным быть не может, при всех свои прочих достоинствах. Я сие пишу только единственно для в[ашего] с[иятель]ства сведения, дабы вы вернее о нас, в случае нужды, рассуждать могли. В прочем, препоручая себя в непрерывную вашу милость, я с глубочайшим почтением остаюсь [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 7–8].

В данном отрывке, выделенном Н. Н. Пальмовым и включенном в его записи об откочевке калмыков, мы можем видеть любопытную деталь: сомнение Н. А. Бекетова в способностях генерала И. Ф. фон Медема, конфликт с которым, как известно, произошел у хана Убаши в 1770 г. [Очиров 2012: 335].

Н. Н. Пальмов кратко привел письмо Н. А. Бекетова Н. И. Панину:

...калмыки еще до отбытия моего из Петербурга за Яик перешли, произведя здесь много злодейственных дел. И слава Богу, что тогда Волга не дозволила им на нагорную сторону ни коим образом перебраться, — а то бы они такое действие исполнили, что редко в историях обретается... что велено от меня собрав сделать от всей губернии ведомость варварского их похищения и переписать оставшие от беглых владельцев кибитки. Теперь мое все попечение — оставших[ся] калмык[ов] привести в спокойные мысли. Они весьма расстроены, п[отому] ч[то] от большие части родные дети или отцы, кои здесь остались, самые туда пошли. Сей треклятой изменник желал было всех силою к побегу с ним принудить, по об'явлении своего намерения, но Волга от того и от прочего варварства его удержала. Здесь оных оставших[ся] калмык[ов] по примеру считается до 20,000 мужеска полу душ, только все люди почти не имеющие скота. И для того он не мог их под видом войны на луговую сторону перетасить собою... [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 8–9].

В этом письме далее астраханский губернатор Н. А. Бекетов (который в момент откочевки калмыков был в столице и отбыл из Петербурга в Астрахань, как он сам отмечал, когда калмыки уже были за Яиком) [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 8]) обвинял управляющего калмыцкими делами И. А. Кишенского в задержке уведомления оренбургского губернатора о «побеге» калмыков. Он рассуждает об упущенной возможности, считая, что своевременное предупреждение и перехват калмыков привели бы их в «задумчивость о дальнейших их безрассудных предприятиях». Астраханский губернатор слукавил в письме. На протяжении нескольких лет владелец Хошеутовского улуса Замьян предупредил его об обсуждении идеи ухода в среде хана и ряда владельцев и потенциальной возможности оного. Снимая с себя ответственность, он просит генерал-фельдмаршала З. Х. Чернышева отрезать от калмыцких дел И. А. Кишенского и разрешить работать с переводчиком Ворониным. 1 марта 1771 г. И. А. Кишенский был отречен от калмыцких дел ордером за подписью Н. А. Бекетова, после чего был отправлен в коллегию иностранных дел [НА РК. Ф. Р0145. Оп. 1. Д.138. Л. 11].

Н. Н. Пальмов приводит отрывок из доклада губернатора к императрице Екатерине II от 17 февраля 1771 г., в котором он оправдывается за уход калмыков, но сообщает интересные сведения о причинах откочевки:

Усерднейший из всех к в[ашему] в[еличе]ству владелец Замьян, которой первой проникнув в тайну сего злого их умысла посредством сестры своей родной, а наместниковой мачехи и ныне на вопрос мой о причине побега их об'являет: 1) что калмыки большим числом командировкою в Крым были весьма не довольны. 2) А при том посланные не в давне и безпозволения, как прежде ими чинено было по указам, с подарками к далай-ламе, их первому богу, люди по прибытии своем чрезвычайно хвалили милость тамошнего богдыхана к пришельцам, 3) что владельцы огорчились много данною наместнику над ними властью, кою он во зло употребляя, к чему и Кишенской с своей стороны, не меньше ж (об.) ему в том способствуя, довел до такой всех их крайности, что они, при

необоримом здеишем защищении в наглых ево поступках против их, другой дороги не нашли, как воспользоваться ево глупостью отведением ево от такой сильной протекции, не размышляя уже в злобе своей на него и в собственной своей погибели... [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 11–12].

Эти сведения контрастируют с устоявшимся в историографии мнением об ограничении ханской власти и увеличении роли нойонов, в результате реформы суда Зарго в 1762 г. Причины, по которым Замьян (или Н. А. Бекетов, вложив в уста последнего), утверждает об усилении ханской власти, не ясны. Губернатор продолжает развивать мысль в этом ключе, заявляя о принуждении владельцев преклониться перед Убаши, в чем они видели несправедливость.

В этом докладе также оглашена причина откочевки, которую объявил наместник «в народе»:

...что как де они не усердствуют, но вся их служба ни во что приемлется, и жаловаться им за то не дают. Детей их знатных хотят брать в аманаты, а подлых набирать равно с русскими в солдатскую службу, о чем де он уже и указ имеет, что единогласно об'являют возвратившиеся из побегу, коих не более 10 человек является [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 12–13].

Он продолжает, сообщая, что «многие слышали от многих подозрительные в злом их умысле разговоры, но никто более не отважился о том где надлежит сказывать» [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 15]. Н. А. Бекетов в письме императрице писал о нарушениях со стороны И. А. Кишенского: «владельцы вкупе с ним от н[аместни] ка притесняемы были, а потому управлять их делами допустить ево, при нынешней их расстройке, кажется весьма неудобным, не упоминая с моей стороны на него безнадежности» [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 14]. Подозрение вызывало теперь у губернатора то, что И. А. Кишенский не доложил о необычной зимовке на луговой стороне Волги вместо обычной — на Кубани, а также о его потворстве мыслям наместника ханства о возможности идти войной против казахов. При этом «когда ему всеми указами повелевалось с ними быть неотлучно, оставил ни для чего законного, да и ниче-

го видимого не делал, кроме упражнения в веселостях в Астрахани о рождении своего внука, с правящим после меня губернаторскую должность, с сватом своим, советником и губернаторским товарищем Барановым...» [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 14]. Понятны попытки губернатора Н. А. Бекетова переложить ответственность на управляющего калмыцкими делами И. А. Кишенского, но они выглядят неубедительными. Тем более, что и хошеутовский нойон Замьян, и хан младшего жуза Нуралы предупреждали центральное правительство о готовившемся уходе калмыков [Цюрюмов 2007: 342]. На следующем листе, однако, сам губернатор сообщает причину своего негативного отношения к управляющему:

По получении гневного ко мне о том [невоспрепятствование уходу калмыков] из коллеги в[семилостивейше]го рескрипта, г[осподин] Кишенский к возвеличанию себя, а к моему вящему оскорблению, старался везде разглашать непозволительным образом. И до того было довели, что и вообразить человечеству ужасно [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 15].

В этих словах, вероятно, содержится причина отречения И. А. Кишенского от калмыцких дел и многочисленные обвинения в его адрес со стороны губернатора.

В рассматриваемом документе Н. Н. Пальмов приводит далее прошение Н. А. Бекетова о награждении лояльных империи владельцев подвластными людьми. В особенности одарить кибитками он предлагает Замьяна — владельца Хошеутовского улуса за «ево отменное усердие к российской стороне, за которое он н[аместни]ком совсем был ограблен отведением у него сына его родного с самую большую часть ево улуса» [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 23].

Н. Н. Пальмов обращает внимание на предложение Н. И. Панина о привлечении к управлению калмыками лиц, показавших преданность российской власти: «13 мая 1771 г. Панин, в намерении «Предварительно из'ясниться», пишет Бекетову (83–84¹⁰), что к временному правительству у калмыков, д[олжен] б[ыть] привле-

¹⁰ Ссылка на листы в источнике.

чен кн[язь] А. Дондуков, «Как по природе своей — владелец калмыцкой, а по усердию и закону своему — наш человек» [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 23]. В выписке приведен отрывок ответа Президента Коллегии иностранных дел — Н. И. Панина, ставившего под сомнение идею разделения оставшихся калмыков и их распределения среди лояльных империи владельцев: «В виде временной меры и непременно с общего согласия владельцев можно произвести распределение калмыков, „поруча князю ли Дондукову, или и на себя перенимая попечение, чтоб с них оные владельцы не больше собирали, как сколько по их законам установлено, и издревле в обыкновении, и издревле сии люди напрасно по их прихотям изнуряемы не были б“» [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 24–25]. Н. Н. Пальмов обращает внимание на объективность представителя Коллегии иностранных дел, который в работе коллегии опирался на традиции народов, входивших в сферу его компетенции.

В рассматриваемом документе Н. Н. Пальмов также делает выписки их архивного документа по проблеме привлечения оставшихся в 1771 г. калмыков для охраны границ, в том числе в свете возможного возвращения части откочевавших. Подробно расписано положение России на Кубани и Северном Кавказе, в частности, едисанская и буджакская орды, которые, по словам Н. И. Панина, писавшего об этом астраханскому губернатору Н. А. Бекетову, перешли с российского разрешения Дон и стали жить на кубанской стороне. В сложившихся обстоятельствах он возлагает задачу охраны российских пределов на Кубани едисанцам и буджакцам. И. Ф. фон Медему дается указ держать «в спокойствии горские народы от Кизляра до Моздока» [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 24]. В этом случае, предполагает Н. И. Панин, возможно, и не возникнет нужда в использовании калмыков для охраны российских границ [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 24].

В деле красной нитью прослеживается традиционное мнение дореволюционной историографии о вине владельца Шеаренга, оказавшего существенное влияние на наместника Убаши, за откочевку. Н. Н. Пальмов приводит письмо оренбургского губернатора

И. А. Рейнсдорпа к управлявшему калмыцкими делами И. А. Кишенскому от 10 марта 1769 г.:

Вчерашнего числа получил я здесь Илецких казаков, от атамана рапорт странное известие: имеющей будто владелец Шаренг в числе трех тысяч кибиток к Нурали, хану Кайсацкому, в подданство пришел! как то в[аше] в[ысоко]б[лагоро]дие можете усмотреть из сообщенной у сего копии.

И хотя то как от киргизца происшедшее известие не можно за вероятное почитать, тем паче, что здесь известия о том нет, однакож я, по настоящим обстоятельствам не мог оставить без уважения: 1^е, не известились ли они, кайсаки, о том, что калмыки со владельцами их ныне находятся на границах Российской империи, и не хотят ли, воспользовавшись тем, напасть на оставшие[ся] их улусы? 2^е, будучи владелец Шеаренг в колеблемом его состоянии здесь известен, то нет ли и в самом деле таких от него покусителей, которые он и прежде имел уйти по каким-либо причинам в Кайсацкую орду?

Может быть, как здесь мнится, оставились в улусах своих, а потому и не производит ли какой с ханом корреспонденции. Итак я, в предварение того, войску яццкому определил на форпостах их продолжать строжайшую предосторожность, а в[аше] в[ысоко]б[лагоро]дие прошу меня уведомить (522), в каком он, Шеаренг, теперь состоянии и где находится, как и вся Калмыцкая орда, а при том и с вашей стороны не токмо о том разведание, но и надлежащую по причине сего предосторожность учинить [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 30–30об.].

Переписка между управляющим калмыцкими делами и оренбургским губернатором, посвященная обсуждению возможного ухода Шеаренга к казахам, приводится Н. Н. Пальмовым на нескольких листах, что свидетельствует о его интересе к этому сигналу о возможной близкой откочевке. Поскольку имя Н. А. Бекетова в ней не упоминается, можно сделать вывод, что губернатор не придавал значения этому факту, восприняв полученное известие за интриги владельцев.

Рассматриваемый документ включает в самом конце также выписку об одном деле более раннего периода, когда в при хане Дон-

дук-Даши после ссоры между владельцем Тукчи и его женой Эсен последняя собралась бежать в Джунгарское ханство к Галдан-Церену. Случай, не завершившийся уходом на восток, обсуждался на разных уровнях.

Заключение

Архивный документ представляет значительный интерес. В-первых, раскрывается переписка царских чиновников с Санкт-Петербургом касательно откочевки большей части калмыцкого народа в 1771 г., во-вторых, в тексте имеются собственные пометки Н. Н. Пальмова на полях, которые акцентировали внимание на, как казалось ученому, наиболее важном.

Приведенные сведения об источнике и процитированные отрывки содержат информацию как об исследуемом предмете, так и, косвенно, дают сведения о личных взглядах Н. Н. Пальмова. Как источник изучения причин откочевки калмыков в 1771 г. данный материал разносторонен и позволяет составить общее представление как об исследуемой теме, так и об охвате Н. Н. Пальмовым доступных ему источников. Вместе с тем сведения, собранные в отдельном архивном деле, с точки зрения современного исследователя являются недостаточными, и это отражает условия, в которых работал исследователь. В приводимых материалах не достает освещения проблемы со стороны. Не приведены источники оренбургской канцелярии, письма хана младшего жуза Нурали и т. д. Для создания полной картины причин откочевки калмыков в 1771 г. современному исследователю требуется привлечение сторонних источников, что и было сделано в ряде современных исследований по теме.

Однако в сложнейших условиях 20-х гг. прошлого столетия, когда над рассматриваемой исследовательской темой работал Н. Н. Пальмов, сбор и введение в научный оборот разных источников были трудно осуществимы, поэтому основной упор им сделан на официальные опубликованные источники и архивные материалы, которые он изучал в процессе становления архивного дела в возглавлявшемся им архиве. В тексте имеются краткий истори-

ографический обзор, представленный цитатой К. И. Костенкова — главного попечителя калмыцкого народа, о безразличии, на его взгляд, царского правительства к нуждам калмыков, что сыграло не последнюю роль в принятии решения об уходе элиты калмыцкого народа на Восток. Интерес представляет фрагмент переписки Цинской империи и России, в котором последняя обвиняет Цин в принятии «клятвопреступников» у себя. Из переписки видно, что царские чиновники обвиняли Шеаренга — бежавшего из Джунгарии в период ее разгрома торгутского нойона, прикочевавшего в 1758 г. к сибирским владениям России. Считалось, что именно он в течение более 10 лет убеждал калмыков уйти в Джунгарию. Определенную роль в решении уйти из пределов России оказала и Цинская империя, просившая казахских султанов пропустить калмыков через свои кочевья [Цюрюмов 2001: 14]. Н. Н. Пальмов приводит сведения о том, как астраханский губернатор оправдывается и извиняется перед императрицей Екатериной II за калмыцкий «побег». Царская администрация, тем не менее, обладала сведениями о возможном побеге, полученными из писем владельца Замьяна, сообщавшего в них губернатору Н. А. Бекетову о намерении значительной части владельцев уйти в Китай. Более того, коллежский комиссар М. С. Везелев, уведенный ханом Убаши во время откочевки, но сумевший сбежать из калмыцкого плена, вернувшись в Россию, показал, что главной причиной откочевки стала «подзывная» грамота Далай-ламы [Батмаев 1993: 354].

Из приведенного фрагмента записей Н. Н. Пальмова видно, что Н. А. Бекетов сосредоточил свои усилия на удержании оставшихся калмыков в Нижнем Поволжье. Он выдвинул предложение собрать максимальное число калмыков, какое только можно найти в оставшихся улусах, вооружить их и использовать в войне против турок, дабы не появились у противника сомнения о наличии калмыков в пределах России. Таким образом, Н. Н. Пальмов рассматривал проблему комплексно, в контексте и внутренней, и внешней политики Российского государства.

После ухода большей части калмыцкого народа астраханский губернатор Н. А. Бекетов видел главной своей задачей удержать

оставшихся калмыков от побега, что он и писал президенту коллегии иностранных дел Н. И. Панину от 17 февраля 1771 г. [[Белоусов 2009: 30](#)].

Данные, представленные в этом источнике, показывают противоречивость причин откочевки большей части калмыцкого народа в направлении разгромленной к тому времени цинскими войсками Джунгарии в 1771 г. Из дипломатической переписки России и Китая также видно, что последний считал «бегство» калмыков из пределов России вынужденным шагом, в связи с бедственным положением, а также был заинтересован в поселении калмыков на территории бывшего Джунгарского ханства. Российская сторона, напротив, требовала возвращения «мятежников».

Исследуемый источник несет на себе отпечаток дореволюционной историографии, для которой было характерно всецелое обвинение калмыцкой стороны и подчеркивание филантропии царского правительства по отношению к калмыцкому народу. Сам Н. Н. Пальмов пришел к выводу о вине конкретных людей за откочевку. Тем не менее он привел цитату К. И. Костенкова о вине царского правительства в пренебрежении нуждами калмыцкого народа, что, отчасти, отражает мнение самого Н. Н. Пальмова, характеризует его взгляд как переходный от дореволюционного на современному, в рамках которого подчеркивается комплексность причин откочевки.

Н. Н. Пальмов во время написания «Очерков по истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России» использовал не только материалы, сведения о которых приведены в нашей статье. По всей видимости, другие черновые записи, выписки, сделанные им в ходе подготовки публикации, не сохранились. В частности в данном деле нет никаких ссылок или упоминаний на допросы калмыков, полученные уже после ухода большей части калмыков на Восток [[Пальмов 1922: 68–70](#)]. Пометки на полях текста, подчеркивания, как казалось самому исследователю, самого важного демонстрируют его собственный взгляд на это историческое событие, что имеет свою ценность для изучения деятельности Н. Н. Пальмова, его жизнеописания.

Источники

- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
- Лист в Китайский 1904 — Лист в Китайский трибунал // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 118. Политическая переписка Императрицы Екатерины II: Ч. 7-я (годы с 1772 по 1773) / отв. за вып. Ф. Р. Остен-Сакен. СПб.: Тип. В. Кишбаума, 1904. С. 31–35.
- Проект ответа 1904 — Проект ответа в Китайский трибунал на последний их лист о калмыках. По делу о бежавших калмыках // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 118. Политическая переписка Императрицы Екатерины II: Ч. 7-я (годы с 1772 по 1773) / отв. за вып. Ф. Р. Остен-Сакен. СПб.: Тип. В. Кишбаума, 1904. С. 412–416.
- Собственноручная 1904 — Собственноручная записка Императрицы. По поводу листа из Китайского трибунала о бегстве калмыков за китайскую границу // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 118. Политическая переписка Императрицы Екатерины II: Ч. 7-я (годы с 1772 по 1773) / отв. за вып. Ф. Р. Остен-Сакен. СПб.: Тип. В. Кишбаума, 1904. С. 1.

Литература

- Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста: Калмкнигоиздат, 1993. 381 с.
- Белоусов 2009 — *Белоусов С. С.* Восстановление порядка и управления в калмыцких кочевьях после откочевки в 1771 г. в Джунгарию большей части калмыцкого народа // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 30–33.
- Бичурин 1854 — *Бичурин Н. Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.: Тип. Мед. Департ. м-ва внутр. дел, 1854. 108 с.
- Бурчинова 1978 — *Бурчинова Л. С.* Ученый, педагог, человек: биографический очерк о Н. Н. Пальмове. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 36 с.
- Гучинов 1974 — *Гучинов М. И.* Н. Н. Пальмов — организатор архивного дела в Советской Калмыкии // Вестник Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 11. Сер. истор. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 76–89.
- Джагаева 2013 — *Джагаева О. А.* О научной и педагогической деятельности профессора Н. Н. Пальмова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 30–33.

- Джагаева 2018 — *Джагаева О. А.* Вклад профессора Н. Н. Пальмова в развитие исторической науки в Калмыкии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 4 (57). 2018 С. 58–63.
- Джалаева 2003 — *Джалаева А. М.* К биографии профессора Н. Н. Пальмова // Пальмовские чтения: Мат-лы регион. науч.-практ. конф. Элиста: [б. и.], 2003. С. 54–60.
- Джалаева 2007 — *Джалаева А. М.* Предисловие // Пальмов Н. Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. С. 3–25.
- Дорджиева 2002 — *Дорджиева Е. В.* Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. 212 с.
- Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках, М.: Вост. лит. РАН, 2003. 286 с.
- Костенков 1868 — *Костенков К. И.* Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1868. 162 с.
- Курапов 2018 — *Курапов А. А.* Н. Н. Пальмов о буддийском духовенстве калмыков в XVII–XVIII вв. // Вестник Калмыцкого государственного университета. 2018. № 2 (38). С. 19–25.
- Манджикова 2021 — *Манджикова Л. Б.* О вкладе Н. Н. Пальмова и его соратников в становление архивного дела Калмыкии. 1918–1934 гг. // Астраханские краеведческие чтения. Вып. XIII. Астрахань: Изд. Сорокин Р. В., 2021. С. 220–225.
- Наберухин 1974 — *Наберухин А. И.* Н. Н. Пальмов об эволюции политического строя Калмыцкого ханства // Вестник Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и науки. Вып. II. Элиста: КНИИЯЛИ. 1974. С. 23–28.
- Очиров 2012 — *Очиров А. В.* Участие калмыков в войнах России (первая треть XVIII – начало XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. Вып. 9 (113). С. 333–338.
- Пальмов 2007 — *Пальмов Н. Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 464 с.
- Пальмов 1992 — *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 158 с.
- Пальмов 1922 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань: Калмгосиздат, 1922. 139 с.

- Пальмов 1992 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Изд. 2-е. / предисл. Л. С. Бурчиновой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 158 с.
- Пальмов 1926 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. I. XVII и начало XVIII века. Астрахань: Изд. Калмоблисполкома, 1926. 264 с.
- Пальмов 1927 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. II. XVIII век. Астрахань: Изд. Калмоблисполкома, 1927. 230 с.
- Пальмов 1929 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. III и Ч. III и IV. Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Астрахань: Изд. Калмоблисполкома, 1929. 391 с.
- Пальмов 1932 — Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. V. Дела земельные. Астрахань: Изд. калмоблисполкома, 1932. 185 с.
- Прозрителев 1912 — *Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмык. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года. Ставрополь: Тип. губернского правления, 1912. [355] с. разд. паг., 16 л. илл.
- Цюрюмов 2001 — *Цюрюмов А. В.* О причинах откочевки калмыков в Китай в 1771 году // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Мат-лы III междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2001. С. 10–15.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 464 с.
- Эрдниева 1989 — *Эрдниева К. О.* Летописец калмыцкой истории // Теегин герл. 1989. № 2. С. 94–95.

УДК / UDC 821.584.6

DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-36-49

О джатаке «Король нагов» из сборника «Гирлянда рассказов о прошлых жизнях Учителя»

Ольга Александровна Максимова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0001-6329-151X. E-mail: maksimovaos@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Максимова О. А., 2022

Аннотация. *Введение.* Джатаки являются одним из самых популярных жанров буддийской литературы. «Гирлянда рассказов о прошлых жизнях Учителя (Будды)» из «Собрания сочинений линии преемственности Гьялва Кармап» представляет интерес с точки зрения отражения буддийского учения о десяти парамитах — совершенных деяниях бодхисаттвы, которые предписано выполнять последователям учения. Фабула джатаки «Король Нагов» нацелена на описание особого действия, совершенного Буддой в предыдущей жизни. *Цель* статьи — ввести в научный оборот сведения об указанной джатаке из архива электронной библиотеки буддийских источников (BDRC). *Результаты.* Сборник «Гирлянда рассказов о прошлых жизнях Учителя» включает 100 джатак. Этот сборник издавался в Пекине под названием «100 рассказов о прошлых жизнях Будды» и также состоял из 100 джатак. Текстологический анализ джатаки под номером 68 «Король Нагов» в разных изданиях (Лхасское и Пекинское) показал, что в текстах имеются незначительные отличия и что в целом они совпадают. Основная мораль сопряжена с парамитой «искусные методы», т. е. с одним из 10-ти особых действий бодхисаттвы, совершаемых им на пути становления Буддой.

Ключевые слова: джатака, рассказы о прошлых жизнях Будды, Кармапа III Рангджунг Дордже (1284–1339), парамита, искусные методы (средства)

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Максимова О. А. О джатаке «Король нагов» из сборника «Гирлянда рассказов о прошлых жизнях Учителя» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 36–49. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-36-49

The Nāga King: One Jātaka from The Garland of Stories of Teacher’s Past Lives Revisited

*Olga A. Maksimova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

M.A. (Philosophy), Junior Research Associate

 0000-0001-6329-151X. E-mail: maksimovaos@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2022

© Maksimova O. A., 2022

Abstract. *Introduction.* Jātakas are a most popular genre of Buddhist literature. The Garland of Stories of Teacher’s Past Lives from Collected Works of the Successive Embodiments of the Karmapas (1st to 10th and 13th to 15th) is of interest due to its relevance to the Buddhist doctrine of ten *pāramitās* — bodhisattva’s perfect deeds to be observed by followers. The plot of The Nāga King narrates a special deed of the Buddha practiced by him in one of his past lives. *Goals.* The paper aims to introduce data on the mentioned jātaka for scientific use from Buddhist Digital Resource Center (BDRC). *Results.* The Garland of Stories of Teacher’s Past Lives comprises 100 jātakas. This collection was published by Nationalities Languages Press (Beijing) under the title ‘100 Stories of Buddha’s Past Lives’ that also included 100 jātakas. Our analysis of the Lhasa and Beijing editions shows texts of jātaka 68 (The Nāga King) have though minor discrepancies. The moral is associated with the *pāramitā* of ‘skillful means’, i.e. one of the 10 special deeds practiced by a bodhisattva on the way to Buddhahood.

Keywords: jātaḱa, stories of Buddha’s previous lives, 3rd Karmapa Rangjung Dorje (1284–1339), pāramitā, skillful means

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Maksimova O. A. The Nāga King: One Jātaka from The Garland of Stories of Teacher’s Past Lives Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 1: 36–49. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-36-49

Введение

Джатаки являются каноническими произведениями, входят в раздел «Куддака-никая¹» палийского канона (коллекция малых текстов: тома 27, 28, части 1, 2) [Payutto 2004: 41] и повествуют о предыдущих воплощениях Будды, когда он был бодхисаттвой. Данный жанр буддийской литературы является одним из самых популярных, а сюжеты самых известных рассказов изображены в виде стенописей и барельефов в различных храмовых комплексах, пещерных храмах Южной, Центральной и Юго-Восточной Азии (Аджанта — Индия, Кизил — Китай, Боробудур — Индонезия). Сюжеты многих джатак берут свое начало в индийском фольклоре, сказках и т. д. Похожие истории часто встречаются в индуистской, джайнийской и буддийской литературах.

Структура джатак представляется следующим образом: 1) рассказ в настоящем времени, где Будда описывает обстоятельства, являющиеся стимулом для воспоминания историй из прошлой жизни; 2) рассказ из прошлого, который состоит из: стихов, канонических строф гатха (от санскр. *gāthā*), содержащих основную мораль рассказа, часто не имеющих буддийскую основу; прозаического комментария на каноническую строфу, гатху, но уже в

¹ Куддака-Никая — раздел Сутра-питаки, одной из «Трех корзин»/Трипитаки (на пали Типитаки), — свода буддийской канонической литературы, записанные в I в. до н. э., состоящего из трех разделов: виная, сутра, абхидхарма. См. «Слово Будды» [Андросов 2011: 339–340].

буддийском контексте; связи прошлого с настоящим, где Будда определяет своих слушателей как перерожденных в настоящем героев рассказа в прошлом.

Материалы

«Собрание сочинений линии преемственности Гьялва Кармапа»² (*тиб.* karma pa sku phreng rim byon gyi gsung 'bum phyogs bsgrigs) представляет собой 108 томов и включает труды духовных лидеров школы Карма Кагью тибетского буддизма, начиная с Кармапы I (XII в.) до Кармапы X (XVII вв.) и Кармапы XIII (XVIII в.) до Кармапы XV (XX в.). Тома 11 и 12 включают сборник «Гирлянда рассказов о прошлых жизнях Учителя» (*тиб.* sTon pa thams cad mkhyen pa'i skyes rabs phreng). Автором этого сборника является Кармапа III Рангджунг Доржде (*тиб.* rang byung rdo rje) (XIV в.). В электронной библиотеке буддийских источников (BDRC) это собрание сочинений представлено в виде современного издания (2013 г.).

Основная терминология

Бодхисаттва (санскр. bodhi-sattva, тиб. byang chub sems dpa') — существо, стремящееся к Просветлению; просветленное существо; в раннем буддизме и в книгах школ Малой колесницы так называли Будду Шакьямуни до просветления, в том числе во всех предыдущих рождениях [Андросов 2011: 129].

«Джатака (санскр. jātaḥ, тиб. skyes pa'i rabs) — рождение, произведение и жанр буддийской канонической и постканонической литературы, состоящей из прозаических повествований (со стихотворными вставками) о жизни Будды Шакьямуни в предыдущих рождениях, в этих текстах его обобщенно называют бодхисаттвой» [Андросов 2011: 211]. По мнению М. Винтерниц, «джатаки это не что иное, как аваданы, героем которых является Бодхисаттва» [Winternitz 1933: 277].

Авадана (санскр. avadānam, тиб. rtogs pa brjod pa) — героический поступок / подвиг, «рассказ о духовно-значительном поступке», этико-дидактический жанр буддийской литературы, ис-

² Buddhist Digital Resource Center. Т. 12. С. 188–192 [электронный ресурс] // URL: <https://library.bdrc.io/show/bdr:W3PD1288> (дата обращения: 19.01.2022).

пользуемый для повествования о высоконравственных решениях, которые принимали святые в прежних воплощениях» [Андросов 2011: 95–96].

Парамита (санскр. *pāramitā*, тиб. *pha rol tu phyin pa*) — переправа, переход к совершенству, совершенствование — понятие учения об освобождении, характеризующее способы духовного роста бодхисаттвы. В раннем буддизме и особенно в джатаках парамиты лишь упоминались как качества Будды Шакьямуни, проявленные им в предыдущих рожденьях Бодхисаттвой и рекомендованные последователям в качестве духовных практик [Андросов 2011: 305]. Такие действия, или качества ума, как: 1) щедрость / даяние, 2) дисциплина / нравственность, 3) терпение, 4) усердие, 5) медитация / созерцание, 6) мудрость / высшее знание, 7) метод / искусные методы, 8) молитвы-пожелания, 9) сила / духовные силы и 10) изначальная мудрость, — называются парамитами.

О сборнике «Гирлянда рассказов о прошлых жизнях Учителя» Кармапы III

Коллекция «Гирлянда рассказов о прошлых жизнях Учителя» (тиб. *ston pa thams cad mkhyen pa'i skyes rabs phreng*) является собранием Джатакамалы Арья Шуры (*Āryaśūra's Jātakamālā*, IV в.) с джатаками Кармапы Рангджунг Дордже (XIV в.). Джатакама-ла Арья Шуры (34 джатаки) переводилась на русский язык как «Джатаки: избранные рассказы о прошлых жизнях Будды» (перевод с пали, выполненный А. Парибком) [Джатаки 2003]; «Арья Шура. Гирлянда Джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы» (перевод с санскрита А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой) [Арья Шура 2000]. Перевод на английский язык с санскрита осуществлен П. Коршэ («*Ārya Śūra's Jātakamālā*») [Once the Buddha Was a Monkey 1989], а также Дж. Спэйером («*Jātakamālā or Garland of Birth Stories by Āryaśūra*») [Jātakamālā 2010].

Согласно Таранатхе, «Джатакама-ла» не является законченной работой, так как ее автор собирался записать «десять десятков (сто) перерождений Будды соответственно десяти парамитам (по десять перерождений на каждую)», но успел записать лишь 34 [Дараната 1869: 100]. III Кармапа Рангджунг Дордже (тиб. *gang 'byung rdo rje*,

1284–1339) дополнил джатаки таким образом, что получилось сто рассказов³ (10*10). Данный сборник состоит из 100 джатак, среди которых имеются две джатаки с одинаковым названием «Король нагов⁴». Сюжеты этих джатак различны, в тексте есть уточнение, что главного персонажа джатаки № 58 зовут *Король нагов Барабан* (тиб. *klu'i rgyal po rnga*), т. е. главные герои джатак различны. Далее мы приводим транслитерацию и перевод джатаки № 68 «Король Нагов» из рассматриваемого сборника.

Джатака «Король нагов»

Джатака «Король Нагов» переведена на английский язык Рут Гэмбл в рамках серии «Жизни Мастеров», под названием «III Кармапа Рангджунг Дордже, мастер махамудры» (*The Third Karmapa Rangjung Dorje. Master of Mahāmudrā, Series: Lives of the Masters*) [[Gamble 2020: 223–228](#)].

На русский язык текст переводится впервые. Джатака повествует о короле нагов/нагарадже (санскр. *nāgarājaḥ* тиб. *klu'i rgyal po*), который обладал большой властью благодаря альтруизму и сочувствию к живым существам. Он обладал мудростью и искусными средствами и прочими благородными качествами. Так, увидев, что наги, которые жили в округе, имели тенденцию перерождаться в низших мирах⁵, он решил использовать следующий метод. Он показал, что у него есть богатства в виде золота, серебра, различных драгоценных камней, и сказал, что любой может взять что-то из этого, но, взяв драгоценность, вступит на путь десяти благоприятных действий, т. е. на путь⁶ либо шраваков, либо пратьека-будд, либо бодхисатвы к полному просветлению. Таким образом, у жителей того мира зародились мысли о Дхарме, они вступили на путь добродетелей и тем самым избежали неблагоприятных перерождений в низших мирах.

³ В название каждого рассказа входит его порядковый номер, например, *dang po / byang chub sems dra'i rtoqs pa brjod pa* '1. Авадана о бодхисатве'.

⁴ Мифическое змееподобное существо.

⁵ Миры адов, голодных духов, животных.

⁶ В рассматриваемом тексте путь называется колесницей.

Транслитерация⁷

Re brgyad pa / klu'i rgyal po'i skyes pa'i rabs

[188]

skyes bu dam pa ni thabs mkhas pa du mas 'gro ba rnams kyi bsam pa ji lta
ba bzhin du rjes su mthun par 'jug cing / re ba yongs su rdzogs par byed do / de
yang 'di skad thos te / sngon byung ba 'das pa'i dus na / bskal pa chen po legs
bcas zhes bya ba bdag cag gi ston pa ni 'dzam bu'i shing ba Ta skye ba'i gnas
su / klu'i rgyal po gter ston zhes bya bar skye ba bzung bar gyur to zhes grag
go / bdag nyid che ba rnams ni gzhan gyi phyir / sna tshogs don du sna tshogs
spyod la 'jug / de bas 'dir ni klu yi dbang po de /

sa chen rgya mtsho'i 'jings rnams mthar btugs par⁸ /

rnam par dag pas rab tu dbang byed phyir /

lhag bsam mthu yis skye ba rab tu bzung /

snying rje'i klu dbang shes rab lus rgyas shing /

thab mkhas gdengs ka phyar ba'i mgo bos mdzes /

brtse ba'i sprin phung rab tu g.yo byed cing /

legs bshad tshim par byed pa'i 'brug sgra sgrogs /

ye shes 'od kyi dra ba nram 'gyed cing /

sbyin pa'i char rgyun rab tu mthun byas te /

'gro ba'i zhing rnams rab tu tshim byed pa'i /

sems dpa' klu dbang chen po rnams la mnga' /

de bas tshul 'di bstan par gyur pa snyam /

de

[189]

ltar bdag nyid che ba'i byang chub sems dpa' 'khor ba ji srid du bdag gi
don ring du spangs te / rtag tu sems can thams cad la phan par bzhed pa can
des 'di ltar brtags pa / 'dzam bu'i gling nram rgyal sgra dbyangs ces bya ba der
skyes pa'i sems can rnams ni dbul zhing 'phongs pa / kun tu longs spyod kyis
chog mi shes pa / de'i dbang gis sgrib par spyod pa'i lam la 'jug cing log par
ltung pa la kun tu gzhol bar rig nas de las bzlog pa'i phyir bdag nyid chen po
des brtson pa de lta bus sbyor bar gyur te / gang gi nub mo klu nram kyi nang

⁷ В транслитерации использованы заглавные буквы для передачи санскритских графем, согласно правилам расширенной транслитерации Т. Вайли [<https://www.rigpawiki.org/index.php?title=Wylie>], косая линия используется для передачи пунктуационного знака ше (*shad*).

⁸ В оригинале на тибетском языке следует 12 стихотворных строф, каждая из которых состоит из 9-ти слогов.

du skyes pa de nyid kyi tshe / rin po che'i gter bye ba khrag khrig 'bum phrag mi rnam la kun tu bstan nas sgra sgrags pa / kye sems can dag phyogs 'di na gser dang / dngul dang / be T'u rya dang / man shel dang / byi ru dang / skar mdog dang / chu gdangs la sogs pa'i rin po che sna tshogs kyis yongs su gang pa'i gter dag yod kyis / so sor legs par long la rtsod pa med par blangs nas kyang / dge ba bcu'i las kyi lam yang dag par zung zhig / nyan thos kyi theg pa'm / rang sangs rgyas kyi theg pa'm / bla na med pa yang dag par rdzogs pa'i sangs rgyas kyi theg pa gang la mos par sems bskyed cig / de ltar byas na longs spyod thams cad

[190]

kyang chud ma zos par 'gyur ro / zhes rjes su bstan cing 'di ltar brjod par nges so / gang na 'dzam gling skye bo rnam / kun tu phongs par gyur pa la / 'dod dang bag med 'khrug pa yis / thar par gyur pa ma yin gyis / bag yod chog shes ldan pa yis / bdag gis bstan pa'i rin chen gter / long la 'bras bu don yod byos / phongs par gyur pa ga la srid / kye ma 'dzam bu'i gling gi skye bo rnam / rtsod cing 'khrug pa med par rin chen dag / long la rdzogs pa'i byang chub sems bskyed cing / su yang ngal zhing don med ma gyur cig / dbyig rnam kyis kyang shin tu phan thogs 'gyur / bag yod chos ldan gter la longs spyod na / phyr zhing gter mang rgya phrag thob par 'gyur / bag med 'khrug cing 'dod pa'i dbang gyur pas / rnam dag longs spyod thob par mi 'gyur ro / de bas khyod rnam ring du chos spyod cig / bdag gis rin chen gter rnam sbyin par bya'o / de ltar bdag nyid che bas kun tu bstan / skye bo rnam ni dga' bas mig bgrad nas / a la la zhes rin chen gter rnam la / bag kyang nas ni legs par blangs te spyod / de'i tshig bzhin dad pa bskyed par byas / de lta bu'i tshul gyis bdag nyid chen po des / lo bye ba khrag khrig 'bum phrag bdun cu rtsa bdun gyi bar du rin

[191]

po che'i gter dpag tu med grangs med pa rnam sems can rnam la btan cing rab tu byin nas / der sems can dpag tu med pa grangs med pa dag kyang rim gyis drangs te theg pa gsum la nges par sbyor bar byas so / 'jig rten na ni 'dod ldan dag / 'dod pa'i dbang gyur dga' ma zhes / kun tu de'i dbang du gyur / de bzhin gzhan la phan byed pa'i / rgyal sras rang gi 'dod bral ba'i / 'dod ldan 'dod la drangs te 'god / 'di ni thabs mkhas spyod pa zhes / rgyal sras rnam kyis bsngags pa snyam / gang zhig 'jig rten skye bo dag kyang gzhan la phan 'dod pas / bskul ba min kyang rang gi don phyr 'dod pa'i rgyu yis ni / kun tu bskyod nas gnyen zhes de'i rjes su 'jug par spyod / de ltar rab tu dkris gang de la nges par 'jug pa mtshar / gzhan la phan byed bskal pa du mar rang gi don /

spangs te brtse ba'i shugs kyis bu sdug bzhin mdzes shing / phan bde mchog rab stsol bar mdzad de'i rjes su mi 'jug pa yang yod / kye ma mtshar byas 'khor ba'i rang bzhin 'di ni su yis rtogs par 'gyur / de ltar byang chub sems dpa' 'gro ba de dag gi 'dul ba'i sgo ji lta ba dang / thabs ji lta bar yongs su 'dul ba'i sgo britan nas / smon lam yang dag par yongs su rdzogs

[192]

par mdzad par gyur to / de lta bas na skyes bu dam pa rnams ni thabs mkhas pa'i dbang gis gzhan gyi don yongs su rdzogs par mdzad cing skyo ba med pa la gnas pa yin no / bdag cag gi ston pa bcom ldan 'das 'di ni sgyu med par sems can thams cad la snying rje chen po'i dbang gis don / yongs su rdzogs par mdzad do ces sangs rgyas kyi yon tan bsnags pa la yang brjod par bya'o / gzhan yang longs spyod rnams ni bag med par 'gyur ba'i gzhi yin yang / 'gro ba rnams bkren pa'i dbang gis mi dge ba spyod pa las bzlog nas byang chub kyi lam du smin par mdzad pa 'di ni thabs mkhas pa'i yan lag yin no / zhes kyang sbyor bar bya'o / klu'i rgyal por skyes pa'i rabs te drug cu brgyad pa'o //

Перевод⁹

68. Джатака «Король нагов»

Святые существа, применяя искусные методы, действуют в соответствии с пожеланиями живых существ и исполняют их надежды и пожелания [именно так, как они были сделаны]. Так, нижеследующее было передано в традиции [джатак].

Давным-давно, во времена великой *кальпы*¹⁰, называемой *Обладающая Добродетелью*, наш Учитель выбрал рождение королем нагов по имени *Открыватель Сокровищ*¹¹ на [мистическом] дереве *Бха Тра*, на континенте *Дзамбулинг*¹².

С целью помогать другим Великие существа включаются в разного рода деятельность и совершают отличительные действия бодхисаттв. В данном случае этот король нагов:

⁹ В квадратные скобки, используемые в переводе, помещаются слова, отсутствующие в тибетском оригинале, но необходимые на русском языке для правильного понимания смысла текста.

¹⁰ Великая кальпа (тиб. bskal pa chen po) — временной период вселенной, понятие буддийской космологии.

¹¹ Тертон (тиб. gter ston) — открыватель сокровищ, тантрический мастер школы *ньюгма*, находящий *терма*.

¹² Дзамбулинг (тиб. 'dzam bu gling) — материк с деревом Дзамбу / Джамбу.

осуществил сознательное перерождение для того, чтобы благородно [и честно] править всеми землями до самых их краев и всеми океанами до самых их глубин. Его силы были [проявлениями] его сострадания, а его тело было [проявлением] высшего знания. Его голову украшал красивый змеиный капюшон, который [был результатом] его искусства в методах. Он был окружен клубящимися облаками, [порожденными] его любовью. Его изящные изречения успокаивали, словно раскаты грома, он отбрасывал сеть своей мудрости и [порождал] потоки щедрости. Эти дожди напоили всех живых существ. И он обладал властью над всеми великими бодхисаттвами-нагами¹³.

Рассмотрим далее, как он обучал и трансформировал существ. Так, это Великое существо, бодхисаттва, отказался от своих интересов до тех пор, пока будет существовать сансара¹⁴. Он постоянно заботился о живых существах, населявших местность под названием *Победоносная мелодичная речь Дзамбулинга*.

Существа, рожденные в месте, где он жил, были бедны. Так как они не могли насытиться богатствами и ресурсами, они шли по пути невежества и темных действий. Поняв, что все они склонны упасть в низшие сферы, Великое существо предприняло следующее[, чтобы этого не допустить]. Во время своего пребывания среди нагов каждый вечер он демонстрировал сотни тысяч различных драгоценных камней, а затем провозглашал: «Слушайте, существа! Здесь есть золото, серебро, лазурит, хрусталь, коралл, звездчатые камни, водные камни и всевозможные драгоценные камни. Они сложены как сокровища. Каждый из вас может взять что-то без усилий. Но когда вы возьмете их, вы вступите на путь десяти добродетелей¹⁵. Метод, который я использую, приведет вас к колеснице либо шраваков, либо пратьека-будд, а также к колеснице непревзойденного, полностью реализованного Будды. Если вы будете практиковать таким образом, вы создадите все это богатство».

¹³ В данном абзаце русский перевод тибетского стихотворного текста дан в прозаической форме.

¹⁴ Сансара (тиб. 'khor ba) — круговорот рождений, обусловленное существование.

¹⁵ Десять добродетелей / десять благодеяний — одно из важнейших нравственных учений буддизма, противоположны десяти злодеяниям: убийство, воровство и т. д. См. Десять благодеяний [[Андросов 2011: 209](#)].

После того как он сделал это, бедные, желающие, беспечные и беспокойные жители *Дзамбулинга* сделались осмысленными и довольными. Король нагов сказал: «То, чему я вас научил, — это драгоценное сокровище. И результат этого имеет смысл. Как так случилось, что вы бедны? О! Существа *Дзамбулинга*! Эта драгоценность бесконфликтна, и пусть вы породите ум полного пробуждения. Эти драгоценные камни будут очень полезны. Эти сокровища — драгоценности Дхармы, берите их. И в дальнейшем вы обретете еще множество сокровищ. Беспечность, раздоры и желания обернутся неизменными радостью и богатством, которые вы обретете. Поэтому практикуйте Дхарму, и я буду давать вам эти сокровища!».

Таким образом Великое существо обучал. Существа широко раскрыли глаза от радости и сказали: «А-ла-ла!» и стали брать сокровища, наслаждаясь этим. Таким образом, они породили мысли о Дхарме. Он продолжал ту же практику годами. Он отдавал, пока не отдал семьдесят семь сотен тысяч разновидностей драгоценных камней. Он щедро давал учения бесчисленному количеству существ. Он привел бесчисленное количество существ к трем колесницам и, наконец, к их практике.

В этом *Мире*¹⁶ те, кто подвержен *желанию*, называются страстными, и они полностью подчинены власти страстей. Сам *сын Победителя*¹⁷ был свободен от желаний, был альтруистом и помогал другим, и он вел других охваченных страстью существ к желаемому. Это называется *искусное поведение* и восхваляется [всеми] *бодхисаттвами*. Существа этого *мира* ведомы своими собственными желаниями и интересами, а не мотивированы помогать другим. Когда они затронуты этим, тогда они увлекают и всех своих друзей и родственников в эту активность удивительным образом. Когда они захвачены этим, они на протяжении многих кальп могут приносить пользу другим, пренебрегая своими собственными интересами. Силой любви они действуют [в отношении других так], как к любимому ребенку, и даруют высшее счастье и пользу. Но будут и такие, кто [останется в стороне и] не вовлечется в это. О! Кто осознает эту удивительную природу сансары!?

Таким образом, главная мысль этого рассказа состоит в том, что бодхисаттвы могут обучать существ разными методами. Это один из

¹⁶ Семь миров существования (санскр. *sapta loka*, тиб. 'jig rten bdun [Tsepak Rigzin 2008: 86]).

¹⁷ Сын Победителя, принц (тиб. *gyal sras*), или сын Будды, — один из эпитетов бодхисаттвы.

методов, которым он направлял своих учеников [по пути]. Его пожелания-молитвы [и намерения] были чистыми и совершенными. Так, святые существа обладают искусными методами, неутомимо работают на благо других.

Сказано, что наш учитель бхагаван, благодаря своему состраданию ко всем живым существам, будет честно работать, не покладая рук для их блага. Это относится к качествам Будды и восхваляется¹⁸ [буддийской общиной, сангхой]. Искусные методы — это один из способов преодолеть бедность, которая заставляет существ совершать негативные поступки, и направить их по пути бодхисаттвы, пути к духовной зрелости [просветлению¹⁹].

Это была джатака «Король нагов», шестьдесят восьмой рассказа.

Заключение

Перечисление имен главных персонажей из сборника «Гирлянда рассказов о прошлых жизнях Учителя», автором которого является III Кармапа Рангджунг Дордже, является одной из составных частей сборника молитв-пожеланий Великого Менлама Кагью [Великий Менлам Кагью²⁰ 2014]. Оно читается во время праздника благопожеланий. Это мероприятие проводится ежегодно, как правило, в Бодх-гае²¹ у ступы Махабодхи²².

Предназначение текста данной джатаки — рассказать о том, что Будда, помогая живым существам и будучи еще бодхисаттвой, применял парамиту искусных методов. Как было упомянуто ранее, данная джатака из указанного сборника относится к тем сочинениям, в которых описывается парамита «искусные методы». Так, в одной из своих прошлых жизней Будда родился королем

¹⁸ Восхваление и обращение к Буддам. См. Восхваление всех Будд [Великий Менлам Кагью 2014: 88].

¹⁹ Просветление — одна из основных религиозных целей буддистов.

²⁰ Кагью (тиб. བཀའ་བློན་པོ་འཇུག་) — традиция устной передачи наставлений, линия духовной преемственности, школа индо-тибетского буддизма Ваджраяны. См. Кагью, Карма-кагью [Андросов 2011:240].

²¹ Священный город на северо-востоке Индии в штате Бихар.

²² См. Кагью Монлам [электронный ресурс] // URL: <https://www.karmapa.org/kagyuu-monlam/> (дата обращения: 19.04.2022).

нагов и, опираясь на свое сочувствие к живым существам, на способность видеть их карму, он изыскал метод для приведения их на путь практики Дхармы — десяти благоприятных действий. В итоге живые существа избежали рождения в низших мирах, где бы они переживали большое количество страданий.

Коннотация повествования заключается в том, чтобы, показав образ действия бодхисаттвы на пути, мотивировать монахов и мирян совершать подобные действия в контексте их собственной практики бодхисаттвы на пути становления Буддой.

Текст и его перевод могут представлять ценность как для востоковедов, буддологов и практикующих буддистов, так и для широкого круга читателей, интересующихся индийской и буддийской литературой.

Источники

LS1 — *Rang byung rdo rje*. Ston pa thams cad mkhyen pa'i skyes rabs phreng (= Гирлянда рассказов о прошлых жизнях Учителя) // Dpal rgyal dbang karma pa sku phreng rim byon gyi gsung 'bum phyogs bsgrigs (= Собрание сочинений линии преемственности Гьялва Кармап). Lhasa (= Лхаса): Dpal brtsegs bod yig dpe mnying zhib 'jug khang (= Издательство Изучение памятников древности имени Палцег²³), 2013. Vol. 11. Pp. 69–590. Vol. 12. Pp. 1–602.

BJ1 — *Rang byung rdo rje*. Sangs rgyas bcom ldan 'das kyi skyes rabs brgya ba bzhugs so (= 100 рассказов о прошлых жизнях Будды). Pe cing (= Пекин): mi rigs dpe skrun khang (= Языки Национальностей Пресс), 1995. 732 с.

Литература

Андросов 2011 — Андросов В. П. Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь. М.: Ориенталия, 2011. 448 с.

Арья Шура 2000 — Арья Шура. Гирлянда Джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы / пер. с санскр. А. П. Баранникова, О. Ф. Волковой. М.: Вост. лит., 2000. 367 с.

Великий Менлам Кагью 2014 — Врата двух накоплений. Сборник молитв-пожеланий Великого Менлама Кагью (русская версия) / сост.

²³ Аббревиатура имен двух переводчиков буддийского канона ska ba dpal brtsegs и cog ro klu yi rgyal mtshan.

- и ред.: Кхенпо Карсанг Тензин, Лопен Нгаванг Дордже, Хелена Ли Чой. [Б. м.]: [б. и.], 2014. 428 с.
- Дараната 1869 — *Дараната*. Буддизм, его догматы, история и литература. пер. с тиб. В. Васильева. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869. 288 с.
- Джатаки 2003 — Джатаки: избранные рассказы о прошлых жизнях Будды / пер. с пали А. Парибка, В. Эрмана. СПб.: МЭОО Возрождение — Культурный центр «Уддияна», 2003. 416 с.
- Gamble 2020 — *Gamble R. The Third Karmapa Rangjung Dorje. Master of Mahāmudrā*. (Series: Lives of the Masters). Boston: Shambala. 2020. 274 p.
- Jātakamālā 2010 — *Jātakamālā or Garland of Birth Stories by Āryaśūra translated by J. S. Speyer*. Electronic edition 2010. 458 p.
- Once the Buddha Was a Monkey 1989 — *Once the Buddha Was a Monkey. Ārya Śūra's Jātakamālā / translated from the Sanskrit into English by Peter Khoroché*. Chicago: The University of Chicago Press, 1989. 273 p.
- Payutto 2004 — *Payutto P.A. The Pali Canon: What a Buddhist Must Know*. Translated into English by Dr. Somseen Chanawangsa, 2004. 71 p. [электронный ресурс] // URL: https://book.watnyanaves.net/pdf/viewer.php?bookid=the_pali_canon_what_a_buddhist_must_know.pdf (дата обращения: 20.03.2022).
- Tsepak Rigzin 2008 — *Tsepak Rigzin. Tibetan-English Dictionary of Buddhist Terminology*. Library of Tibetan Works and Archives, 2008. 306 p.
- Winternitz 1933 — *Winternitz M. A History of Indian Literature*. Vol. II. The Calcutta University Press. Calcutta, 1933. 676 p.

Предметы экстраутилитарной деятельности из коллекции каменных изделий верхнепалеолитической стоянки *Сергеевка-1* в Южном Приуралье

*Вячеслав Георгиевич Котов*¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-3510-0058. E-mail: kslav1@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Котов В. Г. 2022

Аннотация. *Цель* статьи — введение в научный оборот новых образцов художественной деятельности эпохи верхнего палеолита — предметов из коллекции каменных изделий, обнаруженных на стоянке *Сергеевка-1*, которая расположена на берегу Нугушского водохранилища в Мелеузовском районе Республики Башкортостан. *Результаты.* Коллекция каменных изделий насчитывает более 5 тыс. находок. Она датируется, согласно радиоуглеродному анализу, 18000 ± 340 л. н. (Le-9603). На стоянке *Сергеевка-1* были найдены 2 галечные скульптуры, фигурный кремь, орнаментированная подвеска из стеатита и орнаментированный по краям отбойник-ретушер из продолговатой гальки окремненного сланца. Сделана попытка на основе этнографических аналогий дать семантический анализ этих скульптурных изображений. Для верхнего палеолита мы можем предполагать, что использование и почитание естественных форм, дополненное орнаментированием орудий труда и украшений из естественных форм камня и кости, являются важным и специфичным способом символизации в рамках изобразительной деятельности на территории Урало-Поволжья.

Ключевые слова: скульптуры из фигурных галек, украшения, орнаментированные гальки, фигурный кремь, палеолит, Урал

Для цитирования: Котов В.Г. Предметы экстраутилитарной деятельности из коллекции каменных изделий верхнепалеолитической стоянки *Сергеевка-1* в Южном Приуралье // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 50–65. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-50-65

The Upper Paleolithic Site of *Sergeevka-1* (Southern Cis-Urals): Items of Extra-Utilitarian Activity Reviewed

*Viacheslav G. Kotov*¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation) Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-3510-0058. E-mail: kslav1@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Kotov V. G. 2022

Abstract. *Goals.* The work aims to introduce new examples of artistic activity from the Upper Paleolithic era. The site of *Sergeevka-1* is located on the shore of the Nugush Reservoir in Meleuzovsky District of Bashkortostan. *Results.* The collection of stone products numbers over five thousand finds radiocarbon dated to 18000 ± 340 years old. The to be described finds include as follows: two pebble sculptures, a figured flint, an ornamental suspension of steatite, and an ornamented pebble of silicified slate. All this makes it possible to assume the cult nature of these images. On the basis of ethnographic analogies, the paper attempts a semantic analysis of the sculptural images. For the Upper Paleolithic, one can assume that the use and veneration of natural forms with ornamentation of tools and decorations (from natural forms of stone and bone) were an important and specific way of symbolization within artistic activity in the Ural-Volga region.

Keywords: pebble sculptures, decorations, ornamented pebbles, figured flint, Paleolithic, Urals

For citation: Kotov V. G. The Upper Paleolithic Site of *Sergeevka-1* (Southern Cis-Urals): Items of Extra-Utilitarian Activity Reviewed. *Bulletin*

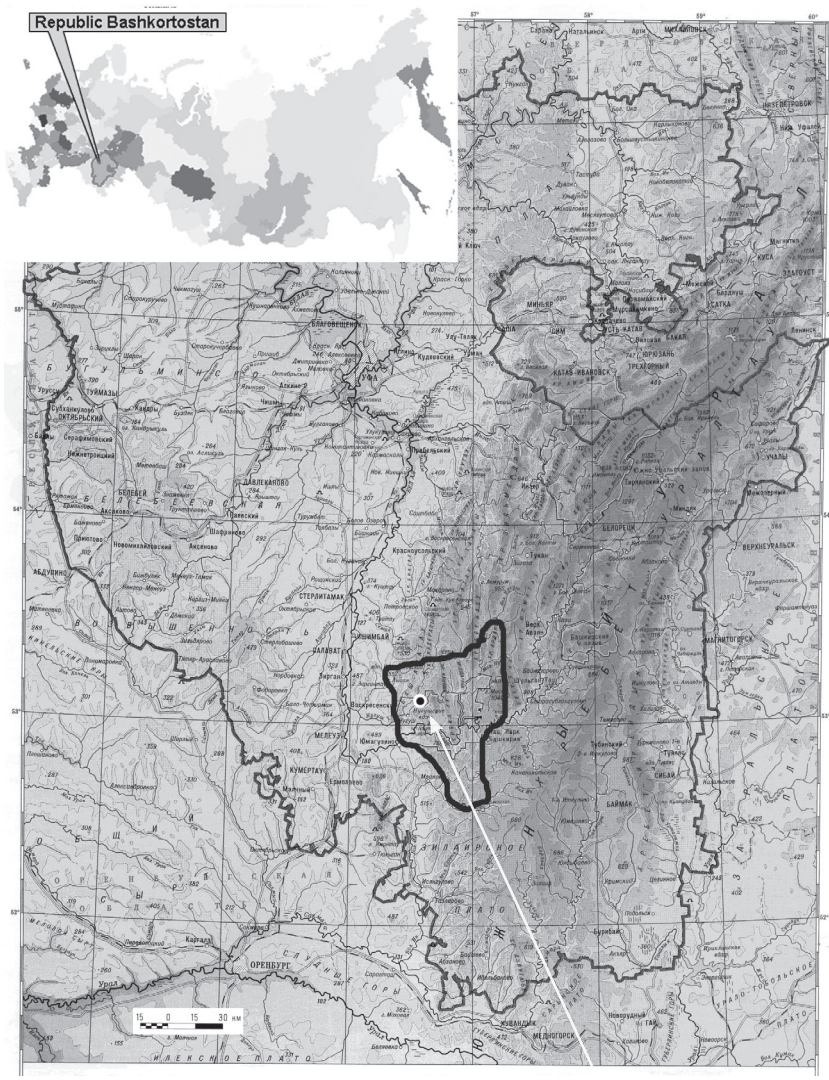
Введение

Стоянка *Сергеевка-1* расположена на левом берегу Нугушского водохранилища, в его северо-восточной части, поблизости от впадения р. Нугуш, в 3,5 км к северо-востоку от пос. Нугуш, в 1,5 км к северо-востоку от д. Сергеевка в Мелеузовском районе Башкортостана (рис. 1–2а). Памятник открыт в 2008 г. археозоологом Д. О. Гимрановым, с 2009 г. исследуется экспедицией Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН под руководством автора данной работы [Гимранов и др. 2012].

Памятник приурочен к выположенной части второй надпойменной террасы р. Нугуш высотой до затопления 20–30 м. Часть террасы размыта на глубину более 2 м до плотной светло-бурой глины, к покровным отложениям которой и приурочены все находки (рис. 2б; фото 1).

Кости и каменные изделия лежат компактным скоплением на протяжении 300 м на поверхности светло-бурой глины. Часть памятника уходит внутрь террасы. Из нескольких сотен костей плейстоценовой сохранности, по определению Д. О. Гимранова, большая часть — это остатки лошади (90 %), единичные кости принадлежат другим животным: бизону, носорогу, оленю, мамонту, пещерному льву. По костному материалу радиоуглеродным методом была получена дата $18\ 000 \pm 340$ (Je-9603) [Котов, Румянцев 2012: 187].

Памятник, скорее всего, является стоянкой охотников на лошадей, причем это базовая стоянка по отношению к другим стоянкам эпохи верхнего палеолита, обнаруженным на р. Нугуш (рис. 2а). Всего собрано с поверхности более 5 тыс. изделий из камня. В целом технико-типологические характеристики каменных изделий характеризуют коллекцию как единый комплекс и относятся, скорее всего, к периоду позднего палеолита. Первичное расщепление имело направленность в получении пластин средней ширины

Стойка Сергеевка-1

Рис. 1. Карта Башкортостана

Фото 1. Стоянка Сергеевка-1. Вид с востока. Фото В. Г. Котова

(1–2 см) длиной 3–5 см. При разнообразии нуклеусов, ведущей формой являлись объемные — призматические, конусовидные, ортогональные и торцевые. Наряду с этим большие серии составляют плоские формы: ортогональные, дисковидные и радиальные нуклеусы. Много нуклеусов небольших размеров для получения микропластинок. Самой многочисленной категорией оказались резцы различных типов: на углу сломанной пластины, ретушные, многофасеточные, латеральные, двойные, тройные и пр. Следующей категорией являются скребки: стрельчатые, с шипом, ventральные, с рыльцем, двойные, округлые, высокой формы. Есть комбинированные орудия: скребок-резец, скребок-острие и др. Не менее многочисленны различные изделия с чешуйчатой подвеской углов, шиповидных выступов и острий: резчики, клювовидные формы, орудия с шипом, острия. Среди орудий есть выделенные морфологически проколки с плечиками. Большую серию

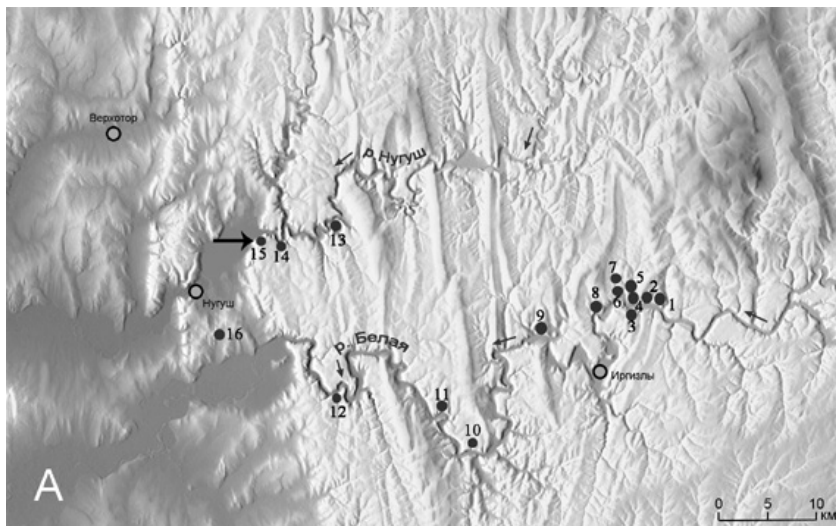

Рис. 2а. Карта памятников эпохи палеолита в горной части р. Белой и р. Нугуш: 1 – Акбулатово-3; 2 – Куаламат; 3 – Шульганово-4; 4 – Шульган-Таш (Каповая); 5 – Ташкелят; 6 – Кульюрт-Тамак; 7 – Жемчужная; 8 – Балатукай; 9 – Максютовский; 10 – Байсланташ; 11 – Муйнак-Таш; 12 – Штабная; 13 – Неолитовая; 14 – Усть Акаваз; 15 – Сергеевка-1; 16 – Иманай-1

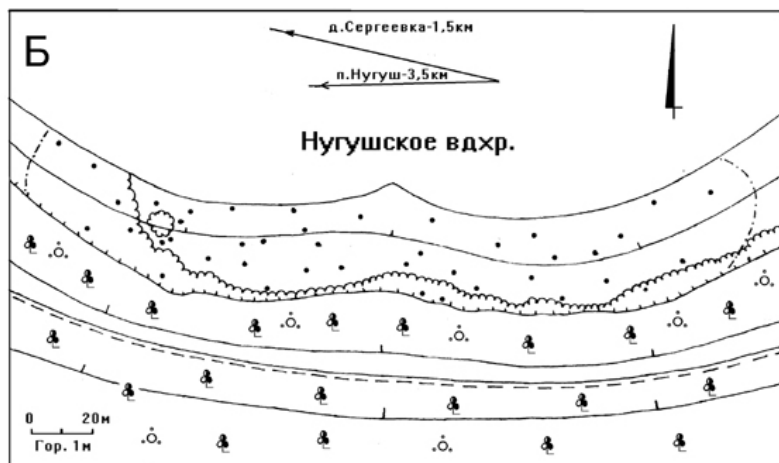

Рис. 2б. Стоянка Сергеевка-1. Ситуационный план

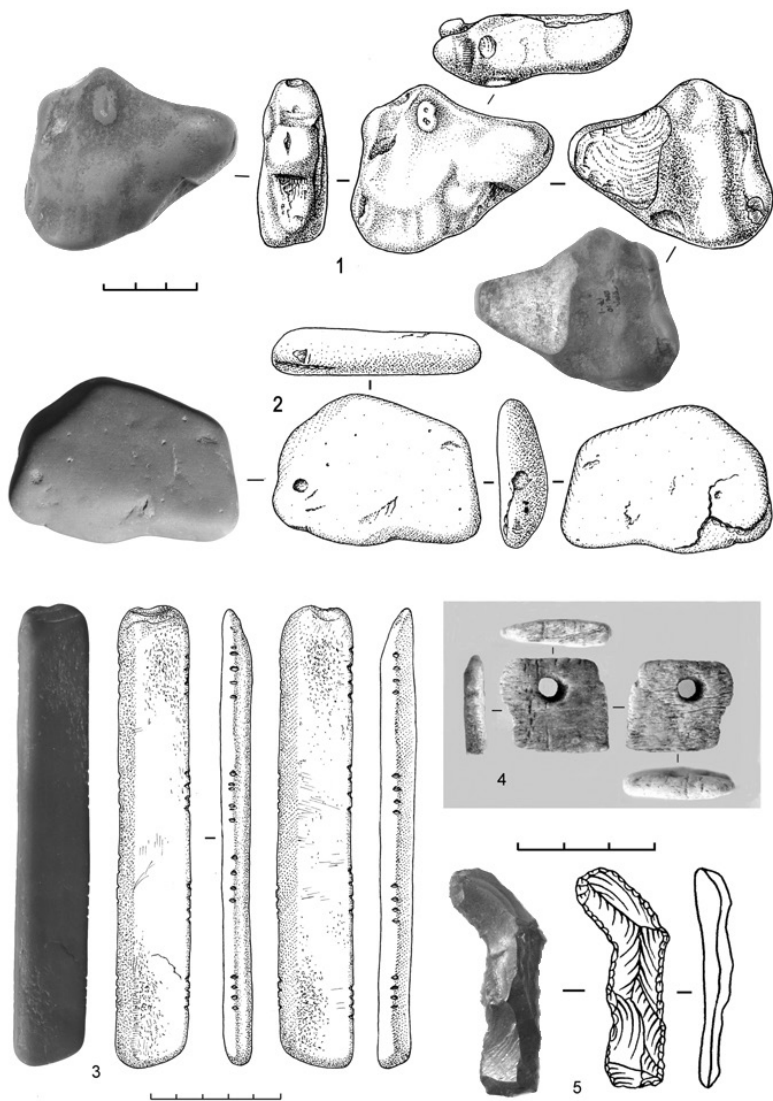

Рис. 3. Стоянка Сергеевка-1. Находки. 1 – галечная скульптура № 1; 2 – галечная скульптура № 2; 3 – молоток-отжимник с пропилами; 4 – подвеска; 5 – фигурный кремь. 1,2 – кварцито-песчаник, 3 – сланец, 4 – стеатит, 5 – кремь

образуют орудия с выемками на пластинах и отщепах. Хорошо выражены долотовидные, в основном они имеют четырехугольную форму. Среди пластин единичными экземплярами представлены усеченные ретушью пластины и пластинки с притупленным краем. Мустьерские черты в орудийном наборе проявляются в наличии крупных скребел на массивных леваллуазских отщепах и галечные орудия (чопперы, молоты и рубящие орудия). Индустрия находит соответствие на памятниках уральской общности и, прежде всего, стоянке *Талицкого*, *Шированово* и др. [Гимранов и др. 2012: 28].

Предметы изобразительной деятельности

Среди находок есть изделия, которые характеризуются как предметы изобразительной деятельности. Одно из них представляет собой фигурную плоскую гальку окремненного песчаника желто-коричневого цвета подтреугольной формы с закругленными концами (рис. 3: 1). Размер: 6×5,5×2 см. Одна сторона относительно плоская, причем это достигнуто еще дополнительным снятием широкого скола, края которого уплощены более мелкими сколами. На лицевой стороне характерные естественные выпуклости образуют подобие головы животного с вытянутой мордой, выпуклой скуловой частью и круглым выпуклым глазом размером 1,2×0,7 см. Для придания большего сходства с животным галька подработана. Важно, что глаз был выделен посредством пикетажа: посредством твердого острого посредника сделано два углубления на поверхности в целях обозначения зрачка. В районе «носа» также острым твердым посредником сделан узкий скол, очевидно, обозначающий ноздрю. Ниже, примерно посередине, был сделан острым посредником скол от «лицевой» поверхности, а затем от основания многочисленными торцевыми снятиями он был аккуратно расширен, образовав глубокую выемку, обозначающую открытую пасть животного. Поверхность изделия с обеих сторон покрыта красно-бордовой минеральной краской, причем она имеется и на поверхности негатива скола на вентральной стороне (рис. 3: 1). Остатки охры указывают на то, что эта фигурная галька могла использоваться в каких-то обрядах.

Следующая фигурная галька отличается от предыдущей своей обработкой (рис. 3: 2). Плоская галька пятиугольной формы из кварцито-песчаника светло-коричневого цвета явно была принесена на стоянку. Ее размер: 6,8×4,8×1,8 см. По форме контура галька напоминает животное с выпуклым горбом и покатою спиной, выступ и вогнутость на основании — ноги, в целом она похожа на бизона. Галька имеет, предположительно, три этапа обработки. С первым этапом связано оформление выемки в правом верхнем углу посредством пикетажа размером 5×3 мм (рис. 3: 2). На другой стороне зеркально имеется выемка несколько меньшего размера (3×2 мм), сделанная сходным способом. Очевидно, эти выемки обозначают глаза, и в этом случае данное изображение ассоциируется с головой или протомой какого-то животного. Важная деталь заключается в том, что у этого изображения некоего существа отсутствует рот. Второй этап оформления гальки выразился в создании посредством пикетажа круглой выемки диаметром 4 мм и глубиной до 1 мм. Внутри выемка образована скоплением десятков глубоких точечных углублений, созданных каменным острием. Аккуратные размеры выемки свидетельствуют об использовании острия в качестве посредника и какого-то легкого ударного инструмента в виде молоточка. Под выемкой имеются две искусственных борозды длиной 3 и 5 мм, сделанные посредством пикетажа цепочкой негативов мелких сколов. Внизу на боковой поверхности боковым сколом была сделана выемка, которая затем углублялась продольными сколами и бороздами. В целом круглая выемка воспринимается как глаз, борозды под ней — это усы, а выемка внизу как рот какого-то животного. На другой стороне основную изобразительную нагрузку несет извилистый край трещины, контур которой был сформирован ретушью. Заходящая вглубь гальки трещина также была подчеркнута цепочкой сколов. Вблизи нее была сделана посредством пикетажа небольшая (2,5×2 мм) выемка — «глаз» (рис. 3: 2). Нижний край искусственной трещины загибается вверх и соединяется с искусственной выемкой, созданной на боковой грани гальки многочисленными выбоинами. Она была нанесена на одинаковом расстоянии от нижнего и правого

края (17 мм), выемка имеет неправильную округлую форму размером 5 x 6 мм и глубиной до 1,5 мм. В целом круглая выемка и обработанная трещина с выемкой на торце создают впечатление единого изобразительного комплекса. Можно с большой осторожностью предположить, что покатая спина, горб, маленький «глаз» и изогнутая линия ретушированного края трещины, соединяющаяся с глубокой выемкой (хобот и рот?), ассоциируются с образом мамонта.

Второй и третий этапы создания «галечной скульптуры» используют сходный тип оформления — выемки и борозды, образованные пикетажем, что позволяет с осторожностью предполагать одновременность этих этапов. Очевидно, речь нужно вести о трех разных образах и о трех разных этапах оформления предмета. Использование техники пикетажа и детали оформления выемки «рта» на втором этапе находят аналогии в обработке предыдущей «галечной скульптуры» на этом же памятнике (рис. 3: 1).

Еще одна находка представляет собой брусок вытянутой формы из зеленовато-коричневого кремневого сланца с параллельными краями (рис. 3: 3). Размер: 17,7×2,7×1,0 см. Поперечное сечение бруска имеет форму параллелограмма. В результате два края бруска образованы сходящимися под острым углом гранями. Вдоль обоих краев были нанесены 4 группы пропилов по 4 пропила в каждой из них. Интервал между пропилами 2,5–3 мм, расстояние между группами — 2,3–3 см (рис. 3: 3). В трех случаях имеется удвоение пропилов, связанное с тем, что, вероятно, инструмент соскользнул в сторону. При 10-кратном и выше увеличении хорошо видны многочисленные параллельные борозды и царапины, покрывающие углубления, которые были сделаны краем кремневой пластины. Несомненно, пропилы являются простейшим орнаментом, основанным на 4-кратной ритмике. После нанесения «орнамента» данный брусок многократно использовался как ударный инструмент типа молоточка по какому-то твердому посреднику или в качестве отжимника-ретушера, в результате чего на широких поверхностях дистальных и проксимальных сегментов образовались скопления звездчатой выкрошенности и лунок, при том,

что некоторые лунки повреждают пропилы. На дистальном конце имеется небольшая выемка, возникшая в процессе использования бруска в качестве посредника. Также в медиальной части при небольшом увеличении видны параллельные борозды и царапины, появившиеся от использования одного из приостренных краев в операциях скобления или лощения. Разнообразие и интенсивность износа этого предмета указывают на то, что он использовался достаточно продолжительное время в разнообразных операциях как универсальный инструмент. Типологически сходные находки происходят из Центральной Европы: сланцевые гальки продолговатой формы, украшенные на боковых гранях гравированными параллельными линиями, были найдены в палеолитических слоях пещер Пекарна и Бычи скала в Моравии [Елинек 1985: рис. 723].

Еще один предмет также был орнаментирован. Он представляет собой плоскую гальку из мягкого полупрозрачного камня (стеатита?) подчетыреугольной формы с искусственным отверстием (рис. 3: 4). Размер: $2,1 \times 2,5 \times 0,5$ см. Отверстие диаметром 6 мм было проверчено с двух сторон и контуры отверстий не совпадают и смещены на 3 мм. Предположительно, подвеска была изготовлена на основе необработанной галечки, сохраняющей изначальную форму камня. Следы проверчивания не сохранились из-за слоистости материала. Края отверстия в верхней части закруглены, заглажены и имеют параллельные борозды, оставленные шнурком, на котором висела подвеска. Края изделия закруглены и заглажены, и только внизу грань относительно ровная и плоская, являющаяся поверхностью слома. На поверхности гальки в поперечном направлении тянутся многочисленные борозды, связанные со слоистостью самого камня. По периметру подвески на боковых гранях были нанесены с обеих сторон короткие и глубокие нарезки. На верхней грани фиксируется 6 нарезок, на правой — 5, на нижней тоже 5, а на закругленном участке левой грани — 3. На левом плоском фесе изделия перпендикулярно бороздам слоистости были нанесены глубокие (до 0,5 мм) линии различной длины каким-то острым инструментом, предположительно, углом кремневой пластины. Поверхность подвески и сами гравированные ли-

нии местами стертые в процессе использования и археологизации. Изделие не находит аналогий среди находок Урала и сопредельных регионов. Далекой аналогией с практикой украшать нарезками края подвесок являются находки просверленных и украшенных клыков, украшенных на боковой грани нарезками из Сен-Жермен Ла Ривьер близ Либуэрн во Франции [Елинек 1985: рис. 668].

Кроме этого, на стоянке был найден фигурный кремль в виде зигзага (рис. 3: 5). Он изготовлен на основе пластинчатого отщепы с бессистемной огранкой, сформировавшей изломанную под тупым углом грань, параллельно которой крутой систематической ретушью сформированы края изделия. Дистальная часть ретушью закруглена, на угловом выступе ретушью выделен шип. По форме фигурный кремль похож на голову животного. Трасологический анализ показал, что данное изделие не имеет следов использования. Аналогов данному фигурному кремню среди материалов верхнего палеолита Уральского региона мы не знаем. О существовании практики изготовления фигурок из кремня может свидетельствовать скульптурное изображение мамонта со стоянки *Шированово II* в Прикамье [Сериков 2014: фото 7: 1; Макаров, Павлов 2007: 12].

Обсуждение

Коллекция предметов со стоянки *Сергеевки-1* демонстрирует разнообразие изобразительной деятельности: две галечные скульптуры, одна кремневая скульптура, одно украшение и одно орнаментированное каменное орудие. Обращает на себя внимание использование в качестве основы для скульптур фигурных галек из различных пород камня, при этом жители стоянки прибегали к достаточно сложным и трудоемким приемам обработки (пикетаж, ретуширование), требующим применения специализированных инструментов. Это в первую очередь характерно для изготовления галечных скульптур. Важно, что только для этих произведений изобразительной практики характерно использование определенного набора технических приемов для их оформления: для изображения глаза создавалась пикетажем выемка или же пикетажем выделялся выпуклый овал; выемка рта создавалась

на боковой грани одним боковым сколом, затем она расширялась и углублялась посредством пикетажа; другие детали создавались цепочкой регулярных мелких сколов с помощью острого каменного посредника и молоточка. Подобный набор приемов присутствует при изготовлении человеческих личин на известняковых гальках со стоянки *Шульганово-4* вблизи пещеры Шульган-Таш (Каповой) [Румянцев 2014: 126–127]. Таким же образом с помощью цепочки сколов выделены характерные черты мамонта на галечной скульптуре из пещеры Шульган-Таш (Каповой) [Котов 2014: 123–124, рис. 4]. Еще одна фигурка «мамонта» со стоянки *Шированово II* в Прикамье, от обычных «фигурных кремней» она отличается тем, что это объемная скульптура [Сериков 2014: фото 7:1; Макаров, Павлов 2007: 12].

Найденное вместе с галечными скульптурами «изображение» из фигурного кремня в общих чертах сохраняет основные характеристики изобразительной практики, свойственной при изготовлении скульптур из естественных форм — это схематизм, контурность изображения, дополняемая формообразующей ритмичной ретушью по краям и имеющая минимум детализации. В этом же ключе можно рассматривать и практику оформления естественной формы галек простейшим орнаментом в виде нарезок и пропилов.

Предположительно, что использование и почитание естественных форм является важным и специфичным способом символизации в рамках изобразительной деятельности населения — носителей уральской верхнепалеолитической традиции [Котов 2012: 183]. Объяснение природы этого явления мы находим в этнографии народов Урала и Сибири. Так, у большинства народов Сибири существовал архаический по своей природе запрет изображать тела и лица у кукол [Павлинская 1988: 244]. Это было связано с представлением о том, что изображение лица (глаз, носа и рта) сразу превращало предмет в одушевленный, и он переходил в разряд культовых и запретных для детей предметов [Рейнсон-Правдин 1949: 120]. Культовые изображения животных или человека становились помощниками только в том случае, если за ними их хозяева ухаживали: «одевали», «кормили» и всячески улаживали, в

противном случае они могли отомстить и стать источником многих бед [Грачева 1981: 154; Алексеенко 1981: 170]. Следует обратить внимание на то, что нганасанами особенно ценились случайно найденные предметы, которые воспринимались как «упавшие с неба» дары, обладающие духами-помощниками, наделенные особой «силой», и обращение с этими предметами было обставлено особыми ритуалами и запретами [Грачева 1981: 162].

Все эти реликтовые представления о культовых изображениях, сохранившиеся в этнографии народов Сибири, в полной мере применимы к галечным скульптурам: изображение глаз и рта означало «оживление» этих предметов. Между тем рот у галечных скульптур иногда не был виден, а значит, не имел изобразительной нагрузки, а, предположительно, был нужен для того, чтобы их «кормить». Следы охры на одном из изображений со стоянки *Сергеевка-1*, возможно, являются результатом подобного ритуального воздействия на культовый предмет. Факт неоднократного переоформления фигурной гальки может быть проявлением стремления человека «наделить» предмет новой душой или новой «силой», «привязать» очередного хозяина к данному культовому предмету.

Заключение

Использование и почитание естественных форм, вероятно, является важным и специфичным способом символизации в рамках изобразительной деятельности носителей уральской верхнепалеолитической традиции в Волго-Уральском регионе. Почти полное отсутствие фигуративных изображений в урало-сибирском искусстве при наличии навыков глубокой обработки камня и кости можно объяснить существованием в эпоху верхнего палеолита у народов Урала и Сибири запретов на изображения животных и человека, по крайней мере из камня и кости.

Источник

Котов 2010 — *Котов В. Г.* Научный отчет о разведочных исследованиях в горной части Кугарчинского и Мелеузовского районов Республики Башкортостан в 2009 г. Уфа, 2010 // Научный архив Института археологии РАН. 135 с.

Литература

- Алексеевко 1981 — *Алексеевко Е. А.* Шаманская нарта (*коссул*) у кетов // Материальная культура и мифология. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 37 / отв. ред. Б. Н. Путилов. Л.: Наука, 1981. С. 169–178.
- Гимранов и др. 2012 — *Гимранов Д. О., Котов В. Г., Курманов Р. Г., Румянцев М. М.* Стоянка верхнего палеолита Сергеевка 1 на р. Нугуш (Южный Урал) // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1 (18). С. 24–37.
- Грачева 1981 — *Грачева Г. Н.* Культурный комплект нганасан // Материальная культура и мифология. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 37 / отв. ред. Б. Н. Путилов. Л.: Наука, 1981. С. 153–168.
- Елинек 1985 — *Елинек Я.* Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага: Артия, 1985. 560 с.
- Котов 2012 — *Котов В. Г.* Скульптуры на основе естественных форм в палеолите Урала // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 179–185.
- Котов 2014 — *Котов В. Г.* Исследования многослойной палеолитической стоянки в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Проблемы археологии эпохи камня: к 70-летию Валентины Ивановны Беляевой: Сб. науч. ст. Труды исторического факультета С.-Петерб. гос. ун-та. Т. 18. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2014. С. 120–141.
- Котов, Румянцев 2012 — *Котов В. Г., Румянцев М. М.* К вопросу о культурной ситуации в уральском регионе в эпоху верхнего палеолита // Урал-Алтай: через века в будущее: Мат-лы V Всеросс. тюркологич. конф. посвящ. 80-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 189–192.
- Макаров, Павлов 2007 — *Макаров Э. Ю., Павлов П. Ю.* Стоянка *Шированово II* — новый памятник позднего палеолита в бассейне Верхней Камы // Каменный век Европейского севера. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, 2007. С. 7–21.
- Павлинская 1988 — *Павлинская Л. Р.* Игрушка и мир ребенка в традиционных культурах Сибири // Традиционное воспитание детей у народов Сибири / отв. ред. И. С. Кон, Ч. М. Таксами. Л.: Наука, 1988. С. 222–252.

- Рейнсон-Правдин 1949 — *Рейнсон-Правдин А. Н.* Игра и игрушка у народов Обского Севера // Этнографическое обозрение. 1949. № 3. С. 109–132.
- Румянцев 2014 — *Румянцев М. М.* Первые исследования палеолитической стоянки открытого типа Шульганово-4 в горно-лесной зоне Южного Урала // Труды IV (XX) Всеросс. археологического съезда в Казани. Т. 1 / отв. ред. А. Г. Ситдилов, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 124–127.
- Сериков 2014 — *Сериков Ю. Б.* Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил: НТГСПА, 2014. 268 с., ил.

Археология Нижнего Амура. Наскальное искусство: символика знаков двойной личины среди петроглифов Сикачи-Аляна — Малышево

Зоя Степановна Лапшина¹

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН (д. 89, ул. Пушкинская, 690950 Владивосток, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, докторант
 0000-0002-4283-7365. E-mail: Lapahinazoy@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022
© Лапшина З. С., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье исследуется наскальное искусство низовьев Амура эпохи каменного века. Петроглифы появляются как следствие сформированной картины мироздания, выраженной в мифологии и преобразованной в художественные образы на камнях и скалах. Предметом изучения являются двойные личины нижеамурских петроглифов как элемент древней модели мира. *Цель* статьи — исследование символического содержания двойной личины на камне № 57 петроглифов Сикачи-Алян — Малышево. В исследовании применяется подход к описанию наскального искусства в свете применения к личинам иконографического метода. В изучении знаков личин привлекается теория двойных рожаниц и духов плодородия Б. А. Рыбакова, использованы работы этнографов и археологов А. Ф. Анисимова, А. М. Золотарева, А. А. Попова, А. Н. Липского, А. П. Окладникова, Е. А. Окладниковой. *Результаты.* В семантике знаков композиции двойных личин запечатлен художественный образ мифологической небесной пары рожаниц, покровительствующих рождению всего сущего. Оседлые рыболовы Амура создали модель космоса, состоящую из небесной и земной сфер. Материальное воплощение ее части сохранилось на камне № 57. Рисунки создавались как необходимые атрибуты ритуальных действий, связанных с культом плодородия.

Ключевые слова: Сикачи-Алян — Малышево, двойные личины, символ, художественный образ, мифологический персонаж, зооантропоморфные прародительницы, рожаницы, модель мира

Для цитирования: Лапшина З. С. Археология Нижнего Амура. Наскальное искусство: символика знаков двойной личины среди петроглифов Сикачи-Альяна — Малышево // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 66–80. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-66-80

Archaeology of the Lower Amur. Rock Art: Symbolism of Signs in a Coupled Mask among Petroglyphs of Sikachi-Alyan — Malyshevo

Zoya S. Lapshina^{1,2}

¹ Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the RAS (89, Pushkinskaya St., 690950 Vladivostok, Russian Federation);

Cand. Sc. (History), Doctoral Candidate

 0000-0002-4283-7365. E-mail: Lapahinazoy@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Lapshina Z. S. 2022

Abstract. The article deals with the Stone Age rock art of the Lower Amur. Petroglyphs are manifested aspects of a complete view of the world articulated in mythology and transformed into artistic images on stones and rocks. The study focuses on coupled masks of the Lower Amur petroglyphs as elements of an ancient world model. *Goals.* The article attempts an insight into symbolic essentials of the coupled mask on stone no. 57 of the Sikachi-Alyan-Malyshevo petroglyphs. The research employs an approach to describe rock art through the iconographic method to depict masks. The study of signs inherent to masks appeals to B. Rybakov's theory of double (coupled) *rozhanitsy* and fertility spirits, analyzes writings by a number of ethnographers and archaeologists, such as A. Anisimov, A. Zolotarev, A. Popov, A. Lipsky, A. Okladnikov, and E. Okladnikova. *Results.* The signs in coupled masks semantically depict an artistic image of the mythological celestial pair of *rozhanitsy* that favor the

birth of everything. Sedentary fishermen of the Amur created a model of the universe consisting of the heavenly and earthly spheres. One such partis depicted on stone no. 57. The drawings had been created as attributes of rituals associated with the cult of fertility.

Keywords: Sikachi-Alyan —Malyshevo, coupled masks, symbol, artistic image, mythological character, zooanthropomorphic progenitors, *rozhanitsy*, world model

For citation: Lapshina Z. S. Archaeology of the Lower Amur. Rock Art: Symbolism of Signs in a Coupled Mask among Petroglyphs of Sikachi-Alyan — Malyshevo. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 1: 66–80. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-66-80

Введение

Изображения на камнях и скалах Приамурья являются свидетельствами создания древних обитателей этой территории собственной картины мира, выраженной, прежде всего, в мифологии: персонажи мифов преобразовывались в художественные образы в вечном материале — на камнях и скалах. Наскальное искусство Нижнего Приамурья изучается с 60-х гг. XIX в. по настоящее время. В числе первооткрывателей учитель-натуралист Р. К. Маак, краевед П. И. Ветлицын и др. [Маак 1859; Ветлицын 1895]. Среди первых исследователей — американский антрополог Б. Лауфер, этнограф и археолог А. М. Золотарев, путешественник, писатель В. К. Арсеньев и др. [Laufer 1899; Золотарев 1939; Арсеньев 1986]. Основные полевые исследования по выявлению всей совокупности памятников петроглифов на территории Хабаровского края, их топографии, подробной фиксации (калькирование, эстампаж, фотографирование, прорисовки) и описанию, проведены в 60–70-е гг. XX в. археологами отряда Дальневосточной археологической экспедиции Института археологии и этнографии СО АН СССР под руководством А. П. Окладникова. Помимо полевых работ, появились научные работы по интерпретации и публикации материалов [Окладников 1968; Окладников 1971].

За период с 1970-х гг. до наших дней открыты новые памятники и ряд новых рисунков на ранее известных местонахождениях.

Несмотря на неослабевающий интерес к этому культурному наследию, не решены многие проблемы сохранности, музеефикации, популяризации памятников. К сожалению, до настоящего времени не подготовлены и не изданы фотографии рисунков каждого отдельного памятника, большая их часть сохранена в прорисовках и эстампажах, созданных под началом академика А. П. Окладникова более полувека назад. Особо острой проблемой остается изучение символического содержания рисунков. Петроглиф чаще всего остается непрочитанным письмом из каменного века или другой ушедшей исторической эпохи, что не может вызывать интерес современника, не занимающегося специально этой проблемой. За отсутствием интереса стоят и забвение, и разрушение древних художественных объектов культурно-исторического наследия.

Сфера научных интересов автора включает археологию каменного века Нижнего Приамурья, в том числе первобытного искусства и одного из его направлений — наскального творчества. Объектом исследований стали древние рисунки как элементы архаического космоса обитателей бассейна Амура; необходимо исследовать символический смысл древних изображений, позволяющий увидеть цель нанесения рисунка на камне или скале. Предметом статьи является символическое и сюжетно-тематическое содержание рисунков личин Сикачи-Алян — Малышево. Цель статьи — исследование композиции двойных личин на камне № 57 и интерпретация смыслового содержания.

Предыстория проблемы исследования

Первыми специалистами, работавшими над описанием наскальных изображений памятников Амура, были А. П. Окладников и сотрудники Института археологии и этнографии СО АН СССР. В книге «Лики Древнего Амура» при описании петроглифов Сикачи-Аляна А. П. Окладников не называет рисунки на камне № 57 двойной личиной, они описаны каждая отдельно, нижняя под № 52, верхняя под № 53. Они представлены как личины с разными концентрическими глазами, у одной рот в виде четырех полосок, у другой овалом. У верхней личины (№ 53) отмечена спиралевидная

линия, отходящая от контура [Окладников 1968: 208]. В монографии «Петроглифы Нижнего Амура» обе личины описываются так же, при этом добавлена характеристика камня № 57, на котором они изображены [Окладников 1971: 35, табл. 65].

А. П. Окладников, позднее Е. А. Окладникова отмечали сходство между нижнеамурскими петроглифами и памятниками петроглифов западного побережья Северной Америки. Оно проявлялось прежде всего, в череповидных личинах и в разноглазых личинах (в группу которых были выделены те, у которых глаза разного размера или по-разному показаны) [Окладников 1971: 201–202; табл. 65–66; Окладникова 1979: 42]. Некоторые параллели видели и американские антропологи. К примеру, Э. Стивенс проводил общие сравнения сибирских и нижнеамурских рисунков с петроглифами Аляски. Сходные черты относились к присутствию антропоморфных личин, в числе которых отмечены круглые контурные и череповидные личины (см.: [Окладникова 1979], речь идет о работе: *Stivens E. Alaskan petroglyphs and pictographs // A thesis presented to the faculty of the University of Alaska in partial fulfillment of the requirement for the degree of master of arts. Fairbanks, Alaska*). Двойные личины не были выделены ни академиком А. П. Окладниковым, ни Е. А. Окладниковой в нижнеамурских и североамериканских петроглифах, не отмечены они и среди петроглифов Аляски Э. Стивенсом и другими американскими антропологами.

Автором данной статьи они выделены и описаны как двойные личины в едином логарифме, применяемом в нашем исследовании ко всем рисункам личин. Указанный подход предусматривает описание каменной глыбы, внутреннего и внешнего состава рисунка, художественного образа композиции и тематического содержания [Лапшина 2011а]. В нашем описании они представлены как двойная личина на камне № 57: 1, 2. Первичное описание они получили в монографии «Архаическая модель мира в накальных рисунках Амура и Уссури». Исследование посвящено описанию личин амуро-уссурийских петроглифов, относящихся к трем сферам архаического космоса [Лапшина 2012: 75–78]. В соответствии с определенным набором признаков двойная личина на камне № 57 отнесена к категории небесной сферы мироздания.

Описание изображений в композиции двойной личины на камне № 57 (см. фото 1)

Второй пункт памятника Сикачи-Алян — Малышево расположен за селом Сикачи-Алян, в устье ручья, на длинной и широкой каменной косе, сложенной галечником и крупнозернистым песком.

Расположение рисунков на камне. Камень № 57 расположен у подножия рёлки, заросшей кустарником. Это крупная глыба базальта с отвесными и скошенными боковыми сторонами, сильно выветрелая и пористая. Изобразительная плоскость неправильной ромбической формы занимает верхнюю часть глыбы. Личины занимают половину широкой части плоскости, на противоположном краю есть рисунки мелких концентрических кругов. Глыба была перевернута, поэтому на изобразительной плоскости вверху оказалась нижняя личина, а верхняя, примыкающая к ней, — внизу. Композицию необходимо рассматривать стоя спиной к рёлке.

Состояние сохранности изображений. В монографии А. П. Окладникова рисунки отнесены к плохо сохранившимся, верхняя личина просматривается наощупь, они отнесены к древнейшим [Окладников 1971: 35]. Автором этот камень изучался в 1976 г., нижняя личина была неплохой сохранности; контур верхней сохранял четкость, а внутренние части просматривались не полностью, но наощупь их можно было проследить (см. фото 1). Личины выбиты не просто одна над другой, а верхняя представляет собой перевернутое изображение, и она участком головы с левым глазом прикасается к нижней личине. Этим обосновано их отнесение к единой сюжетной композиции.

Характеристика внешней контурной линии. Обе личины относятся к контурным изображениям, они обведены относительно широкими и неглубокими контурными линиями с глубокими выемками на лбу. Верхняя личина на макушке головы снабжена прямой полосой типа палки-жезла с выступом-сучком и крючковатым завершением. Эта деталь соединяет ее с нижней личиной. Нижняя личина с правой стороны имеет утолщение в виде змеиной головы.

Фото 1. Сикачи-Алян — Малышево. Камень № 57
[Окладников 1971: 201; табл. 65].

Можно предполагать опоясывание «линией-змеей» всей личины от правого глаза с головой змеи до хвоста, соединенного с головой.

Описание внутреннего заполнения личин.

Рисунок 1 (верхняя личина).

А. *Наличие симметрии.* Рисунок не симметричный: все части внутреннего заполнения отличаются друг от друга.

Б. *Разделение элементов рисунка на составные части.* Внутреннее заполнение разделяется на левую, правую и нижнюю части.

В. *Характеристика левой и правой частей.* Левая и правая части — это глаза. По размерам они одинаковы, но показаны по-разному. Правый глаз создан двумя широкими углубленно-рельефными концентрическими окружностями с маленькой ямкой-зрачком по центру. Он окружен по правой стороне линией-змеей,

Рис. 1, 2. Сикачи-Алян — Мальшево. Камень № 57: 1, 2
(прорисовка по: [Окладников 1971: 201])

гибко изогнутой между глаз, и затем огибает правый глаз. Левый глаз создан широким углубленно-рельефным кругом с крупной ямкой-зрачком в центре.

Г. *Характеристика нижней части.* В этой части изображен рот в виде углубленно-рельефного овала с углубленной полоской посередине. Рот также почти полностью окружен линией-змеей с утолщением, т. е. с головой. Между ртом и правым глазом имеется небольшая выемка. В целом «линией-змеей» окружены рот и правый глаз личины, ею же очерчена выемка на правой щеке и между глаз, превращающая изображение в сердцевидное.

Рисунок 2 (нижняя личина)

А. *Наличие симметрии.* Рисунок не симметричный: глаза отличаются друг от друга по размерам.

Б. *Разделение элементов рисунка на составные части.* Внутреннее заполнение разделяется на левую, правую и нижнюю части.

В. *Характеристика левой и правой частей.* Левая и правая части — это глаза в концентрических кругах. Правый глаз крупный, он очерчен двумя углубленно-рельефными кругами со зрачком-ямкой в центре. Этот глаз полностью окружен широкой углубленно-рельефной «линией-змеей», причем голова змеи соединена с хвостом. Левый глаз значительно меньше, он также представляет собой два углубленно-рельефных концентрических круга с точкой-ямкой в центре, они более тонкие, и точка-зрачок более мелкая, нежели правый глаз. Поэтому зрительно глаза воспринимаются неодинаковыми. На личине 2 крупный правый глаз полностью обвит змеей, что подчеркивает его особую значимость.

Г. *Характеристика нижней части.* Нижняя часть похожа на выступ, очерченный углубленно-рельефной линией, внутри которого выделены четыре выпукло-рельефных параллельных полосы. Возможно, так выделены верхняя и нижняя губы и язык.

Заключение по рисункам и содержание художественного образа. На камне № 57 изображена композиция из двух личин с разными глазами. В структуре рисунков преобладают углубленно-рельефные концентрические круги, мотив изображения — гибкая «линия-змея». Нижнюю личину сверху венчает змея с головой-утолщением на контуре правого глаза. Верхняя личина также опоясывается змеей и вокруг глаз, и вокруг рта. Эти признаки позволяют относить рисунок к изображениям персонажей верхней сферы трехчастной модели мира и соотносить с солярной мифологией. Гипотеза соотнесения мотива «линии-змеи» в структуре рисунков личин с солярными персонажами в мифологии каменного века Амура обосновывалась автором в статье «Личины петроглифов Амуру-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ» [Лапшина 2011б]. Композиция двойной

личины связывается с представлениями о мифологической небесной паре двух праматерей-рожаниц, отвечающих за рождение всего живого в средней сфере мироздания, где обитают звери, рыбы и человек.

Теоретическое обоснование версии о двойных женских мифических персонажах в модели мира древнего человека

Академиком Б. А. Рыбаковым создана теория, раскрывающая смысл символического содержания женских двойных изображений как воплощение представлений древних о двух женских дарительницах жизни. Он проследил композиции двойных изображений в глиняной скульптурной пластике, на керамических сосудах, обратился к фольклорным материалам, проследил архаические образы двух небесных женщин в преданиях шаманской культуры [Рыбаков 1965; Рыбаков 1997]. В результате им выявлено глубокое смысловое мировоззренческое направление, которое берет начало от первых поздненеолитических женских изображений охотников на мамонтов до представлений мезолитических охотников Северной Евразии о двух небесных лосихах; прослежены пережитки этих представлений у населения бассейна Дуная и на Балканах. В художественном воплощении это двойные женские изображения конца неолита и энеолита земледельческо-скотоводческих общин. Он назвал женские изображения «рожаницами» и духами плодородия, перенеся впоследствии это понятие и на двойные изображения лосей и оленей охотничьих общин [Рыбаков 1965].

Женские костяные фигурки позднего палеолита связывались в сознании человека с общим понятием рождения. Двойные звериные рожаницы охотников и оленеводов Севера также аккумуляровали в себе сущность рождения как такового: и человека, и диких лосей, оленей, и домашних оленей. Женские изображения энеолита наделялись древнейшим знаком засеянного поля, т. е. рожаницы совмещали в себе и рождение детей, и плодородие земли. В земледельческой археологической общности культур Триполье-Кукутени часто встречаются глиняные фигурки двух как бы сросшихся женщин [Рыбаков 1997: 225].

Среди признаков рожаниц определяющим выступает их возраст. Как правило, это мать и дочь или взрослая и молодая важеники, взрослая и молодая лосиха. Из этих архаических представлений появилась модель мира с двойными рожаницами в центре. Двойное женское божество обеспечивает новую жизнь и в семье, и в диком промысловом стаде, и в табуна домашних животных.

В земледельческом культурном пространстве этнографического времени также сохранились отголоски представлений о двух женщинах, дающих или охраняющих жизнь; с позиций двух рожаниц Б. А. Рыбаковым рассматриваются фольклорные материалы, связанные с рождением и покровительством матери и ребенка (Лето-Латона и ее дочь Артемиды в греческой мифологии, Лада и Леля в славянском фольклоре) [Рыбаков 1997: 529–552].

Подтверждение представлениям о двух рожаницах можно встретить в сибирских этнографических материалах А. А. Попова, собиравшего сведения в 1933 г. на Таймыре среди группы оленеводов-тавгийцев (прежнее название самоеды), проживающих в бассейне р. Хатанги. Он фиксирует записанное от тавгийского шамана предание о путешествии в поисках шаманского дара. Герой повествования попадает в болотистую сопку, которая раскрылась перед ним. Там он увидел двух нагих антропоморфных женщин, покрытых шерстью, с рогами на голове. Вместо огня у них были солнечные лучи, и та и другая женщины родили по два олененка. Оленята и должны были стать родоначальниками диких и домашних оленей [Попов 1936: 88–89]. Предание передает представления о двух женщинах-праматерях в облике человека и зверя.

А. Ф. Анисимов, исследуя космогонические представления коренных народностей Сибири, представляет это предание в деталях как космогонический образ начала мира, образ места рождения [Анисимов 1959: 51]. А. Ф. Анисимов приводит и амурский миф, записанный у сахалинских нивхов. Культурный герой выполняет задачу обустройства мира, в котором несколько дневных и ночных светил. Он отыскал жилище матери Вселенной. В мифе подробно передается ее внешность: она рогатая полуолень-полуженщина и живет вдвоем с дочерью. На ее рогах висят 4 светила, герой унич-

тожает лишние солнце и луну, и в мире все обустроивается, наведен порядок [Анисимов 1959: 28–29]. В контексте нашего исследования важно, что и в Восточной Сибири, и у аборигенов Амуро-Сахалинской культурно-исторической общности были сходные представления о рогатых хозяйках Вселенной, женском божестве и ее дочери.

Мифологические представления о культе двух небесных оленей (или лосей) имели устойчивое существование в разных концах древнего мира, будучи представленными в разных жанрах народного искусства, в том числе в шаманской культуре, а также в археологических материалах мезолитических и неолитических шаманских погребениях, в художественных образах мелкой пластики.

Академик Б. А. Рыбаков показал присутствие образа двойных рожаниц и в наскальном искусстве. Он обращается к исследованиям Н. Н. Гуриной, которая обнаружила на Кольском полуострове на реке Поной в урочище Чалмы-Варрэ петроглифы эпохи неолита. На прибрежных камнях этого памятника изображены антропоморфные и антропозооморфные женщины-лосихи в позе рождения оленят; рожаницы окружены новорожденными лосятами [Гурина 1978: 90–95; Рыбаков 1997: 643–644].

Относительно исследований древних культур Сибири и тихоокеанского бассейна следует подчеркнуть тесную мифологическую связь представлений о рождении с образом не только полувзвериных праматерей, но и солнца. О мифологических образах, связанных с небесными светилами (солнцем и луной), писал А. М. Золотарев. Изучая культуру амурских мангунов-ульчей, он обратил внимание и на личины петроглифов, окруженные солнечным нимбом-сиянием [Золотарев 1939: 185]. Этнограф А. Н. Липский выделял среди петроглифов Амура и Енисея солнцеобразные личины и указал их назначение: «роль личины на скале как представителя солнца...» [Липский 1970: 170]. Личины, окруженные лучами, являются еще и персонажами верхней сферы космоса. Е. А. Окладникова, изучая североамериканское наскальное искусство, выделяет разноглазые личины как образы женских персона-

жей — Великих праматерей, глаза которых являются небесными светилами (солнцем и луной), она рассматривает разноглазые изображения как центральные персонажи индейской мифологии о начале мира; выделяет разноглазые личины и среди амурских петроглифов [Окладникова 1979: 50–53; Окладникова 1995: 112–122].

Выводы

Итоги наших исследований заключаются в расшифровке символов на изображении личин камня № 57. Прежде всего, двойные личины необходимо рассматривать как важный элемент модели мира культуры оседлых рыболовов Нижнего Амура. В процессе анализа рисунков был выделен ряд признаков, раскрывающих их смысловое содержание.

1. В композиции представлены две соединенные друг с другом разноглазые личины. Признак разновеликих глаз указывает на связь с небесной сферой мироздания, с дневным и ночным светилами. Они в свою очередь показывают прямое сходство с мифологическими хозяйками мира из нижнеамурского шаманского мифа, в котором у одной из звериных хозяек на рогатом головном уборе висят дневные и ночные светила. Очевидно, в каменном веке племенами Амура была создана солярная и лунарная мифология как основа архетипа социума. Примерно на рубеже эр эти представления могли войти в формирующийся пантеон шаманской культуры.

2. На рисунках прослежено опоясывание крупного глаза змеей на обеих личинах. Очевидно, роль змеи как солярного признака стала устойчивым знаком в художественном творчестве региона. Образ змеи органично входит в представления о солнечном божестве и небесной сфере.

3. Соединение в композиции двух мифологических персонажей в единое созидающее начало сближает их с культом двух рожаниц, выделенных академиком Б. А. Рыбаковым в культурах охотничьих племен Северной Евразии, который был унаследован земледельцами Европы.

Таким образом, в изображении на камне № 57 можно предполагать важную часть представлений о мироздании, в которой

запечатлен мифологический образ небесной пары рожаниц, покровительствующих рождению всего сущего, включая обитателей моря, реки, тайги и самого человека. Древние амурские рыболовы и охотники создали изображения двух личин на камне для проведения регулярных мистерий культа плодородия.

Литература

- Анисимов 1959 — *Анисимов А. Ф.* Космологические представления народов Севера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 106 с.
- Арсеньев 1986 — *Арсеньев В. К.* В горах Сихотэ-Алиня; Сквозь тайгу // Избранные произведения в 2 т. / вступ. В. Гуминского. Т. 2. М.: Сов. Россия, 1986. 416 с.
- Ветлицын 1895 — *Ветлицын П. И.* Заметки о древних гольдских памятниках близ селения Мальшевского // Приамурские ведомости. 1895. 22 января.
- Гурина 1978 — *Гурина Н. Н.* Новые наскальные изображения советской Арктики // Природа. 1978. № 7. С. 90–95.
- Золотарев 1939 — *Золотарев А. М.* Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск: Дальгиз, 1939. 205 с.
- Лапшина 2011а — *Лапшина З. С.* К вопросу о методике описания наскальных изображений Амура-Уссурийского петроглифического комплекса // Вестник развития науки и образования. 2011. № 1. С. 66–73.
- Лапшина 2011б — *Лапшина З. С.* Личины петроглифов Амура-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Мат-лы междунар. науч. конф. (22–26 августа 2011 г., Кемерово). Т. 2. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С.64–68.
- Лапшина 2012 — *Лапшина З. С.* Архаическая модель мира в наскальных рисунках Амура и Усури. Хабаровск: ХГИИК, 2012. 212 с.
- Липский 1970 — *Липский А. Н.* К вопросу о семантике солнцеобразных личин Енисея // Сибирь и ее соседи в древности. Вып. 3. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1970. С. 163–173.
- Маак 1859 — *Маак Р. К.* Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отделения ИГО в 1855 г. СПб.: Тип. Карла Вульфа, 1859. 565 с.
- Окладников 1968 — *Окладников А. П.* Лики древнего Амура. Новосибирск: Зап-Сиб. кн. изд-во, 1968. 238с.

- Окладников 1971 — *Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 335 с.
- Окладникова 1979 — *Окладникова Е. А.* Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1979. 168 с.
- Окладникова 1995 — *Окладникова Е. А.* Модель Вселенной в системе образов наскального искусства тихоокеанского побережья Северной Америки. СПб.: МАЭ РАН, 1995. 320 с.
- Попов 1936 — *Попов А. А.* Тавгийцы. Материалы по этнографии Авамских и Вадеевских самоедов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 110 с.
- Рыбаков 1965 — *Рыбаков Б. А.* Космогония и мифология земледельцев энеолита // Советская археология. 1965. № 1. С. 24–48. № 2. С. 13–33.
- Рыбаков 1997 — *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Русское слово, 1997. 824 с.
- Laufer 1899 — *Laufer B.* Petroglyphs on the Amoor // *American Anthropologist*. 1899. № 51. Pp. 746–750 [электронный ресурс] // URL: <http://www.publicanthropology.org/archives/american-anthropology/american-anthropologist-1890/american-anthropologist-1899/> (дата обращения: 04.08.2014).

Археологические находки из памятников Республики Калмыкия в музеях России (количественный анализ)

Эрдни Анатольевич Кекеев ¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022
© Кекеев Э. А., 2022

Аннотация. *Введение.* Археологические коллекции, сформированные по результатам раскопок на территории Республики Калмыкия, хранятся в музеях России: Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (г. Элиста), Саратовском областном музее краеведения (г. Саратов), Государственном историческом музее (г. Москва), а также в нескольких общественных музеях Калмыкии. *Цель* статьи — количественный анализ музейных фондов, включающих материалы из археологических памятников Республики Калмыкия. *Результаты.* В статье рассмотрены археологические находки по происхождению, представительности по эпохам, материалу изготовления, категориям инвентаря, степени изученности, использованию в экспозиции и на выставках, публикации их в каталогах. Установлено, что в фондах указанных музеев хранится более 8 000 ед. хр., в их числе более 7 000 ед. хр. происходят из погребальных памятников (под курганных погребений и жертвенников) и из единичных развешенных погребений; а также более тысячи находок получено в результате изучения поселенческих памятников. Среди материалов из поселений наиболее представлены памятники от эпохи мезолита до бронзового века. Для предметов из погребальных памятников цифры несколько иные: 1 819 (40,6 %) отнесено к бронзовому веку, 1 442 (32,2 %) — к раннему железному веку, 1 222 (27,3 %) — к эпохе средневековья. В результате оценки представительности отдельных погребений установлено, что средний показатель среди всех коллекций составляет 2,4 находки / погребение. Из-

учение распределения находок по материалу изготовления показало, что было использовано около 60 различных материалов. Большая часть предметов являются изделиями из глины — 40,6 %, железа — 16,2 %, бронзы — 11,4 %. Остальные находки изготовлены из кремня, кости, камня и т. д. Для изучения распределения предметов по категориям инвентаря рассмотрено почти 6 000 ед. хр. Установлено, что абсолютное большинство составляет глиняная посуда и курительницы (более 2 500 ед. хр.), несколько меньше находок, отнесенных к категории орудий труда и оружия (более 1 400 ед. хр.). Третьим крупным блоком являются личные украшения и личные предметы — более 1 000 ед. хр.

Ключевые слова: Республика Калмыкия, Национальный музей Республики Калмыкия, Саратовский областной музей краеведения, Государственный исторический музей, музейные фонды, археологические коллекции, археологические находки

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер государственной регистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Кекеев Э. А. Археологические находки из памятников Республики Калмыкия в музеях России (количественный анализ) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 81–105. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-81-105

Archaeological Finds from Kalmykia's Sites in Museums of Russia: A Quantitative Analysis

Erdni A. Kekeev¹

¹Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Kekeev E. A., 2022

Abstract. *Introduction.* Archaeological collections to have resulted from excavations in the territory of Kalmykia are currently stored at different

museums of Russia, namely: Palmov National Museum of Kalmykia (Elista), Saratov Oblast Museum of Local History and Lore (Saratov), State Historical Museum (Moscow), and several other public museums of the region. *Goals.* The article attempts a comprehensive analysis of museum collections to have arrived from archaeological sites of Kalmykia. The finds were explored from a number of aspects, such as origin, archaeological era, materials, inventory categories, level of investigation, use in exhibitions, availability in published catalogues. *Results.* The study clarifies the mentioned museums contain over 8.000 items, and more than 7.000 of the latter come from funerary sites (kurgan burials and altars), as well as from single scattered burials; over 1.000 finds have resulted from excavations of settlements (hillforts). The bulk of the latter date from the Mesolithic to the Bronze Age. For items from funerary monuments, the figures are somewhat different, namely: 1.819 (40.6%) attributed to the Bronze Age, 1.442 (32.2%) — Early Iron Age, 1.222 (27.3%) — Middle Ages. The assessment of distribution by individual burials reveals the average for all collections is 2.4 finds per burial. The calculated distribution of finds by materials used shows those number a total of 60 different designations. Most them are made of clay — 40.6%, iron — 16.2%, bronze — 11.4%. The rest of the finds are made of flint, bone, stone, etc. The insight into distributions by inventory categories examines almost 6.000 items to reveal the absolute majority of the latter are pottery and incense burners (over 2.500 items), while finds classified as tools and weapons are slightly fewer (more than 1.400 units). Another major cluster is compiled from personal jewelry and personal utensils — over 1.000 units.

Keywords: Republic of Kalmykia, National Museum of Kalmykia, Saratov Oblast Museum of Local History and Lore, State Historical Museum, museum collections, archaeological collections, archaeological finds

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Kekeev E. A. Archaeological Finds from Kalmykia’s Sites in Museums of Russia: A Quantitative Analysis. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2022; 1: 81–105. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-81-105

Введение

Археологические коллекции, сформированные в результате работ на территории Республики Калмыкия, хранятся в музеях Рос-

сии: Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (г. Элиста), Саратовском областном музее краеведения (г. Саратов), Государственном историческом музее (г. Москва), а также в нескольких общественных музеях Калмыкии.

Актуальность данного исследования заключается в том, что в последние годы в археологической науке все больше внимания уделяется сохранению археологических объектов. Это касается как самих памятников, так и вещественных источников, полученных в результате полевых работ. Проблема организации комплектования, учета, хранения и использования археологических предметов в составе музейных коллекций стала предметом целого ряда исследований [Баранов 2019; Бердникова 2014; Казанцева 2019; Сорокина 2014; и др.].

В рамках данной работы впервые был проведен всесторонний анализ музейных фондов, сформированных на материале из археологических памятников Республики Калмыкия. Целью данной работы является рассмотрение находок по происхождению, представительности по эпохам, материалу изготовления, категориям инвентаря, степени изученности, использованию в экспозиции и на выставках, публикации их в каталогах.

Материалы

Основной источниковой базой для проведенного исследования послужили Книги поступлений и описи археологических фондов Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, Саратовского областного музея краеведения и Государственного исторического музея. Кроме того, привлекались данные полевых отчетов и публикаций археологов [Бембеева, Очир-Горяева 2021; Очир-Горяева 2008; Сеницын 1978; Сеницын, Эрдниев 1963; Сеницын, Эрдниев 1966; Сеницын, Эрдниев 1971; и др.].

В Саратовский музей поступили находки, обнаруженные во время довоенных работ П. С. Рыковым (более 650 ед. хр.). Основная часть материала работ с 1961 г. по настоящее время хранится в Национальном музее Республики Калмыкия (более 6 500 ед. хр.). В советский период существовала практика передачи наиболее ценных находок в Государственный исторический музей (далее —

ГИМ), кроме этого, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в Москву были переданы материалы работ, организованных ГИМом (более 800 ед. хр.).

Источником данных о датировке памятников стали полевые отчеты, их изданные версии и публикации [Андреева 2014; Бембева, Очир-Горяева 2021; Очир-Горяева 2008; Шилов 2009; Шишлина 2007; и др.]. Главным условием для предметов было наличие точного «паспорта» с указанием могильника, группы, года исследований, номера кургана и номера погребения. К сожалению, не все находки имеют точную информацию. Для итоговых расчетов привлечено 4 483 предмета¹: 1 819 (40,6 %) отнесено к бронзовому веку, 1 442 (32,2 %) — к раннему железному веку, 1 222 (27,3 %) — к эпохе средневековья.

Степень изученности коллекций, публикации в научных работах и в каталогах, использование предметов в экспозициях и на выставках

В результате изучения полевых отчетов, их опубликованных вариантов и отдельных изданий установлено, что часть находок была введена в научный оборот в составе публикаций, посвященных отдельным памятникам. В основном это касается работ П. С. Рыкова, И. В. Сеницына, У. Э. Эрдниева, Е. В. Шнайштейн, П. М. Кольцова, М. А. Очир-Горяевой [Кольцов 2005; Очир-Горяева 2017; Рыков 1931; Рыков 1936; Сеницын 1978; Сеницын, Эрдниев 1971; Шилов 2009; Шнайштейн 1979; Шнайштейн 1981; Шнайштейн 1985; и др.]. Материалы из работ других ученых редко доходили до публикации. Позднее в основном изучались предметы отдельных эпох или находки из определенного памятника.

Коллекции эпохи мезолита и неолита, происходящие из поселенческих памятников, подробно освещены в работах П. М. Коль-

¹ Для расчетов привлекаются только показатели предметов бронзового, раннего железного и средних веков. Находки из немногочисленных малоинвентарных погребений энеолита, а также находки из современных погребений и памятников без точной датировки в итоговые расчеты не входят.

цова [Кольцов 2004; Кольцов 2005]. Предметы из погребений, датированных периодом энеолита и бронзового века, привлекались в исследованиях М. В. Андреевой, Р. А. Мимохода, Н. И. Шишлиной. На основе полученной информации изучена материальная и духовная культура, были выделены археологические культуры: степной энеолит, восточноманьчская катакомбная культура, лонинская культура финала средней бронзы и др. [Андреева 2014; Мимоход 2007; Шишлина 2007].

Большая работа была проведена группой специалистов Калмыцкого научного центра РАН. Проанализировано общее состояние фондов [Шаральдинов, Очир-Горяева 2008: 241–242] и изучены отдельные коллекции из раскопок курганных групп *Архара, Лола, Восточный Маныч, Тачин Царанг* [Кекеев 2014; Кекеев 2017; Кекеев, Буратаев 2015; и др.]. В итоге изучения археологических фондов 1961–1967 гг. была издана научная монография «Свод археологических памятников Кумо-Маньчской впадины (1965–1967 гг.)» [Кекеев, Буратаев 2016] и каталог «Археологические коллекции Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (по материалам полевых экспедиций 1961–1967 гг.)» [Археологические коллекции 2018].

Важно отметить тот факт, что находки из Калмыкии регулярно публикуются в тематических каталогах Государственного исторического музея. Одним из крупнейших в своем роде стал проект «Бронзовый век. Европа без границ». В ходе проведения этого российско-германского научного форума выставлялись уникальные предметы из памятников бронзового века. По итогам был издан каталог «Бронзовый век. Европа без границ (IV–I тыс. до н. э.)», в котором представлено более 50 предметов из погребальных памятников Калмыкии: *Восточный Маныч, Ергенинский, Зунда Толга, Манджигины, Му-Шарет* и др. [Бронзовый век 2013]. Востребованность археологических находок из Калмыкии в музейно-выставочной и научной деятельности Государственного исторического музея подтверждает тот факт, что с 1960-х гг. в Москву вывозились наиболее ценные предметы, а «рядовые» находки оставались в Национальном музее Калмыкии.

Естественно, что археологические находки являются основой для создания тематических экспозиций. К сожалению, до 2020 г. в Национальном музее Республики Калмыкия не было возможности для полноценного освещения накопленного материала. Однако экспонаты из археологических фондов регулярно использовались для создания временных выставок (рис. 1).

Рис. 1. Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова. Временная экспозиция в зале «Археология». Источник: <https://national-museum.kalm.muzkult.ru/media/2019/07/17/1260944008/LArxeologiya.jpg> (дата обращения: 20.02.2022)

Важным шагом в этом направлении стало создание выставочного зала «Степь как жизненное пространство», который был открыт в 2020 г. В зале, посвященном археологическому наследию Калмыкии, представлена карта археологических памятников республики (рис. 2), реконструкция погребения бронзового века в натуральную величину и экспозиция, посвященная основным археологическим эпохам. В основной экспозиции выставлено более 250 экспонатов эпохи мезолита, энеолита, бронзового, раннего железного и средних веков (рис. 3).

Рис. 2. Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова. Зал «Степь как жизненное пространство». Карта «Археологические памятники Республики Калмыкия». Фото Э. А. Кекеева

Рис. 3. Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова. Зал «Степь как жизненное пространство». Фото Э. А. Кекеева

Кроме этого, находки из Калмыкии являются важной частью постоянных экспозиций и в Саратовском областном музее краеведения. Предметы представлены в залах 7–10 «История края с древнейших времен (70–50 тысяч лет назад) до XIV в.» (рис. 4).

Рис. 4. Саратовский областной музей краеведения. Залы 7–10. История края с древнейших времен (70–50 тысяч лет назад) до XIV в. Фрагмент. Источник: <https://asrmod.ru/images/stories/2018/003-po-zalam-somk/po-zalam-somk-054.jpg> (дата обращения: 20.01.2022)

Уникальные находки из раскопок на территории республики стали частью постоянной экспозиций в Государственном историческом музее. Зооморфный скипетр из кургана 27 могильника Архара занимает центральное место в экспозиции «Поволжье в эпоху энеолита. Конец V тыс. до н. э.» (рис. 5). А большая часть предметов в экспозиции «Древние скотоводы Евразийских степей. Культуры катакомбного круга» происходят из памятников, исследованных в Калмыкии: *Восточный Маныч*, *Зунда Толга*, *Манджикины* и др. (рис. 6–8).

Количество погребальных и поселенческих памятников

Всего находок из археологических памятников Калмыкии насчитывается более 8 000 ед. хр. Более 7 000 ед. хр. из них происходят из погребальных памятников (подкурганых погребений и

Рис. 5. Государственный исторический музей. Постоянная экспозиция «Поволжье в эпоху энеолита. Конец V тыс. до н. э.». Фрагмент. Фото Э. А. Кекеева

Рис. 6. Государственный исторический музей. Постоянная экспозиция «Древние скотоводы евразийских степей. Культуры катакомбного круга». Фото Э. А. Кекеева

Рис. 7. Государственный исторический музей. Постоянная экспозиция «Древние скотоводы евразийских степей. Культуры катакомбного круга». Фрагмент. Фото Э. А. Кекеева

Рис. 8. Государственный исторический музей. Постоянная экспозиция «Древние скотоводы евразийских степей. Культуры катакомбного круга». Фрагмент. Фото Э. А. Кекеева

жертвенников, а также единичных развешенных погребений). Более тысячи находок сделано в результате изучения поселенческих памятников.

По данным М. А. Очир-Горяевой и Л. А. Бембеевой, в период с 1929 по 2009 гг. на территории Республики Калмыкия исследовано 4 368 погребений из 1 427 курганов. 2 776 погребений (63,6 %) относятся к эпохе бронзы, к культурам раннего железного века отнесено 897 погребений (20,5 %), эпохой средневековья датировано 383 погребения (8,8 %), 254 погребения (5,8 %) остались без точной датировки, 27 погребений (0,6 %) — современные [Очир-Горяева 2008: 248–252; Бембеева, Очир-Горяева 2021: 50–53]. Из погребальных памятников наиболее представлены курганные могильники *Восточный Маныч* (559 ед. хр.), *Канал Волга-Чограй* (423 ед. хр.), *Цаган Усн* (337 ед. хр.), *Три Брата-1* (195 ед. хр.) и др.

В работе П. М. Кольцова приведены данные о 39 поселенческих памятниках эпохи мезолита и неолита: 3 поселения, 6 стоянок, 24 местонахождения и 6 пунктов [Кольцов 2005: 49–212]. В монографии М. А. Очир-Горяевой из этих памятников мезолита и неолита учтено 3 поселения и 6 стоянок. Ею не привлекались данные о местонахождениях и пунктах, которые имеют краткое описание и характеризуются единичными находками. Кроме того, в работе М. А. Очир-Горяевой приведены сведения о памятниках более поздних эпох: бронзовый век и средневековье. В сумме описано 29 памятников (14 поселений и 13 стоянок) [Очир-Горяева 2008: 137–141]. Среди предметов в музейных фондах, происходящих из поселенческих памятников, выделяются находки из поселений *Джангар* (более 250 ед. хр.), *Ергенинское* (более 150 ед. хр.), *Заханата* (более 100 ед. хр.).

Лишь несколько из исследованных поселений имело культурный слой: *Джангар* (неолит), *Ергенинское* (бронзовый век), *Заханата* (бронзовый век и средневековье), *Башанта* (средневековье) и т. д. Большая часть памятников являются развешенными стоянками и местонахождениями. Материал собран на поверхности и представляет собой перемешанные фрагменты глиняных и кремневых изделий [Кольцов 2005: 29; Очир-Горяева 2008: 30]. В итоге уста-

новлено, что большая часть материала из поселенческих памятников относится к мезолиту — бронзовому веку (более 900 ед. хр.), малая часть — к эпохе средневековья (более 50 ед. хр.).

Представительность отдельных погребальных комплексов

Далее был проведен анализ представительности отдельных погребальных комплексов среди находок, хранящихся в археологических фондах. Установлено, что они происходят из 1 586 погребений.

В 918 погребальных комплексов бронзового века насчитывается от одной до 22 находок. Среднее количество находок в одном погребении равно 1,8. Погребения раннего железного века немногочисленнее — в среднем представительность одного погребения раннего железного века равна 2,7 находки / погребение. Самые «богатые» комплексы насчитывают до 22 находок. Самый высокий показатель количества находок на одно погребение выявлен у погребений эпохи средневековья — 4,4. Наибольший показатель равен 30–35 находкам в одном погребении.

Большая часть погребальных комплексов в изучаемых коллекциях насчитывают от 1 до 3 находок (1 325 погребений — 83,5 %). 208 погребений (13,1 %) насчитывают от четырех до десяти находок. Только 48 погребений (3 %) насчитывают от 11 до 35 находок. Средний показатель среди всех коллекций составляет 2,4 находки / погребение.

Сравнение показателей представительности археологических находок в изучаемых коллекциях и этих показателей по данным из полевых отчетов

По информации из указанных выше изданий установлено, что основная часть исследованных в 1929–2009 гг. курганов и погребений была создана в бронзовом веке. Из 4 368 погребений 2 776 (63,6 %) относятся к эпохе бронзы, к культурам раннего железного века отнесено 897 погребений (20,5 %), эпохой средневековья датировано 383 погребения (8,8 %), 254 погребения (5,8 %) остались без точной датировки, 27 погребений (0,6 %) — современные [Очир-Горяева 2008: 248–252; Бембева, Очир-Горяева 2021: 50–53]. Для вычисления основных показателей количества

инвентаря в погребениях были привлечены данные из опубликованных работ И. В. Сеницына и У. Э. Эрдниева — материалы по раскопкам курганных групп *Лола*, *Архара*, *Элиста* и *Восточный Маныч* (1961–1967 гг.). В этих изданиях приведены данные о 1 797 разновременных погребениях [Сеницын 1978; Сеницын, Эрдниев 1963; Сеницын, Эрдниев 1966; Сеницын, Эрдниев 1971; и др.].

Среди находок, изученных в разрезе по основным культурно-хронологическим группам, преобладание предметов бронзового века не является столь значительным. В данном случае необходимо учитывать несколько основных отличий материальной и духовной культуры древнего и средневекового населения [Очир-Горяева 2008: 159–205].

Во-первых, у памятников разных эпох была разная доля инвентарных погребений. На основе изучения раскопок 1961–1967 гг. установлено, что из 384 погребений энеолита, ямной, северокавказской, раннекатакомбной и срубной культур только 135 имело инвентарь (26,1 %). Для погребений катакомбной культуры этот процент заметно выше — 66 % (665 из 1 007 погребений). В целом для памятников бронзового века доля инвентарных погребений равна 52,7 % (803 из 1 536). Только половина погребений содержала инвентарь.

В погребениях раннего железного века это соотношение равно 65,3 % (128 погребений из 196 были инвентарными). У памятников средневековья этот процент еще выше — 86,2 % (56 инвентарных погребений из 65 погребений средневековья). Среди памятников раннего железного и средних веков заметна большая доля разрушенных или ограбленных погребений. Происходило это в силу разных причин, часть случаев относят к ритуальным действиям, какая-то доля погребений была ограблена с целью изъятия материальных ценностей и т. д. «Задача» грабителей не требовала больших усилий, так как основная часть курганов этого периода истории имеет небольшие размеры насыпи (до 1 м в высоту) и неглубокие погребения (1–1,5 м от уровня древнего горизонта). Во всех случаях это приводило как к частичному или полному разру-

шению самого погребения, так и к уничтожению всего комплекса (костных останков, погребального инвентаря, элементов возможной конструкции и т. д.).

Приведем данные о среднем количестве находок в одном погребении. По данным 1961–1967 гг., этот показатель у памятников бронзового века является самым низким — 2,4 находки на одно погребение (1 877 находок из 803 инвентарных погребений). Хотя среди этих памятников и встречаются «богатые» комплексы, когда в одном погребении находят до 10–15 находок. Однако большая часть содержала по одному предмету, чаще всего это были изделия из категории глиняной посуды. Мода² (Мо) равна 1, медиана³ (Ме) равна 1, среднеквадратическое отклонение⁴ (σ) равно 1,91.

Несколько выше этот показатель у памятников раннего железного века — 3,4 находки / погребение (434 находки из 128 инвентарных погребений) (Мо = 1, Ме = 2, σ = 2,7). Еще выше количество находок на одно погребение у памятников эпохи средневековья — 4,3 находки / погребение (239 находок из 56 инвентарных погребений) (Мо = 1, Ме = 3, σ = 3,76).

Как было описано выше, в результате количественного анализа результатов раскопок 1961–1967 гг. установлено, что в погребениях разных эпох этот показатель увеличивается от эпохи бронзы к эпохе средневековья — от 2,4 до 4,3 находок на погребение. В целом такое же увеличение прослеживается при анализе представительности отдельных погребений в фондах музеев.

При сопоставлении количества этих показателей заметна разница — статистически среднее количество одной находки в по-

² Мода — значение изучаемого признака, повторяющееся с наибольшей частотой, т. е. мода — значение признака, встречающееся чаще всего.

³ Медиана — значение признака, приходящееся на середину ранжированной (упорядоченной) совокупности, т. е. медиана — центральное значение вариационного ряда.

⁴ Среднеквадратическое (среднеквадратичное) отклонение — наиболее распространённый показатель рассеивания значений случайной величины относительно её математического ожидания (аналога среднего арифметического с бесконечным числом исходов).

гребенях эпохи бронзы (2,4; $\sigma = 1,91$) и раннего железа (3,4; $\sigma = 2,7$) выше, чем их представительность в хранящихся коллекциях (бронзовый век — 1,8; $\sigma = 1,81$; ранний железный век — 2,7; $\sigma = 2,92$).

Это обстоятельство можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, изымались не все обнаруженные предметы. Во-вторых, многие предметы были впоследствии списаны в виду потери своей научной и музейной ценности. В основном это касается мелких и фрагментированных находок из железа, дерева, ткани, глины и т. д. В-третьих, выявлены случаи депаспортизации, когда частично или целиком утрачивается информация о самой находке. Более половины (около 55 %) полностью беспаспортных вещей — это глиняные сосуды и их фрагменты. А как будет указано ниже, именно глиняная посуда составляет большую долю среди находок бронзового и раннего железного веков.

У средневековых погребений этот показатель остается почти одинаковым — среди проанализированных погребений на одно средневековое погребение приходится 4,3 находки ($\sigma = 4,09$), в хранящихся на сегодня коллекциях — 4,4 находки / погребение ($\sigma = 5,51$).

Распределение находок по материалу изготовления

По существующим правилам организации хранения музейных коллекций недопустимо совместное хранение предметов из материалов, требующих разных условий хранения и отличающихся габаритами [Приказ Минкультуры РФ 2020]. Однако по разным причинам эти требования соблюдаются редко, в каждом музее эта проблема решается исходя из условий и возможностей. Большая часть находок хранится в том виде, в котором они были обнаружены. Разделение в соответствии с этим правилом соблюдается в виде хранения глиняных и металлических сосудов в шкафах с полками, крупногабаритные предметы размещены на открытых полках, а остальной, так называемый «мелкий инвентарь», хранится в индивидуальных бумажных и полиэтиленовых упаковках, которые помещаются в картонные коробки и деревянные ящики [Бердникова 2014: 101].

От материала, из которого сделан предмет, зависят методы консервации, применяемые к ним. После обнаружения, необходимо проводить оценку сохранности находки, учитывать условия залегания и те условия, в которых предмет оказывается после изъятия его из почвы. Большая часть изделий из обожженной глины, камня, кремня не требует особых условий хранения, а предметы из материалов, подверженных разрушению под влиянием перепада температур, изменения влажности воздуха, прямых солнечных лучей и др., требуют строгого соблюдения правил хранения музейных предметов [Приказ Минкультуры РФ 2020]. Многие из этих предметов требуют консервации сразу же с момента их обнаружения. Квалифицированная работа специалиста-реставратора позволяет сохранить предмет от дальнейшего разрушения и его последующего изучения. Кроме того, на сохранность предмета несомненно оказывает влияние время его нахождения в почве, т. е. от времени его создания до обнаружения, а также и условия (перепады температур, влажность и т. д.), тип почвы и др. Так, например, наблюдается высокая степень сохранности костного материала в засоленных почвах.

Насчитывается около 60 различных материалов, которые использовались для создания предметов из рассматриваемых коллекций. Однако основная часть находок (95 %) изготовлена из 11 видов материала. Большая часть предметов являются изделиями из глины (40,6 %) — сосуды, курительницы и их фрагменты. Вторым по количеству являются изделия из железа (16,2 %) — орудия труда и оружие, личные предметы и украшения, элементы костюма и конского снаряжения. Третьим крупным блоком являются изделия из бронзы (11,4 %) — различные виды орудий труда и оружия, элементы украшений и личных предметов. Изделия из кремня, кости и камня вместе составляют 16,7 % — в основном это орудия труда и их фрагменты. Следующей по количеству является группа изделий из дерева, кожи, ткани, шелка и пасты — 7 %. Оставшиеся 5 % — это находки из около 50 различных материалов, таких как береста, стекло, охра, серебро, раковина, сердолик и т. д.

Среди находок бронзового века преобладают предметы из глины (61,1 %), бронзы (12,1 %), камня (5,9 %) и кости (5,9 %). В сумме находки, изготовленные из этих материалов, составляют 85 % коллекций бронзового века. Остальные предметы изготовлены из более чем 25 материалов, основными из которых являются паста, кремьень, охра, дерево, серебро, рог и др.

Большая часть находок раннего железного века изготовлены из глины (37,4 %), бронзы (19,5 %), железа (18,1 %). Всего из этих трех материалов сделано 75 % находок. Остальные находки раннего железного века изготовлены из более чем 35 материалов — кости, камня, стекла, пасты и т.д.

Среди находок эпохи средневековья доля глиняных изделий (5,7 %) уступает предметам из железа (49,3 %) и бронзы (8,9 %). Вместе с находками из кости (5,6 %) эти изделия составляют почти 70 % коллекций эпохи средневековья. Остальные 30 % находок изготовлены из более чем 25 материалов, основными из которых являются дерево, кожа, ткань, береста, камень и др.

Как отмечалось выше, большая часть поселенческих памятников относится к мезолиту — бронзовому веку. Основная доля находок в поселенческих памятниках является изделиями из твердых материалов, как было сказано выше, изделия из обожженной глины, камня и кремня наименее подвержены разрушительному воздействию неблагоприятных условий окружающей среды (перепады температур и влажности, воздействие прямых солнечных лучей и др.). Большая часть — это фрагменты глиняных сосудов (47,8 %), кремневые орудия и их фрагменты (36 %), меньшая часть находок представляют собой изделия из камня (4,7 %). В сумме изделия из глины, кремня и камня составляют более 88 % этих коллекций. Остальные предметы изготовлены из более чем 20 материалов, основными из которых являются находки из железа, бронзы, кости и др.

Распределение находок по категориям инвентаря

Для развернутой характеристики археологических коллекций как источника по истории того или иного периода необходимо рассмотреть основные категории предметов. Весь вещественный

материал можно разделить на следующие категории: посуда, оружие и орудия, украшения и детали костюма, культовые предметы, элементы снаряжения лошади, остеологический материал, образцы конструкций, органических подстилок и покровов, краски и др.

Находки, поступившие в результате разведок, в основном представлены фрагментированными изделиями из глины, кремня, камня, железа, кости и др. Изделия из этих материалов могут сохраняться долгое время. В основном это части посуды, орудий труда и оружия. Некоторые предметы в силу своей фрагментированности не могут быть однозначно отнесены к той или иной категории, поэтому они не были исключены при расчете распределения находок по категориям инвентаря, однако были включены в него депаспортизированные предметы. В итоге здесь, при расчетах, было привлечено почти 6 000 ед. хр.

Одним из важных элементов материальной культуры многих народов является посуда. В археологических коллекциях из раскопок на территории Калмыкии глиняная посуда составляет абсолютное большинство среди находок бронзового и раннего железного веков (более 2 300 ед. хр.).

Среди посуды принято выделять различные типы сосудов: сосуды закрытой формы, сосуды открытой формы и особые виды сосудов [Андреева 2014: 25–28]. Большая часть относятся к сосудам закрытой формы — сосуд, горшок, кувшин, светильник, сосудик. Меньше находок имеют открытую форму — миска, чаша, плошка, стакан, сковорода. К особым типам принято относить глиняные воронки. Сосудов, изготовленных из металла, гораздо меньше. В основном это плохо сохранившиеся котлы, котелки, чаши и их части. Близкими по технике изготовления к глиняным лепным сосудам являются курительницы (ритуальные чаши на поддоне) (почти 200 ед. хр.). Они относятся к ритуальным предметам [Андреева 2014: 28–29; Панасюк 2010: 25–38].

Следующая категория — это орудия труда и оружие (более 1 400 ед. хр.). По большей части подобное объединение орудий и оружия касается находок неолита, энеолита и бронзового века [Андреева 2014: 29]. По-видимому, эти предметы использовались

в быту и хозяйстве, однако нельзя исключать их применения как оружия. Более ясная ситуация с находками раннего железного века и средневековья, когда появляются погребения воинов.

Бронзовые орудия труда и/или оружие — это ножи, стержни, крюки, тесла, долота, иглы. Сохранность этих вещей разная, но в основном удовлетворительная. Реставрация проводится редко, в основном находки хранятся в том же виде, в каком они были обнаружены.

Каменные орудия труда и/или оружие в основном представлены находками бронзового века. Большую часть составляют песты, разных размеров и форм. Кроме пестов, в погребениях встречаются ступки, наковальни, терочные камни, выпрямители древков стрел, точильные бруски и предметы неясного назначения. К кремневым орудиям труда и/или оружию относятся ножевидные пластины, нуклеусы, скребки, микролиты, отщепы и т. д. К орудиям труда, изготовленным из железа, относятся ножницы, иглы, гвозди, зажимы, заклепки и т. д.

К предметам / орудиям из кости относят найденные вне сочленения отдельные кости животных, часть из которых имеют следы обработки. К костяным изделиям относят проколки, гребни, рукоятки ножей и шильев. К костяным предметам относятся находки костей мелкого и крупного рогатого скота — астрагалы (таранные кости), рога, лопатки и др. Однако часто такие предметы только отмечались в полевом дневнике и не попадали в музейные коллекции.

Многообразием предметов характеризуется категория личных украшений (более 1 000 ед. хр.). В эту группу включены наборные украшения (бусы, ожерелья и др.), подвески (височные кольца, серьги, амулеты и др.), фибулы, кольца, элементы пояса и фрагменты этих предметов. Близкой к этой группе являются личные предметы, некоторые из которых, возможно, тоже являлись частью костюма. Костюм погребенного сохраняется в виде фрагментов ткани, бересты, кожи и др. Среди находок бронзового века это, прежде всего, крайне редкие фрагменты ткани крупного плетения и их отпечатки. В некоторых погребениях бронзового века фиксируются пастовые ожерелья вокруг черепа и в районе пояса.

Реконструируется костюм с головным убором и поясом, которые расшиты пастовым бисером.

Среди находок есть фрагменты ткани (27 ед. хр.), часть из которых подписана как элементы костюма, некоторые — как части головного убора. Хранятся фрагменты обуви, которые сохранялись только у кожаных изделий. Большая часть из них представляет собой бесформенные части кожи небольшого размера.

Отдельной категорией погребального инвентаря, которая появилась с наступлением раннего железного века, являются элементы снаряжения коня (более 50 ед. хр.). Как и сегодня, основным материалом для их производства являлись кожа и металл, в результате раскопок были обнаружены фрагменты уздечных наборов, псалий, седла, стремян и др.

Часть коллекций представляют собой кости человека и животных. К сожалению, долгое время не существовало устоявшихся правил обращения с костными останками. Часто судьба остеологического материала оставалась в руках руководителей полевых работ. Выявлены случаи, когда из погребений и жертвенников сохранились только наиболее интересные экземпляры: человеческие черепа со следами деформации, кости со следами металлических окислов, крупные черепа животных и т. д.

Немногочисленной, но не менее важной является категория образцов, взятых из погребений (85 ед. хр.). В основном это фрагменты органических подстилок и покровов, следы краски, мела, огня, фрагменты деревянных перекрытий и конструкций, гипсовые слепки, содержимое сосудов и др.

Заключение

В результате изучения археологических находок из памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия, были проанализированы предметы из фондов Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (г. Элиста), Саратовского областного музея краеведения (г. Саратов) и Государственного исторического музея (г. Москва).

Установлено, что в фондах указанных музеев хранится более 8 000 ед. хр.: более 7 000 из них происходят из погребальных па-

мятников (подкурганные погребения и жертвенники, а также единичные развеянные погребения); более тысячи находок сделано в результате изучения поселенческих памятников.

В результате оценки представительности отдельных погребений установлено, что средний показатель среди всех коллекций составляет 2,4 находки на одно погребение. Изучение распределения находок по материалу изготовления показало, что было использовано около 60 различных материалов — большая часть предметов являются изделиями из глины — 40,6 %, железа — 16,2 %, бронзы — 11,4 %.

Изучение распределения предметов по категориям инвентаря показало, что абсолютное большинство составляет глиняная посуда и курительницы (более 2 500 ед. хр.), несколько меньше находок, отнесенных к категории орудий труда и оружия (более 1 400 ед. хр.). Третьим крупным блоком являются личные украшения и личные предметы — более 1 000 ед. хр.

Анализ востребованности изучаемых предметов показал, что находки из Калмыкии активно используются в музейно-выставочной работе и являются важной частью постоянных экспозиций Национального музея Республики Калмыкия, Саратовского музея и Государственного исторического музея.

В результате всестороннего количественного анализа были выявлены основные качественные и количественные характеристики находок из археологических работ в Калмыкии с 1929 г. по настоящее время, хранящихся в фондах вышеуказанных музеев России.

Проведенное исследование является частью проекта по созданию свода, на данном этапе проведен комплексный анализ качественных и количественных характеристик археологических фондов. Полученные данные помогут в проведении дальнейших специализированных исследований, касающихся актуальных проблем современной археологической науки.

Литература

Андреева 2014 — Андреева М. В. Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус, 2014. 272 с.

- Археологические коллекции 2018 — Археологические коллекции Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (по материалам полевых экспедиций 1961–1967 гг.) / сост.: Э.А. Кекеев, Е. Г. Буратаев; отв. ред. А. Г. Ситдииков; вступ. ст. Э. А. Кекеева. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 172 с.: 394 ил.
- Баранов 2019 — *Баранов В. С.* Целостность археологических коллекций в музейном хранении: Эффект «распредмечивания» // Археология евразийских степей. 2019. № 5. С. 66–74.
- Бембеева, Очир-Горяева 2021 — *Бембеева Л. А., Очир-Горяева М. А.* Археологические погребальные памятники волго-маньчских степей (по материалам раскопок с 1998 по 2009 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 8–53. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-8-53
- Бердникова 2014 — *Бердникова Н. Е.* Археологические объекты, коллекции и проблемы хранения // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 10. С. 94–109.
- Бронзовый век 2013 — Бронзовый век. Европа без границ (IV – I тыс. до н. э.): каталог выставки / под ред. Ю. Ю. Пиотровского. СПб.: Чистый лист, 2013. 648 с.
- Казанцева 2019 — *Казанцева О. А.* Делить нельзя изучать (целостность археологической коллекции: возможности и трудности научного исследования) // Археология евразийских степей. 2019. № 5. С. 57–66.
- Кекеев 2014 — *Кекеев Э. А.* Спасательные археологические раскопки курганной группы Восточный Маньч // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 73–77.
- Кекеев 2017 — *Кекеев Э. А.* Материалы из раскопок могильника Тачин Царанг, хранящиеся в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 3. С. 91–110.
- Кекеев, Буратаев 2015 — *Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г.* Спасательные раскопки курганной группы Восточный Маньч-1967 // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 62–65.
- Кекеев, Буратаев 2016 — *Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г.* Свод археологических памятников Кумо-Маньчской впадины (1965–1967 гг.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 248 с.
- Кольцов 2004 — *Кольцов П. М.* Поселение Джангар: человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М.: Новый хронограф, 2004. 156 с.

- Кольцов 2005 — *Кольцов П. М.* Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М.: [б. и.], 2005. 178 с.
- Мимоход 2007 — *Мимоход Р. А.* Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века: материалы охранных археологических исследований. Т. 16. М.: Институт археологии РАН, 2013. 568 с.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Очир-Горяева 2017 — *Очир-Горяева М. А.* Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 420 с.
- Панасюк 2010 — Панасюк Н. В. Раннекатакомбные курильницы степного Предкавказья // Российская археология. 2010. № 2. С. 25–38.
- Приказ Минкультуры РФ 2020 — Приказ Минкультуры России. Единые правила организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций [электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-minkultury-rossii-ot-23072020-n-827/edinye-pravila-organizatsii-komplektovaniia-ucheta/>. (дата обращения: 25.07.2021).
- Рыков 1931 — *Рыков П. С.* Отчет об археологических работах, проведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Известия Нижне-Волжского института краеведения. 1931. Т. 4. С. 51–79.
- Рыков 1936 — *Рыков П. С.* Археологические раскопки курганов в урочище Три Брата в Калмыцкой области, произведенные в 1933–1935 гг. // Советская археология. 1936. № 1. С. 115–157.
- Синицын 1978 — *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маньча. В 2 ч. Саратов: изд-во Саратов. гос. ун-та, 1978. Ч. 1. 130 с.; Ч. 2. 117 с.
- Синицын, Эрдниев 1963 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году. Труды Республиканского краеведческого музея. № 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1963. 60 с.
- Синицын, Эрдниев 1966 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.). Труды КНИИЯЛИ, КРКМ № 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 186 с.
- Синицын, Эрдниев 1971 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Элистинский курганный могильник. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 139 с.
- Сорокина 2014 — *Сорокина И. А.* Становление современных норм учета и хранения археологических коллекций в России // Краткие сообщения истории археологии. 2014. № 236. С. 361–365.

- Шаральдинов, Очир-Горяева 2008 — *Шаральдинов С. В., Очир-Горяева М. А.* Археологические коллекции Национального музея РК и общественных музеев республики // Очир-Горяева М. А. Археологические памятники Волго-Маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. С. 241–244.
- Шилов 2009 — *Шилов В. П.* Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста: Герел, 2009. 303 с.
- Шишлина 2007 — *Шишлина Н. И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.) // Труды Государственного исторического музея. Вып. 165. М.: ГИМ, 2007. 400 с.
- Шнайдштейн 1979 — *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганов в урочище Гува // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста: КНИИИФЭ, 1979. С. 55–69.
- Шнайдштейн 1981 — *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганной группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 78–120.
- Шнайдштейн 1985 — *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганной группы Заханата // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 79–94.

Мотив помощника в калмыцких сказках на сюжет ATU 513 The Extraordinary Companions

Баира Басанговна Горяева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Горяева Б. Б. 2022

Аннотация. *Введение.* Мотив помощника героя является одним из сюжетообразующих в калмыцкой волшебной сказке. Исследователями отмечается, что главному герою калмыцкой сказки помогают люди и животные, также выделяются орнитоморфные помощники и чудесные предметы. В данной статье рассмотрен мотив помощника в калмыцких сказках на сюжетный тип ATU 513 The Extraordinary Companions. В устной традиции калмыков указанный сюжетный тип представлен подтипами, реализуется как самостоятельный сюжет, а также в контаминации. *Результаты.* Сюжетообразующий мотив чудесного помощника в сказках на сюжетный тип 513 реализуется различными способами. Добровольными помощниками героя являются не только люди со сверхспособностями (Переставляющий горы, Сотрясающий землю, Выпивающий моря, Слухач и др.), но и благодарные животные. Чудесные товарищи, имеющие власть над силами природы, справляются со всеми трудными задачами хана. Благодаря этому, герой берет в жены дочь хана. Чудесные свойства помощников позволяют им избежать неминуемой гибели от рук хана. Иногда они чинят расправу над враждебным ханом (*мангасом*), спасают еще и супругу героя с его сыном. При этом следует отметить случаи разработки в сказках на рассматриваемый сюжет героической коллизии, когда герой избавляет небесную деву или девушку-воплощение божества Тары от пятнадцатиглового *мангаса*. В этом случае герой сам выступает в роли помощника.

Ключевые слова: калмыки, волшебная сказка, сюжет, чудесный искусник, мотив помощника

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Горяева Б. Б. Мотив помощника в калмыцких сказках на сюжет ATU 513 The Extraordinary Companions // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 106–118. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-106-118

ATU 513 ‘The Extraordinary Companions’: The Motif of Magic Assistant in Kalmyk Folktales Revisited

*Baira B. Goryaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Goryaeva B. B., 2021

Abstract. *Introduction.* The motif of a hero’s assistant serves a plot-forming element in Kalmyk folktales. Researchers note that the main character of the Kalmyk folktale is assisted by humans and animals, orthomorphic assistants and wonderful objects. *Goals.* The article examines the motif of assistant for plot type ATU 513 ‘The Extraordinary Companions’. In the oral tradition of the Kalmyks, this plot type is represented by subtypes, gets implemented as an independent plot, as well as in contamination. *Results.* The plot-forming motif of the wonderful helper in folktales for plot type 513 is realized in various ways. The hero’s willing helpers are not only humans with superpowers (‘Rearranging Mountains’, ‘Shaking the Earth’, ‘Drinking Seas’, ‘The Listener’, etc.) but also grateful animals. Wonderful comrades who have

power over the forces of nature cope with all difficult tasks of the Khan, which makes it possible for the hero to marry the latter's daughter. The miraculous properties of helpers enable them to avoid imminent death at the hands of the ruler. Sometimes those inflict punishment on a hostile Khan (*mangas*), they also save the hero's wife and his son. At the same time, one should note such folktale collisions when the hero sets a heavenly maiden or *Tara* free from a fifteen-headed *mangas*, thus, himself acting as assistant.

Keywords: Kalmyks, folktale, plot, magic assistant, motif of helper

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions'.

For citation: Goryaeva B. B. ATU 513 'The Extraordinary Companions': The Motif of the Magic Assistant in Kalmyk Folktales Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 1: 106–118. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-106-118

В калмыцкой фольклористике основательно изучен мотивный фонд героического эпоса «Джангар» и богатырских сказок. Так, рассматривался мотив чудесного рождения героя в сказочном и героическом эпосе монгольских народов [Мутляева 1982]. А. Ш. Кичиков, проанализировав архаические мотивы происхождения героя, реконструировал целостное повествование о героическом сватовстве — тууль-улигер¹ [Кичиков 1994: 10–18]. Э. Б. Овалов разработал типологию мотивов на эпическом материале монгольских народов [Овалов 2004], в том числе ранее им был рассмотрен и мотив «помощник героя» в версиях эпоса «Джангар» [Овалов 1982].

На материале песен Багацохуровского цикла «Джангара» Д. В. Убушиева описала архаические мотивы [Убушиева 2006;

¹ Рабочим термином «тууль-улигер» (или «тууль-улигерный эпос») обозначаются эпические произведения, стадийно предшествующие героическому эпосу типа калмыцкого «Джангара» и повествующие о подвигах чудеснорожденного богатыря (его женитьба на «суженой» — волшебной деве из далекой страны, истребление чудовищ-мангусов, освобождение народа от насильников и установление мира на земле) [Кичиков 1994: 11].

Убушиева 2009; Убушиева 2010; Убушиева 2018]. Ц. Б. Селеева проанализировала отдельные мотивы калмыцкой и синьцзян-ойратской версий «Джангара», систематизировала основные эпические темы на материале текстов десяти песен калмыцкой версии эпоса «Джангар» репертуарного цикла сказителя Ээлян Овла и их соответствий в синьцзян-ойратской версии [Селеева 2007; Селеева 2008]. Б. Б. Манджиева рассмотрела вопросы систематизации мотивного фонда калмыцкого героического эпоса «Джангар» [Манджиева 2012; Манджиева 2013]. Поднималась также проблема изучения мотивов калмыцкой богатырской сказки и эпоса «Джангар» [Манджиева 2016]. Е. Э. Хабуновой исследован мотив брачных состязаний на материале национальных версий эпоса «Джангар» [Хабунова 2018]. Коллективом авторов в сравнительном плане рассмотрен мотивный ряд матримониальной модели эпического повествования в монгольском героическом эпосе [Хабунова, Санжаа, Убушиева 2018], мотив роста богатыря в его движении от архаики к героике [Хабунова и др. 2019], а также традиционные мотивы в эпических сюжетах о сватовстве [Дампилова и др. 2019].

Мифологические мотивы в калмыцких богатырских сказках были изучены Т. Г. Басанговой (Борджановой) [Борджанова 1985]. В. Т. Саранговым рассматривались отдельные мотивы богатырской сказки, в том числе мотив оживления героя [Сарангов 2015: 25].

Благодаря магии чудесных помощников, герой волшебной сказки выполняет трудные задания отца невесты и добывает себе жену. Герой калмыцкого сказочного эпоса — это иронически названный неудачником персонаж, который именуется как Нусха Му ‘сопливый, плохой’, Тарха ‘шелудивый’, Ходжигор ‘плешистый’, Саак или Одак ‘тот же самый’ и который чудесно рожден [Басангова 2002].

При изучении помощников героя калмыцкой волшебной сказки выделяются люди [Горяева 2018] и животные [Надбитова 2005; Надбитова 2011: 139–140], а также орнитоморфные помощники [Горяева 2017].

М. Э. Джимгиров, рассматривая персонажей сказочной традиции калмыков, выделяет «низких» героев волшебной сказки (см:

[Мелетинский 1958]): «младшего», «золушку» и сиротку. О волшебных помощниках героя калмыцкой сказки М. Э. Джимгиров пишет следующее: «Младшего сына, ставшего жертвой предательства, обычно спасает из подземелья либо благодарная птица, либо чудесный предмет. Если героя убивают, зверь-помощник (в русской сказке — серый волк) его оживляет. В калмыцкой сказке, кроме птиц и предметов, младшего брата, спасает чудесный конь, или быстрорастущее дерево, или коса прекрасной девушки» [Джимгиров 1970: 36]. На материале волшебной сказки тюркомонгольских народов Е. Э. Хабуновой, Ч. Геджином проанализирован мотив отправления сына медведя [Хабунова, Геджин 2019].

В данной статье нами рассматривается мотив волшебного помощника в калмыцких сказках на сюжет ATU 513 The Extraordinary Companions.

На материале русской сказки помощники героя изучены и подробно описаны В. Я. Проппом [Пропп 1946: 40–149]. Согласно теории ученого, круг действий помощника охватывает пространственное перемещение героя (R), ликвидацию беды или недостачи (Л), спасение от преследования (Сп), разрешение трудных задач (Р), трансфигурацию героя (Т) [Пропп 2001: 73].

Помощники героя восточнославянской сказки: жена (невеста) героя, Баба-Яга, встречные богатыри (великаны), чудесные искусники, невидимка и др. — рассматривались Н. В. Новиковым [Новиков 1974: 131–158].

В калмыцкой сказочной традиции разрешение трудных задач хана — функция силачей, обладающих необычными способностями. В сказке «Хамгин эзн болгсн хан Бүрн Төгс көвүн» («Юноша Бюрюн Тегес хан, ставший властелином всего») на сюжет ATU 513 чудесные товарищи Переставляющий горы, Сотрясающий землю, Выпивающий моря, Вор и Слухач помогают герою жениться на дочери хана, выполняя трудные задачи, поставленные последним [Хальмг туульс 1972: 78–85].

Отметим, что сюжетный подтип 513А в калмыцкой сказочной традиции имеет начало, соотносимое с типом 327В** «24 брата и 24 невесты» «Сравнительного указателя сюжетов» (далее —

СУС) [Сравнительный указатель сюжетов 1979]. Девять братьев ищут невест, младший брат должен добыть красавицу для змея. Товарищи (*овс шимдг кун* ‘человек, сосущий траву’; *дала балһдг кун* ‘человек, набирающий океан’) помогают герою выполнить трудные задания хана и заполучить его дочь. Послушавшись совета лисы, которую герой пожалел и не стал убивать, он обманывает змея и берет ханскую дочь себе в жены [Народное творчество Калмыкии 1940: 215–217; *Kalmückische Sprachproben* 1909: 5–9; Медноволосая девушка 1964: 140–147; Калян 1994: 50–52]. В калмыцкой сказке, наряду с помощниками, обладающими чудесными свойствами, герою помогает благодарное животное — лиса. Так, в сказке «Йистр» лиса, избежавшая смерти, дает совет герою: *Хэржэ йовад нег аратла харһад Йистр алн гивэ. Арат келжэнэ: «Чамд юн деер, сэн сөв деерий, мини альхн чинэн арсн деерий?» «Чини арсар ю кехе? Сөвэн кел!» «Хаана күүк бийдэн үлдэхэд, түүни орнд намаг сээхн ховц өмскэд моһад одад авад од!* ‘Возвращаясь назад, Йистер встретил лису и хотел было убить ее. Лиса говорит: «Что для тебя лучше: хороший совет или моя шкура, величиной с ладонь?» «Что делать с твоей шкурой? Дай совет!». «Ханскую дочь оставь себе, вместо нее отведи к змею меня, одев в красивую одежду!...»² [*Kalmückische Sprachproben* 1909: 8–9]. В образе лисы прослеживаются характерные черты мифологического трикстера, ибо присутствует мотив обмана и в любой ситуации лиса выходит победительницей.

В. Я. Пропп о волшебных помощниках героя русской волшебной сказки писал: «Таким образом, из огромного количества всяческих искусников четыре типа могут быть определены как хозяева стихий. Это — Мороз-Трескун, Усыня, Горыня и Дубыня. Они подчиняются герою в силу совершаемых им культовых или иных действий, но этот момент в сказке сохранен лишь в рудиментах и заменен случайной встречей с этими помощниками» [Пропп 1946: 184].

В калмыцких текстах зачастую герой встречается с чудесными помощниками случайным образом в пути. В сказке «Хамгин эзн

² Здесь и далее перевод автора.

болгсн хан Бүрн Төгс көвүн» («Юноша Бюрюн Тегес хан, ставший властелином всего») герой после продолжительной скачки встречает большого человека, который переставляет горы с места на место: *Кесг кесгтэн хурдлулад, кемжэн уга хурдлулад, кезэ-яза харсан мартн хурдлулад орксн цагтнь, цег хойр уулыг нег ик күн сүүвдж авад, нег уулинь авад нег уулин ормд тэвэд бээснь үзгднэ* ‘Долго-предолго проскакав, потеряв счет времени, проскакав, в тот момент, когда он позабыл, когда выехал, показался большой человек, который брал под мышки две горы и переставлял их местами’ [Хальмг туульс 1972: 80]. В сказке «Йистр» герой по пути встречает человека, который сосал траву: *Йистр нег мөр суржэ авад, хаана тал һарад йовна. Өдр сөөһин кемжэ медл уга йовад окна. Нег өвс шимжэх күүнлэ харһна* ‘Йистр, выпросив коня, отправился к хану. Проскакал, потеряв счет дням и ночам. Встретился с человеком, сосущим траву’ [Kalmückische Sprachproben 1909:7].

Помощниками героя сказок на сюжетный тип АТУ 513 представлены искусники, которые могут управлять стихиями: разломив земную кору, вызывать воду; осушать моря и реки; переставлять горы; умирять огонь, т. е. чудесные помощники выступают «хозяевами» стихий. Здесь уместно отметить, что, согласно исследованиям В. Я. Проппа, «сказочный герой — это мощный шаман, которому подчиняются хозяева погоды, рек и рыб, гор и лесов» [Пропп 1946: 184]. Так, в сказке «Хамгин эзн болгсн хан Бүрн Төгс көвүн» («Юноша Бюрюн Тегес хан, ставший властелином всего») Выпивающий моря, как и все другие искусники, почитает за счастье стать помощником героя: *Цааран һарад йовжэ йовтлнь, нег ик күн далаг нег оочдан авад балһад, бас нег далаг талдан нег оочдан авад балһад, хойраһинь ормаснь сольжэ асхад бээснь көвүнд үзгднэ. Түүнүр көвүн ирэд: «Чи яһсн му заята күмбч?» — гижэ сурна. «Би му заята күн бишив, хэрнь сэн заята күмб», — гижэ тер күн хэрү өгнэ. «Яһсндан чи сэн заята болжэахмбч?» — гинэ. — Хамгин эзн болсн хан Бүрн Төгс аашина гиснд түүнэ нег сэн дала балһачнь болхар бээнэв», — гинэ. «А, чи мини балһач болжэ чадхмч», — гижэ келэд, түүг бүстэн авад хавчулад оркдг болна* ‘Дальше юноша пошел и увидел одного большого человека, который набирал одно

море за одну щеку, второе море набирал за вторую щеку, потом выливал и местами менял два моря. К нему юноша подошел: «Ты что за несчастливый человек?» — спросил. «Я не несчастный, наоборот, я счастливый человек», — ответил он. «Почему это ты счастливый?» — спросил. — Юноша Бюрюн Тегес хан, ставший властелином всего, идет сюда, хочу стать его хорошим поглотителем морей», — «А, ты можешь стать моим поглотителем морей», — сказал и сунул его за свой пояс' [Хальмг туульс 1972: 81].

В сказках на сюжетный подтип 513В = СУС 653 «Семь Симеонов» мотив помощника реализуется несколько иначе. Шестеро друзей — сын богача, сын художника, сын врача, сын плотника, сын кузнеца и сын астролога — сажают по дереву жизни и расходятся. Через шесть лет герой — сын богача — не приходит к условленному месту. Друзья, найдя и оживив его, мастерят деревянную птицу. С ее помощью возвращают жену героя, похищенную ханским сыном. Но не могут решить, кому из них принадлежит девушка: каждый из друзей считает себя заслуживающим награды [Сказки донских калмыков 1938: 24–29; Хальмг туульс 1961: 82–83].

Мотив чудесных помощников реализуется и в сказке из репертуара Санджи Бутаева «Седкүр бурхни тууж» («История о бурхане Седкюр»). Сказочник мастерски вставляет сюжетный тип АТ 513В в «рамку». В его истории семеро друзей — сын предсказателя, сын богача, сын маляра, сын врача, сын плотника, сын кузнеца и сын астролога — сажают по дереву жизни и расходятся. В условленное время сын богача не возвращается, поэтому искусники-друзья, найдя и оживив его, мастерят деревянную птицу хан гаруди. С ее помощью побратимы возвращают жену героя, которая была похищена сыном хана. В конце сказки, желая заполучить девушку, друзья разругались и зарубили ее [Буутан Санжин 2008: 87–93].

Указанный сюжетный тип 513В находит параллели в литературном сборнике «Волшебный мертвец», в котором имеется подобный сюжет под названием «Сын богача». Волшебными помощниками здесь также выступают побратимы, обладающие чудесными способностями, благодаря которым они находят и оживляют главного героя, помогают ему вернуть супругу [Волшебный

мертвец 1958: 20–23]. Приведенный сюжет восходит к древним сказкам Востока, вошедшим в индийский сборник «Двадцать пять рассказов Веталы» и переведенном с санскрита на тибетский язык.

У ойратов Синьцзяна сказка «Кёклдэ Мергн» («Кёклдя Мерген») представляет контаминацию сюжетных типов ATU 513A и 513B. Сказка состоит из двух ходов: в первом герой отвоевывает у пятнадцатиголового мангаса девушку, воплощение Тары, и женится на ней. Второй ход сюжета начинается со смерти героя; помощники находят и оживляют героя, помогают ему вернуть жену и сына. Когда же помощники начинают ссориться из-за спасенной женщины, Кёклдя Мерген прекращает спор: героиня обращается в Венеру, а герой с помощниками — в созвездие, которое сопровождает ее [Dumdadu ulusiyin 2006: 10–16].

Как видим, в сказках калмыков России и в тексте синьцзянских калмыков представлены образы искусников как помощников главного героя. В. Я. Пропп, описывая искусных помощников героя, писал: «Сопоставление материалов показывает, что они представляют собой персонифицированные способности проникновения вдаль, ввысь и вглубь» [Пропп 1946: 185]. Эти способности используются героем сказки для выполнения трудных задач хана — отца невесты, иногда ее брата.

В сказочном фонде калмыков России и ойратов Китая присутствует международный сюжетный тип ATU 513. В имеющихся в нашем распоряжении текстах сюжет реализуется в двух видах: как самостоятельный и в виде контаминации. Рассматриваемый сюжетный тип в ойратской традиции отличается от калмыцких вариантов тем, что вначале разрабатывается героическая тема, а в финале сказка являет этиологическую концовку.

В сказках на сюжетный тип ATU 513 мотив волшебного помощника является сюжетообразующим. Сказочный герой с помощью чудесных товарищей (Переставляющий горы, Сотрясающий землю, Выпивающий моря, Слухач, Вор) выполняет трудные поручения хана и женится на его дочери. Испытания отца невесты выполняются с помощью магии чудесных искусников. Необычные способности побратимов позволяют также оживить главного героя

и вернуть его жену. Чудесные свойства помощников позволяют им избежать неминуемой гибели от рук хана. После того как потушено пламя пожара, Выпивающий моря водой из реки заливает нутук мангаса и топит антагониста. В тот момент, когда сила и мощь чудесных товарищей оказываются бесполезны, на выручку герою приходит животное, которое он пощадил и оставил в живых.

Мотив волшебного помощника в сказках на сюжетный тип АТУ513 представляет силачей, воздействующих на природные явления (землю, воду, горы...), и искусников, обладающих даром (вор, следопыт, скороход, слухач, художник, врач, плотник, кузнец, астролог, предсказатель). Следует отметить, что наряду с помощниками, обладающими чудесными свойствами, в сказках герою помогает благодарное животное (лиса). При этом в некоторых случаях главный герой сам выступает в роли помощника.

Источники

- Буутан Санжин 2008 — Буутан Санжин туульс (= Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2-х книгах. Кн. 1 / вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с. Серия: «Өвкнрин зөөр» (= Сокровища предков). На калм. и рус. яз.
- Волшебный мертвец 1958 — Волшебный мертвец. Монгольско-ойратские сказки. Изд. 2-е. М.: Вост. лит., 1958. 164 с.
- Калян 1994 — Калян А. Кел өргжүүлһнэ дегтр. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1994. 231 х.
- Медноволосая девушка 1964 — Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки / пер., сост. и примеч. М. Ватагина. М.: Наука, 1964. 271 с.
- Народное творчество Калмыкии 1940 — Народное творчество Калмыкии. Сталинград; Элиста: Областное книгоиздательство, 1940. 315 с.
- Сказки донских калмыков 1938 — Сказки донских калмыков. Записал и перевел И. И. Попов. Ростов н/Д: Ростиздат, 1938. 83 с.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. 1-гч боть / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев, ред. У. Очиров. Элиста: Калм. кн. гос. изд-во, 1961. 220 х.
- Хальмг туульс 1972 — Хальмг туульс. 3-гч боть / сост. Н. Н. Мусова, Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элиста: Респ. тип. Управления по печати при Совете министров Калмыцкой АССР, 1972. 252 х.

- Dumdadu ulusiyin 2006 — Dumdadu ulusiyin Šinjijang-giyin mongyol aradiyin aman ũliger-yin emkidkel (= Собрание сказок монголов Синьцзяна КНР). Ūrŭmči: Šinjijang-giyin aradiyin keblel-yin xoġo (= Урумчи: Народное издательство Синьцзяна), 2006. 866 с.
- Kalmŭckische Sprachproben 1909 — Kalmŭckische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmŭckische Marchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 s. (In Kalm. and in Germ.)

Литература

- Басангова 2002 — *Басангова Т. Г.* Сказочная традиция калмыков // Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки / сост., пер., вступ. ст. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. С. 3–38.
- Борджанова 1985 — *Борджанова Т. Г.* Мифологические мотивы в калмыцких богатырских сказках // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский сборник научных трудов. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1985. С. 72–76.
- Горяева 2017 — *Горяева Б. Б.* Орнитоморфные помощники героя в калмыцкой волшебной сказке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 9 (122). С. 134–141.
- Горяева 2018 — *Горяева Б. Б.* Мотив волшебного помощника в калмыцкой сказке // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. № 5. С. 76–85.
- Дампилова и др. 2019 — *Дампилова Л. С., Хабунова Е. Э., Николаева Н. Н., Чулуун З.* Традиционные мотивы в сюжете о сватовстве в эпосе монгольских народов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 4. С. 72–78.
- Джимгиров 1970 — *Джимгиров М. Э.* О калмыцких народных сказках. Элиста: Калмиздат, 1970. 104 с.
- Кичиков 1994 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. Изд. 2-е, репринтное. М.: Наука, 1994. 320 с.
- Манджиева 2012 — *Манджиева Б. Б.* К вопросу изучения мотивов калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Основные тенденции развития алтаистики в изменяющихся мировоззренческих условиях: в 2 ч. Ч. 2. Горно-Алтайск: Медиа Принт, 2012. С. 120–123.
- Манджиева 2013 — *Манджиева Б. Б.* К вопросу о систематизации мотивного фонда калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Новые российские гуманитарные исследования. 2013. № 8. С. 45.

- Манджиева 2016 — *Манджиева Б. Б.* Проблема изучения мотивов калмыцкой богатырской сказки и героического эпоса «Джангар» // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Сер. Эпосоведение. № 1 (01). 2016а. С. 44–58.
- Мелетинский 1958 — *Мелетинский Е. М.* Герой волшебной сказки: Происхождение образа. М.: Вост. лит., 1958. 264 с.
- Мутляева 1982 — *Мутляева Б. Э.* Мотив чудесного рождения героя в сказочном эпосе монгольских народов и калмыцком эпосе «Джангар» // Эпическая поэзия монгольских народов. (Исследования по эпосу). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 43–49.
- Надбитова 2005 — *Надбитова И. С.* Типы героев калмыцкой волшебной сказки // Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы. Мат-лы II межрегион. науч. конф. Элиста: КИГИ РАН, 2005. С. 231–236.
- Надбитова 2011 — *Надбитова И. С.* Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: НПП «Джангар», 2011.
- Новиков 1974 — *Новиков Н. В.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974. 255 с.
- Овалов 1982 — *Овалов Э. Б.* Мотив «помощник героя» в версиях эпоса «Джангар» // Эпическая поэзия монгольских народов. Элиста: КНИИФЭ, 1982. С. 50–56.
- Овалов 2004 — *Овалов Э. Б.* Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов. Элиста: АПП «Джангар». 2004. 184 с.
- Пропп 1946 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 1946. 340 с.
- Пропп 2001 — *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. Науч. ред., текстол.коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001. 144 с.
- Сарангов 2015 — *Сарангов В. Т.* Поэтика и стиль калмыцкой богатырской сказки. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 108 с.
- Селеева 2007 — *Селеева Ц. Б.* Мотив ультиматума и его формульная реализация в синьзян-ойратской и калмыцкой версиях «Джангара» // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 13–14 сент. 2006 г.). Ч. I. Элиста: КИГИ РАН, 2007. С. 80–86.
- Селеева 2008 — *Селеева Ц. Б.* Мотив пира в структуре эпического сюжета (на примере калмыцкой и синьзян-ойратской версий «Джангара») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 3. С. 52–54.
- Сравнительный указатель сюжетов 1979 — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.

- Убушиева 2006 — *Убушиева Д. В.* О семантике архаического мотива «поглощения и выхаркивания» в эпосе «Джангар» (на материале песен Багацохуровского цикла) // Научная мысль Кавказа. 2006. № 3. С. 144–146.
- Убушиева 2009 — *Убушиева Д. В.* Багацохуровский цикл «Джангара» в записях XIX века: сюжетики и сохранность эпического текста: дисс. ... канд. филол. наук. Элиста, 2009. 150 с.
- Убушиева 2010 — *Убушиева Д. В.* Мотивный фонд Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангара» // *Oriental Studies*. 2010. № 3 (2). С. 63–68.
- Убушиева 2018 — *Убушиева Д. В.* Космогонические мотивы в прологе эпоса «Джангар» // Новый филологический вестник. 2018. № 3 (46). С. 35–45.
- Хабунова 2018 — *Хабунова Е. Э.* Мотив брачных состязаний в национальных версиях эпоса «Джангар»: диапазон варьирования // Сетевое востоковедение: устные и письменные традиции в контексте межкультурного взаимодействия. Мат-лы II Междунар. науч. форума. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2018. С. 44–47.
- Хабунова, Санжаа, Убушиева 2018 — *Хабунова Е. Э., Санжаа Б., Убушиева Б. Э.* Мотивный ряд матримонимальной модели эпического повествования в монгольском героическом эпосе // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 4 (40). С. 104–111.
- Хабунова и др. 2019 — *Хабунова Е. Э., Дамтилова Л. С., Николаева Н. Н., Убушиева Б. Э., Эльбикова Б. В.* Стремительный рост богатыря в эпосе «Джангар»: движение мотива от архаики к героике // Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма. сборник научных трудов II Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию проф. Х. И. Ибрагимова. Томск: СибИздатСервис, 2019. Т. 3. С. 593–597.
- Хабунова, Геджин 2019 — *Хабунова Е. Э., Геджин Ч.* Мотив отправления героя, рожденного от медведя, в сказочной традиции тюрко-монгольских народов // *Oriental Studies*. 2019. № 12 (5). С. 1026–1033.
- ATU — *Uther H. J.* The types of international folktale: a classification and bibliography, based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson / ed. staff Sabine Dinslage [et al.]. Helsinki: Suomal. tiedeakat., 2004. (FF communications / Ed. for the Folklore fellows). № 284: Animal tales, tales of magic, religious tales, and realistic tales, with an introduction. 619 p.

Калмыцкий рукописный обрядник «дурных предзнаменований» в записи И. И. Попова

Данара Владимировна Убушиева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-5547-4006. E-mail: bib.danara@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Убушиева Д. В., 2022

Аннотация. Цель статьи — описание и введение в научный оборот калмыцкого рукописного обрядника «дурных предзнаменований» в записи И. И. Попова. *Материалом* исследования послужила оригинальная рукопись И. И. Попова, хранящаяся в Государственном архиве Ростовской области. В работе использован сравнительно-типологический анализ. *Результаты.* Предварительный анализ показал, что это рукописный обрядник, составленный по принципам догжур, так как в нем подробно описаны плохие приметы, а главное — способы их отвращения. Обрядник компилированного характера, о чем свидетельствует его состав. Это приметы о птицах, коровах, быках, лошадях, верблюдах, овцах, свиньях и людях. Большая ценность и уникальность данного обрядника, на наш взгляд, заключена в отражении повседневной жизни калмыцкого народа в части способов устранения плохих примет, а именно конкретных предметов и действий, а иногда и всего ритуала. В ритуалах отвращения используются стрелы, камни, шкуры, золотые монеты, медь, бронза, нитки, свечи, бумага, одежда, кости, сырое мясо, кровь, молоко, вода и прочее. В приметах и отвращениях обращают внимание на явления природы, стороны света, на время суток и многое другое, что отражает многовековые наблюдения и знания народа.

Ключевые слова: рукописный обрядник, приметы, предзнаменования, отвращения, И. И. Попов

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–012–00287 «Инеднты калмыцкого фольклора из архива И. И. Попова».

Для цитирования: Убушиева Д. В. Калмыцкий рукописный обрядник «дурных предзнаменований» в записи И. И. Попова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 119–133. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-5-21-119-133

Ivan I. Popov’s Handwritten Book of Kalmyk Rituals to Avert ‘Bad Omens’ Reviewed

*Danara V. Ubushieva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-5547-4006. E-mail: bib.danara@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Ubushieva D. V., 2022

Abstract. *Goals.* The article aims to describe and introduce into scientific circulation Ivan I. Popov’s handwritten book of Kalmyk rituals to avert ‘bad omens’. *Materials and methods.* The work explores the original manuscript of I. Popov stored at the State Archive of Rostov Oblast (Rostov-on-Don, Russia). The paper introduces comparative typological analysis. *Results.* Preliminary analysis shows that this is a handwritten ritual book compiled according to the principles of *dogjur* since it provides detailed descriptions of bad omens and most importantly — ways to avert them. The ritual book is actually a compilation which is evidenced by its structure. It comprises signs to be recognized from birds, cows, bulls, horses, camels, sheep, pigs, moles, and humans. The great value and uniqueness of this ritual book, in our opinion, lies in that reflects everyday life of the Kalmyk people as to elimination of bad signs with indications of specific objects and actions — sometimes a whole ritual. The aversion rituals may employ a variety of elements, such as arrows, stones, skins, gold coins, copper, bronze, threads, candles, paper, clothes, bones, raw meat, blood, milk, water, etc. The signs and aversions also pay attention to phenomena of nature, cardinal directions, times of day and other aspects, which attests to that the former include centuries-old observations and accumulated knowledge of the people.

Keywords: handwritten book, signs, omens, aversions, I. I. Popov

Acknowledgement. The reported study was funded by RFBR, project no. 20-012-00287 ‘Inédites of Kalmyk Folklore from I. I. Popov’s Archive’.

For citation: Ubushieva D. V. Ivan I. Popov’s Handwritten Book of Kalmyk Rituals to Avert ‘Bad Omens’ Reviewed. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 1: 119–133. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-5-21-119-133

Введение

Изучение рукописного наследия И. И. Попова демонстрирует профессиональный подход собирателя к своему делу. Благодаря его записям (хранящимся в Государственном архиве Ростовской области, далее — ГАРО) образцы калмыцкого фольклора пополнились эпической песней Б. Д. Обушинова [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13808], несколькими десятками сказок [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13805; 13810], сотнями единиц малых жанров [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1387; 13807]. Последние обращения к его архиву показывают, что он еще хранит отдельные бесценные образцы обрядового фольклора, а также не менее важные для науки описания и комментарии собирателя, которые вводятся нами в научный оборот [Мирзаева 2020; Мирзаева 2021; Горяева 2020; Горяева 2021; Убушиева 2019; Убушиева 2021].

Рукописная тетрадь-книга под названием «Переводы разных сочинений с калмыцкого языка на русский И. И. Попова» хранится в ГАРО [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811].

Ранее С. В. Мирзаевой проведено археографическое описание рукописи, описано ее содержание, а также введены в научный оборот два образца из обрядовой поэзии калмыков «*Урсин бичг*» («Сочинение Урюс [сара]») и «*Гадсни (прикол) йөрэл*» («Благопожелание у прикола») [Мирзаева 2021].

Не менее интересным будет рассмотрение и ввод в научный оборот переписанного И. И. Поповым калмыцкого рукописного обрядника, содержащего «дурные предзнаменования» и их отвращения.

Цель статьи — описание и анализ одной из малоизученных рукописей И. И. Попова (1859–1925), а также введение в научный оборот обрядника плохих примет из данной рукописи.

Археография рукописи И. И. Попова

Традиция бытования рукописных обрядников у тюрко-монгольских народов описана в работах Г. Р. Галдановой [Галданова 1987; Галданова 1991], К. М. Герасимовой [Герасимова 1989], Т. Г. Басанговой [Басангова 2011], Д. Н. Музраевой [Музраева 2021], Р. П. Сумба [Сумба 2012] и другими исследователями.

Переписанный И. И. Поповым обрядник имеет каноническое оформление, что выражено в зачине (начинается с молитвы) и колофоне. В рукописной тетради-книге данный образец в оглавлении числится под № 13 с калмыцким названием «Хамук му йоройн бичик орошибай». Непосредственно перед текстом к этому же названию присовокуплен перевод «Здесь заключается книга всех дурных предзнаменований». Образец рукописного обрядника занимает пять с половиной страниц, горизонтально разделенных на две колонки. В левой колонке запись сделана в транскрипции на кириллице с применением дополнительных знаков для обозначения калмыцких букв, в правой колонке — параллельный перевод И. И. Попова в русской графике того времени. Следует отметить, что перевод И. И. Попова не всегда дословный, в нескольких случаях он более пространственный за счет внесенных им уточнений и добавлений разного характера, как синонимы или же знак +, который, по видимому, обозначает добавление к переводу. В оригинальной записи нумерация проставлена с первого по второй, далее образцы не пронумерованы. Для удобства сличения калмыцкого текста и его перевода нумерация была продолжена нами [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811. Л. 102об.–105об.].

Предваряя это сочинение, И. И. Попов приводит краткий комментарий: «По поводу книги: о дурных приметах. Сочинение, предлагаемое здесь в тексте и переводе, представляет коротенькую калмыцкую книжку на 6 листочках, написано, очевидно, не очень давно. Не в 1878 году ли как это упомянуто в конце книги. Получено мной лет 8 тому назад от офицера Нарана Уланова. Приметы здесь все какие-то необыкновенные, да и средства [нрзб.] их дурные последствия тоже, так что сочинение представляет мало интереса для ознакомления с бытом народа. Очевидно, сочинено все

это очень давно, а затем переписывается. По обыкновению, книга написана со множеством ошибок» [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811. Л. 102об.].

Рукописный обрядник «дурных предзнаменований» в записи И. И. Попова

Хамг му йорин бичг оршв¹

Здесь заключается книга всех дурных предзнаменований

1	[Л. 103] Хутукту залу Манзушириду мүргмүй. Йор үзх бичг эн буй.	[Л. 103] Поклоняюсь святому юному Манзушри. Это книга, указывающая предзнаменования.
2	Ямр шовун герт орснас — нусн-нульмсн болх. Нег сам кеж, ширму сум, көк чолун хойр. Ааһ шора герт бул — сэн болх.	Если в дом влетит (войдет) ² какая-либо птица, будут сопли-слезы. Сделав гребень, бронзовую стрелу, голубой камень — эти два (предмета), — а также чашку земли схорони в доме, тогда будет хорошо, т. е. дурное предзнаменование обратится в хорошее.
3	Ууль шовун дондгсар гердеер ирэд — дом аң барсин арс, цаһан мөрин үс, хар үкрин цус, алтта торһн утцн, догшн тарнис йор хэрүлн умшж, аль зүгэс ирснэс үзг ардан тав алхж һар.	Если птица-сыч с пением сядет (придет) на дом, то противодействие тому: читая свирепые тарни и отмерив 15 шагов от той стороны, откуда она прибыла, выбрось: барсовую шкуру, молоко белой лошади, кровь черной коровы, нить золоченого шелка, отвращай (этим).

¹ Текст приведен в соответствии с орфографическими и пунктуационными нормами современного калмыцкого и русского языков. Сохранены постраничные сноски и примечания автора. Здесь и далее в сносках, пронумерованных арабскими цифрами, помещен текст автора статьи. Примечания к обряднику, составленные И. И. Поповым, помещены в сноски, отмеченные звездочкой.

² Здесь и далее по тексту переводов примет И. И. Попов в круглых скобках приводит синонимы или пояснения к отдельным словам.

4	Бух үкр хөөнд адрснас — хурвн ширм зөс, йисн чолун, нээмн торһн утцн, нээмн цаас кеж, нег сүк, тер үкрин нуснас авч харш зүгт зүн алххин үзүрт һарһ.	Если бугай будет прыгать на овцу, сделай три бронзы-меди ³ , 9 черных камней, 8 шелковых ниток, 8 бума- жек, один топор и, взявши сопли от того бугая, отсчитай на сто шагов и выброси все это на противодейству- ющую сторону.
5	Темэн бүрвэн аралдвас — [Л. 103об.] нээмн зүүлт идэн*, нээмн ширм, нээмн күж, нээмн зула түүкэ мах, шар цаасн, улан һалзн үкр эргүлж, дорно өмэрэн зун хөрн алд һазрт һарһ. Ном-йор хэрүлт.	Если верблюд будет закладывать зад- ние ноги одни за другие, [Л. 103об.] 8 штук сплава бронзы, 8 кюджи, 8 ку- рительных свеч, сырое мясо, желтую бумагу, отступив на северную сто- рону [на] ⁴ 120 сажений, выбросить все это, самого же верблюда проводи вокруг красно-лысой коровы. Отвра- щай молитвами.
6	Сохр номн аль зүгэс шора һарһвас — нег зөс** зу (зүүн) керчж, долан моһлцг шавр кеж тер ормд бул (бүлү), герэн нүү.	Если крот с какой стороны (в ки- битку) будет выбрасывать землю, разрежь медь на сто кусков, сделав шарики из земли, и закопай это в том месте. Кочуй отсюда кибиткой.
7	Мөрн сүрүктйин*** үтүлэ**** инчхэвэс — эзнд гэ тер. Зү- гер йовгл, мөрнэ бийд меңг сүүрвтэ***** бичг тамһ болхла — му.	Если лошадь в полдень заржет в своем стаде, несчастье его хозяину. Если ехать дорогой и у коня будет пятно, шрам тавро-буква, это плохо.

³ Вероятно, здесь речь идет о бронзовых монетах.

* *Зуильту идаань* — непонятно, оставлю без перевода [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811. Л. 103об.].

⁴ Здесь и далее в квадратных скобках нами приводятся уточнения к переводам И. И. Попова или же выделяются не ясно прописанные слова.

** Слово *зөс* непонятно, перевожу *зэсь*, *уржасунь* также перевожу *утусунь* [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811. Л. 103об.].

*** *Сүрүкь* — стадо, табун, шайка, общество, толпа, отряд, множество, собрание, сборище [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811. Л. 103об.].

**** *Ўтүлэ* непонятно, есть слово *үтүлкй* [нрзб.], есть еще *үтэлэ* простой, обыкновенный, грубый [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811. Л. 103об.–104].

***** *Сүүрбэ* в словаре нет — шрам [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811. Л. 104].

8	Мөрн гент өвс үлү идж, ус үлү уун, нүднэс нульмс һарһн зогсхла, бас гә болх. Хулха авх болх.	Если конь внезапно не будет есть траву, пить воду, если у него из глаз пойдут слезы, и он остановится, опять-таки плохо. Его украдут.
9	Үкр герт аврвас нусн-нульмсн болх, кен үзхлә — нүүл, тер үкр чимдж һарһ.	Если корова будет прыгать на кибитку, будут сопли-слезы, кто увидит это — содержи в тайне, а ту скотину наскоро выгони.
10	Эм үкр эр үкрт аврвас — тер сүрүкши ада тодхар болх. Тер үкриг засан кеж һарһ.	Если корова будет прыгать на бугая, то в том стаде будет несчастье-беда. Накажи ту корову и выгони.
11	[Л. 104] Һаха герин һаза өвс, мод юм зууж ирвэс — му буй. Хан күмнэ засгт учрх, эс гихлә керүлт болх.	[Л. 104] Если свинья придет с травой, деревом или чем-либо другим, скушенным [нрзб.] ⁵ кибитки, то это плохо. Подпадет (случится) под наказание хана или же будет ссора.
12	Хөнв аль талдан мал нүдн уга төрхэс — сән болх.	Если родится овца или вообще какой-либо скот без глаз, то это хорошо.
13	Цаһан хөн эрэн нүүртә болхла, эзнд гал болх. Эргүлж һарһ.	Если белая овца будет с рябым лицом, то будет несчастье хозяину. Отведи [нрзб.] и выгони.
14	Идә чансн то[нрзб.] хаһрвас, буйн, кишг немгдх. Эвчн эдгх. Сән болх.	Если лопнет посуда, в которой варят пищу, то прибавятся добродетели и счастье. Излечатся болезни. Хорошо.
15	Уктрсн һал зул мет герл һарч шатхла — му болх. Эвчнд учрх.	Если потухший огонь вспыхнет, как лампада загорится, то это плохо. Случится болезнь.
16	Аль мал нүдн, чикн, хамр, амн уга бүтү* төрвасү — эцк эк хойрин негнь үкх. Эс бөгс ах-дү хойрин негнд му. Тер мал бо бээлһ.	Если родится какой-либо скот без глаз, без ушей, без носа и безо рта, совсем без отверстий, то умрет кто-то один, отец или мать. Или же будет худо старшему или младшему брату. Не держи такую скотину.

⁵ В данном случае в квадратных скобках нами выделено не ясно прописанное слово, восстановить его по оригинальному калмыцкому тексту не представляется возможным, так это словосочетание в переводе добавлено И. И. Поповым.

* Битү — бүтүнъ Ков[алевский] 1230. Целый, без двери [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811. Л. 104].

17	Күмни мангнан арсн хамр деер унвас — ик төр эзлх, сэн болх.	Если у человека упадет кожа со лба на нос, то это хорошо: будет владычествовать над правительством.
18	[Л. 104об.] Күмни деед хош үүл уриту* болвас — арук** сүмү кей*** болх, сэн болх.	[Л. 104об.] Если у человека будет длинное верхнее [нрзб.], то это хорошо. Будет тяжелой корзина для собирания топлива (не будет недостатка в топливе — корзина полная).
19	Күмни нууца бээрд сежк болвас — мангнаннь хойр судц, толһан хойр судц ав.	Если у человека в тайном месте [нрзб.], то возьми 2 ремешка со лба и 2 ремешка с головы.
20	Олн ясн ниилдчкд төнө тальв. Сэн болх.	На соединении многих костей крестец + [нрзб.] прижигание. Будет хорошо.
21	Эм хөн мээлхэс — сүрүкнид бээлһ. Тер хөн тер хөн зүг хандн**** мээлхэс — сүрүкэс хулхай авх. Дороно зүг хандн мээлхэс — чон идх. Умара***** зүг хандн мээлхэс — уснд унж үкх.	Если будет бляеть по-бараньему овца, то держи ее в стаде. Если овца будет бляеть, обернувшись в сторону овец, то она будет украдена из стада. Если она будет бляеть, обернувшись в сторону востока, то ее съест волк. Если она будет бляеть, обернувшись на северную сторону, то она умрет, упав в воду.

* В источнике: *Хошуунъ уриту* [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811. Л. 104].

** *Арукъ* — корзина для собирания топлива [нрзб.] [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811. Л. 104].

*** *Сүмү хи* — бледный, неясственный [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811. Л. 104].

**** *Хандун* от *хандаху*. Ков[алевский] 124 отворотить лицо, оборачиваться, направляться [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811. Л. 104об.].

***** *Умара* = Nord, дороно [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811. Л. 104об.].

22	Ик эр күмн шүдэн хүврвэс — өшэтэ күмнд му. Бийд гэ уга. Ик эм күмн шүдэн хүврвэс — эр үүрнь барх. Түүни ясл: 8 алд эрэн утц, хар ховц, бор хони нарh.	Если большой мужчина-чиновник будет скрежетать зубами, то это плохо для ненавистного ему человека. Самому же вреда нет. Если взрослая женщина будет скрежетать зубами, то уничтожится [нрзб.] мужа. Исправление этого: выбрось 8-ми саженную рябую нитку, черную одежду и серую овцу.
23	Ууһн көвүн шүдэн хэврвэс — ахд сэн.	Если будет скрежетать зубами старший сын, то это очень хорошо.
24	Ууһн окн шүдэн хэврвэс — эцк эк хойрин негнь үкх. [Л. 105] Түүнэ бөгс: аль малын үс авч, тер күмни унтсн хөөн аминь [нрзб.] дельдж һурвн зүг амнас нульмс авч, нег ааһ ус герин хөөнэ цац. Сэн болх.	Если старшая дочь будет скрежетать зубами, то умрет кто-либо из двух — отец или мать. [Л. 105] Если же так случится, то надо взять молоко какой-либо скотины, и когда уснет тот человек, ударить его по рту (тем молоком), взявши из [нрзб.] старика его рта слюну, покропить ею с одной чашкой воды позади дома. Тогда будет хорошо.
25	Мал нохан йор эн буй.	Это предзнаменование скота собаки.
26	Акт мөрн гүүнд насуда биильвас* — тернь гүн эзн хойрт му.	Если мерин танцует всегда перед кобылой, то прежде всего плохо для него, но также плохо и для хозяина.
27	Үкр нүүж йовгл һазр малгад мөөрвэс, эзнэ насн** хагцх — му.	Если во время кочевки корова будет рыть землю и реветь, то хозяин разлучится с жизнью, плохо.
28	Хөн өдр сө уга тогляд наадвас — дээсн болх, эс болвас мөн хөөнэ бийд үкл болх.	Если овца днем и ночью будет играть, то будет неприятель, или самой овце приключится смерть.

* Биибасу — читаю я биильвасу от биильху танцевать, плясать, прыгать [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811. Л. 104об.].

** Лосуна эцэ — читаю насунь энэ [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811. Л. 104об.–105].

29	Бух хөөнд аврвас — дом аң 3 цабага, 8 утцн, алтн мөнгн, цаас кеж, сүк, көк юм нарh.	Если бугай будет прыгать на овцу, то противодействие тому: три [здесь пропуск], 8 ниток, золото, серебро, бумагу сделай и изгоняй топором и голубой козой.
30	Темэн ботх орквас домлһн: улан һалзн үкр, 8 зүүл утцн, 8 ааһ идэ кеж, зул, цаас, өмн үзг (сторона) зун алд нарh.	Если верблюдица покинет верблюжонка, то противодействие тому: красно-лысая корова, 8 видов ниток, 8 чашек питья сделай, лампада, бумага. Изгоняй на юг.
31	[105об.] Ом сэн амулнғ болтхай. Са-ра-ва-мом-га-лам.	[105об.] Буддийская троичность, да будет счастье. Са, ра, ва, мам, га, лам ([һрзб.]).
32	Му хамгин йор орошибай. Бар жилин барс сарин 30-ду Манж Джимб Арши бичв. 78 жилтэй.	Заключает все дурные приметы в год тигра, в месяц тигра 30 числа написал Манджи Джимбэ Арши. На 78 году.
Ср. Аюла. 1902 г. 15 числа декабря [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811. Л. 103–105об.].		

Вера в приметы, сны, предзнаменования

Очевидно, что мы имеем дело с обрядником, отражающим веру в магию, приметы, сны, предзнаменования, нечистую силу и прочее. Некоторые из примет утратили значение для того времени, в силу чего остались непонятыми И. И. Поповым. Собиратель отмечает, что книга датирована 1878 г., он получает ее в 1894 г., переписывает в 1902 г. и пишет о том, «что сочинение представляет мало интереса для ознакомления с бытом народа» [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811. Л. 102об.].

Хотя переписчиком (или составителем) данного обрядника обозначен Манджи⁶ Джимбэ Арши, т. е. что наводит на мысль, что это буддийское сочинение (это также выражается в структуре оформления, в упоминании божества Мандзушри), но его содержание свидетельствует о народных воззрениях. На наш взгляд, мы имеем дело с сочинением синкретического характера, с раз-

⁶ Вероятно, речь идет о манджи — послушник.

ностадиальными напластованиями. Предположительно, перед нами фрагмент или же сокращенный вариант ритуального текста, составленного по принципам догжур⁷. К. М. Герасимова пишет, что «Негативные факторы перечисляются обычно в таких разделах ритуального текста, как *bzlog-pa* (дог-па) — „вернуть назад“, „отвратить“, „удалить“ и *bskul* — „поручение“, „побуждение к исполнению долга, назначенной цели“ <...> В текстах догжуров перечень негативных факторов дается более подробно... В догжурах названы разновидности бедствий, болезней, смертей, вызываемых дефектами телесной и духовной конституции человеческого организма, злыми духами, вредоносной магией, неблагоприятным влиянием небесных светил, духов года, месяца, дня и часа, кармическими последствиями грехов прежних перерождений» [Герасимова 1989: 249–250].

Следует отметить, что отдельные приметы, представленные в рассматриваемом обряднике, имеют аналогичные примеры в поверьях бурят и тувинцев. Так, Г. Р. Галданова описывает рукописный обрядник, посвященный культу Семи старцев, датируемый XIV в. [Галданова 1987: 21], в котором атрибуты жертвоприношений схожи с предметами отвращения плохих знамений в рассматриваемом тексте — это девять свечей, девять благовоний, белая овца, архи, чай. Прямые параллели находим в бурятских приметах о домашнем скоте и диких животных [Хангалов 2004: 44–45]. Например, примета о сурке у бурят («По словам унгинских бурят, если сурок (по-бурятски зумара) в доме или под домом человека выроет себе нору, это худо, нужно скорее убить сурка» [Хангалов 2004: 48]) и о кроте у калмыков: («Если крот с какой стороны (в кибитку) будет выбрасывать землю, разрежь медь на сто кусков, сделав шарики из земли, и закопай это в том месте. Кочуй отсюда кибиткой» [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811. Л. 103об.]).

О бытовании обрядников данного типа могут свидетельствовать и приметы тувинцев об овце. Так, обнаруживается явное сходство приведенной приметы в пункте 8 из обрядника в записи

⁷ *bzlog bsgyur* — догжур — обрядник магического подавления зла [Герасимова 1989: 276].

И. И. Попова [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13811. Л. 103об.] и примера в книге «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири»: «Нахождение в верхней зоне дома животных, связанных с поверхностью земли и нижним миром, рассматривалось как нарушение установленного миропорядка. Тувинцы считали очень дурной приметой, если баран, овца или собака вскакивали на крышу юрты. Если на крышу войлочной юрты вскакивал баран, — особенно если над местом хозяйки или хозяина, — это расценивалось как предвестие несчастья или даже смерти одного из них. Барана тотчас „ловили, сваливали на землю у юрты, против того места, куда он вскочил, и ему, еще живому, отрезали по колено переднюю левую ногу, кровью которой мазали то место, где оказался на крыше баран. Затем <...> барана приканчивали, а отрезанную ногу зарывали в том месте, откуда он прыгнул на юрту“. Если же на крышу вспрыгивала собака, ее тут же „пристреливали из шомпольного ружья-винтовки, а потом сразу же откочевывали с этого места в любое время года“. Все это сопровождалось сложными и трудоемкими обрядами, временным расстройством домашнего быта, потерей обжитого места» [Традиционное мировоззрение... 1988: 62].

Кроме примет, связанных с домашними и дикими животными, в обряднике обозначены и приметы, связанные с птицами. Примечательно, что И. И. Попов не видел никакой полезной информации в переписанном им обряднике, но сам также фиксировал некоторые приметы и поверья, проклятья, а также игры, дразнилки, кличи-ураны, которые встречаются в других его тетрадах-книгах.

Так, в рукописной тетради-книге с записями калмыцких пословиц и поговорок (Д. 1387) под номером 20 зафиксирована примета-проклятье:

elē elē elkin-dēn šoroī cacūlēji ābin maха cusuini dolā: [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1387. Л. 7об.]. *Коршун, коршун, пусть посытется тебе на живот земля, / Полижи кровь и мясо своего отца матери* [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1387. Л. 23об.].

Немаловажен и комментарий собирателя:

«Коршун вообще считается дурной птицей, предвещающей плохое, так если появится над чьей-либо кибиткой он, то говорят

у этого домохозяина дня через 2–3 издохнет скотина — лошадь; поэтому при появлении этой птицы дети бросают на него золой, землей и, браня его, произносят вышеприведенные слова. Бросание на кого-либо земли, происходящее только при сильной досаде на кого-либо, должно означать, чтобы все скверное, принесенное птицей образно возвратилось на него же» [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1387. Л. 41].

Д. Н. Музраева отмечает, что «Приметы, связанные с птицами, а также основанные на них системы гадания имеют древние корни, являются результатом наблюдений кочевников-скотоводов над природой, окружающим миром, представляют собой своего рода способ его познания и комментирования происходящих в нем событий, т. е. отражают мировосприятие и мировоззрение народа. Они складывались на протяжении веков, в них содержатся универсальные формулы, описание явлений природы, связанные с поведением птиц (сороки, вороны), а также разъяснения, вскрывающие закономерности в происходящих в этом мире событиях. Этим объясняется устойчивость этих формул в устной традиции, получившей письменную фиксацию, а в дальнейшем заимствованной буддийскими проповедниками, включившими эти образцы в состав текстов с приметами и гаданиями» [Музраева 2021: 422].

Заключение

Введение в научный оборот уникального рукописного обрядника дает возможность проведения типологических исследований, а также познания архаических воззрений калмыков на природу. Предварительный анализ показал, что исследуемая рукопись является обрядником, составленным по принципам догжур, так как в нем подробно описаны плохие приметы, а главное — способы их отвращения. Обрядник имеет компилятивный характер, о чем свидетельствует его смешанный состав. Это приметы, связанные с птицами коровами, быками, лошадьми, верблюдами, овцами, свиньями, кротами и людьми. Ценность и уникальность данного обрядника, на наш взгляд, заключена в части способов устранения плохих примет, где указаны конкретные предметы и действия, а

иногда и весь ритуал. В различных ритуалах отвращения используются стрелы, камни, шкуры, золотые монеты, медь, бронза, нитки, свечи, бумага, одежда, кости, сырое мясо, кровь, молоко, вода и прочее. Также в приметах и отвращениях обращается внимание на явления природы, стороны света, на время суток и многое другое, что демонстрирует многовековые наблюдения и знания народа.

Научное описание письменных памятников, хранящихся в рукописных фондах и архивах монголоведческих центров, несомненно, имеет большое значение. Введение столь уникальных образцов устного народного творчества калмыков в научный оборот позволит обратиться к ним большому кругу специалистов.

Источники

ГАРО — Государственный архив Ростовской области.

Литература

- Басангова 2011 — *Басангова Т. Г.* Жанр проклятий у калмыков и обрядники «Отрезание черного языка» // Новые исследования Тувы. 2011. № 1. С. 253–260.
- Галданова 1987 — *Галданова Г. Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 113 с.
- Галданова 1991 — *Галданова Г. Р.* К проблеме монгольского шаманизма (XII–XIII вв.) (по материалам рукописных обрядников) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М.: Наука, 1991. С. 149–158.
- Герасимова 1989 — *Герасимова К. М.* Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. 317 с.
- Горяева 2020 — *Горяева Б. Б.* Археографическое описание сборника калмыцких пословиц в записи И. И. Попова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2020. № 6. С. 57–70.
- Горяева 2021 — *Горяева Б. Б.* Через границы языков и культур: сказки донских калмыков в записи И. И. Попова // Новый филологический вестник. 2021. № 1 (56). С. 362–379.
- Мирзаева 2020 — *Мирзаева С. В.* Рукопись И. И. Попова «Загадки донских калмыков»: предварительные замечания // Новый филологический вестник. 2020. № 4 (55). С. 399–411.

- Мирзаева 2021 — *Мирзаева С. В.* К сыну Есугея, избранному владыке Чингис-хану, взывал я девять раз: текст Урюс сара в записи И. И. Попова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 297–318.
- Музраева 2021 — *Музраева Д. Н.* О приметах, связанных с сорокой (На материале монголоязычных письменных источников из Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва) // Новый филологический вестник. 2021. № 4 (59). С. 415–425.
- Сумба 2012 — *Сумба Р. П.* Описание тувинских семейных обрядов, связанных с детьми, в «шаманских текстах» из собрания тибетских рукописей и ксилографов в фондах Национального музея Республики Тыва // Мат-лы I Республиканских Ермолаевских чтений (г. Кызыл, 9-10 октября 2012). Кызыл: [б. и.], 2012. С. 109–115.
- Традиционное мировоззрение... 1988 — Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
- Убушиева 2019 — *Убушиева Д. В.* Предания донских калмыков в фонде И. И. Попова // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 3. С. 122–135.
- Убушиева 2021 — *Убушиева Д. В.* Мифология ежа в калмыцком фольклоре // Новый филологический вестник. 2021. № 2 (57). С. 392–403.
- Хангалов 2004 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений в 3 т. Т. III / под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ: Рес. тип., 2004. 312 с.: ил.

УДК / UDC 821.352.1

DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-134-173

Тематическая палитра абазинской поэзии периода зарождения (На материале газетных публикаций)

Петр Константинович Чекалов¹

¹ Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований
(д. 1а, ул. Горького, 369000 Черкесск, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор

 0000-0001-7580-4060. E-mail: chekalov58@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Чекалов П. К., 2022

Аннотация. В статье представлены в систематизированном виде тематические группы абазинской стихотворной продукции, вышедшей на страницах национальной газеты «Красная Черкесия» с 1935 по 1941 гг. Выявлены произведения о революции, В. И. Ленине, советских школьников, Первомае, Красной армии, колхозном труде, природе. За рамками работы остались распространенные в те же годы тема темного прошлого и светлого настоящего, стихи-посвящения конституции 1936 г., панегирики И. В. Сталину. Многоаспектному исследованию (смыслового содержания, метрики и ритмики, строф, рифм, лексики, изобразительно-выразительных средств) подверглись 4 переводных и 19 оригинальных стихотворений. При этом отмечаются характерные особенности, присущие каждому из них. Обобщение проведенных наблюдений производится в заключительной части работы.

Ключевые слова: абазинская поэзия, газета, революционная песня, посвящения, русскоязычная лексика, репортаж, оборонная тематика, выразительные средства

Для цитирования: Чекалов П. К. Тематическая палитра абазинской поэзии периода зарождения (На материале газетных публикаций) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 134–173. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-134-173

Thematic Palette of Abaza Poetry, 1930s–1940s: Newspaper Publications Analyzed

Peter K. Chekalov¹

¹ Karachay-Cherkessia Institute for Humanities Research, Government of the Karachay-Cherkess Republic (1A, Gorky St., 369000 Cherkessk, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0001-7580-4060. E-mail: chekalov58@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Chekalov P. K., 2022

Abstract. *Goals.* The article attempts a thematic systematization of Abaza poetic works published by the Krasnaya Cherkessia newspaper from 1935 to 1941. *Results.* It identifies a number of themes, such as the Revolution, Vladimir Lenin, Soviet schoolchildren, May Day, Red Army, collective farm labor, and nature (The paper ignores themes of dark past and bright present, poetic dedications to the Constitution of 1936, and panegyrics to Joseph Stalin). The study provides multifaceted (semantic essentials, metrics and rhythmic patterns, stanza, rhyme, vocabulary, visual and expressive means) insights into four translated and nineteen original poems to reveal specific features inherent to each of the latter. The final part contains a generalization of all observations.

Keywords: Abaza poetry, newspaper, revolutionary song, dedications, Russian-language vocabulary, report, defense topics, expressive means

For citation: Chekalov P. K. Thematic Palette of Abaza Poetry, 1930s–1940s: Newspaper Publications Analyzed. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 1: 134–173. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-134-173

Введение

Исторической родиной абазин является территория современной западной Абхазии и район известных причерноморских городов: Адлер, Лазаревское, Гуапсе. В силу различных причин с XIII в. абазины стали переселяться на северные склоны Кавказских гор. Сейчас абазин в России насчитывается немногим более

40 тыс. человек, основная часть которых проживает на территории Карачаево-Черкесской республики.

Письменность абазины обрели в ноябре 1932 г., и уже через полгода, 5 мая 1933 г., в газете «Черкес плиж» (выходила на черкесском языке) появились две небольшие заметки на абазинском языке. С них начала свой путь абазинская публицистика. С этого времени на страницах данного периодического издания регулярно печатались абазинские материалы. Через два года (в конце апреля 1935 г.) абазинам была выделена вся третья полоса, а с 23 июля 1938 г. стала выходить национальная двухполосная газета малого формата «Черкес къапщ» («Красная Черкесия»), в названии которой так или иначе отражалась сама эпоха.

Увеличение газетной площади влекло за собой появление большего количества публицистического, переводного, фольклорного и литературного материала, позволяло шире использовать языковые ресурсы, что в свою очередь способствовало формированию литературного языка. И сегодня мы имеем возможность восстановить отдельные страницы истории национальной литературы по следам этих публикаций. Но тут же необходимо оговориться, что история эта будет не совсем полной, так как из-за оккупации Черкесии в годы Великой Отечественной войны вся издательская продукция была уничтожена, а в Российской государственной библиотеке сохранились далеко не все экземпляры. Например, из 138 номеров «Черкес плиж», вышедших в 1935 г., уцелели лишь 86, исчезли — 52. Естественно, вместе с ними пропали и произведения, напечатанные в них. Свидетельством того, что подобные факты имели место, являются воспоминания Х. Д. Жирова. В них он обмолвился о 12-строчном стихотворении И. Табулова [Жиров 1972: 101] и «Октябрьской песне» А. Хачукова [Жиров 1972: 104], напечатанных в абазинской газете, но в сохранившихся номерах мы их не нашли.

Материалом исследования является переводная и оригинальная стихотворная продукция, появившаяся на страницах абазинской национальной газеты в период с 1935 по 1941 гг.

Революционные песни

Упомянутая выше песня А. Хачукова в наше время случайно была обнаружена среди архивных материалов профессора А. Н. Генко в Институте восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург).

В августе – сентябре 1929 г. учитель аула Дударуковского (ныне — Псыж) Адам Хачуков надиктовал профессору Института востоковедения Академии наук СССР А. Н. Генко тексты двух своих песен: «Кровопийцами-насилъниками замутненный мир...» и «О, Кубань, Кубань...» [Архив ИВР РАН. Ф. 74. Оп. 1. Ед. хр. 31. Тетрадь 1929 г. Л. 51–52]. Это самые первые известные на сегодня авторские литературные произведения, записанные на абазинском языке.

Как установлено Г. К. Чекаловым, родился А. Хачуков в 1883 г. в ауле Дударуковском, получил духовное образование в Сирии и после возвращения на родину исполнял обязанности муэдзина, обучал детей арабскому языку и Корану. Несмотря на свою религиозность, Адам приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию и даже посвятил ей две песни [Чекалов П., Чекалов Г. 2017: 120]. Воспроизведем текст первой из них в оригинале и подстрочном переводе:

*УГа щажвта зальмыжвква йдрыхъващыз адунай
Октябрь революца йхънардазахын, хЫла пшыхд.
ХАра, нхачва бзазащата швымгъыцАра згылартаз,
Дунай хАтла хЫквыщАта хЫла кЫлыщауата хЫнкъвыщыз,
Октябрь революца йыквначАвакын йарпсдахт.
ХАра, йапхъауа ачкАвынчаква, соввласт тланГа хАйачАваб.
АйачАваква щардазарквын, адунай лашарахушт.*

‘Кровопийцами-насилъниками замутненный мир очистился Октябрьской революцией, и взгляд наш прояснился. Для нас, трудящихся, местом жизни был определён угол у входа. Октябрьская революция уничтожила тех, кто навалил на нас мировую ношу и гонял, не позволяя поднять глаза. Мы, учащаяся молодежь, — звезды дорогой соввласти [советской власти. — П. Ч.]. Чем больше будет звезд, тем светлее станет мир’¹.

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

Г. К. Чекалов в книге «Судьбы абазинской литературной интеллигенции...» дал такую интерпретацию данному произведению: «Несомненно, что для автора было характерно образное мышление, проявляющееся уже в первых строках: Октябрьской революции придается грандиозная очистительная сила, способная преобразовать мир, прояснить взгляд — сознание трудовых масс, от лица которых выступает автор. Обратим внимание: „Хыла пшыхд“ можно перевести не только как „глаза наши увидели“, но и как „прозрели“. Оригинально и соотношение учащихся со звездами, из которого естественным образом вытекает заключительная строка: „Чем больше будет звезд, тем светлее станет мир“. Буквальная физическая картина, благодаря контексту, обретает и метафорическое, социальное звучание: если звезды — это учащаяся молодежь, следовательно, от увеличения их числа не только реальный мир, но и сознание мира станет светлее» [Чекалов П., Чекалов Г. 2017: 122].

Мы в свою очередь отметим, что длина строк стихотворения различна и составляет от 12 до 18 слогов. Текст ритмически не урегулирован, междуударный интервал насчитывает от 0 до 6 слогов. И, хотя отдельные фрагменты порой напоминают то хорей, то амфибрахий, в целом текст мало походит на стихотворение, больше напоминает прозу, формально разбитую на стихотворные строки. Таким образом, «Кровопийцами-насильниками замутненный мир...» представляет собой не что иное, как свободный стих.

Если в данном стихотворении использовались длинные и даже сверхдлинные строки, то во втором — «О, Кубань, Кубань!...» — короткие: от четырех до восьми слогов. И определить размер его оказывается не столь просто. Дело в том, что из 48 строк здесь 13 имеют хореическую основу, 8 — ямбическую, 4 — дактилическую, 3 — амфибрахическую, 3 анапестическую, остальные созданы дольником или акцентным стихом. Другими словами, большая часть стихов (две трети) тяготеет к силлаботонике, а одна треть — к тонике, причем они следуют в хаотическом беспорядке. Здесь налицо желание автора придать своему произведению некую ритмическую урегулированность, и в этом

смысле он вырывается из традиций народной поэзии, но недостаток знаний и умений не позволяет ему обрести упорядоченный ритм силлабо-тонического стиха. Таким образом, в метрическом отношении произведение как бы повисает, балансируя, между силлаботоникой и тоникой. Думаем, будет правильным квалифицировать «О, Кубань, Кубань...» как сверхмикрополиметрию (по классификации М. Л. Гаспарова), включающую в себя в беспорядочном сочетании элементы силлабо-тонического и тонического стихов [Гаспаров 1984: 223–226].

Стоит отметить также и фрагментарное наличие рифмы: *йангIартас — йангIардзас, йгьмуыд — йхънурхIвыд, утIачва — анхачва, ацIагылын — йддырдырын, цIызрычIваз — йзрычIваз, змаквaz — йызтиквaz*... Естественно, они выглядят довольно примитивными: для рифменного созвучия избираются преимущественно глаголы одной и той же формы. Но и это представляется определенным достижением для литературы, никакого опыта и традиций не имевшей.

Переходя к анализу поэтики, отметим, что основным приемом в стихотворении выступает олицетворение. Главный герой — река Кубань, к которому и обращается автор, предстает не просто живым свидетелем народных бедствий, но и заступником: *Квычучва урызгылтI* ‘встал за трудящихся’. Река защищает, прикрывает собой живущих за ней людей, как собственную семью: *Уара йухчуз утIачва* ‘семью свою, которую ты защищал’. Она не пропускает через себя царские войска, и они вынуждены повернуть назад: *Ар дугьы йхънурхIвыд*. Но в отличие от реки, покровительствовавшей народу, находятся соотечественники, которые за золотую нашивку предают собственных братьев (*Защчва хьысхьакIла йызтиквaz*). Для того чтобы усилить мотив предательства, оттенить жестокие последствия этого злодеяния, автор вводит повторяющийся образ крови: *Анхачваквa рцашвлa* ‘запекшейся кровью работников’, *Аща квайчIва цIызрычIваз, / Аща кьвада йзрычIваз* ‘выдавившие черную кровь [из народа], пролившие теплую кровь [народа]’. Образ крови, таким образом, выступает как обличение, как обвинительный приговор тем, кто предал и продал интересы своего народа ради собственного благополучия.

Самостоятельное значение обретает и образ пота, выступающий мерой праведности, честной крестьянской работы, когда применяется к трудовому люду *‘аквычучва рихдзыла’*, и, наоборот, несправедливости и обмана, когда используется по отношению к имущему классу: *Йызихдзымла йбайахаз ‘разбогатевшие не своим потом’*.

И потому образ Октября (Октябрьской социалистической революции) выступает в качестве своеобразного народного мстителя, разогнавшего тех, кто паразитировал и обогащался за счет чужого труда, а судьбу народа вручил в его же руки. И в данном произведении, как и в предыдущем, Октябрь становится тем событием, которое открыло глаза трудящимся, жившим в сплошной темноте:

*Алащцара йылагыла
Бзазаца гвымхала
Йбзауз ауглаква
Октябрь рылаква
ЙхънатГыхын йбзаид.*

‘Находящимся в темноте, живущим тяжелой жизнью народам, Октябрь раскрыл глаза’.

Заметим, что слово «темнота» (*алащцара*) в контексте стиха обретает социальную окраску.

Завершается стихотворение типичными для 1920-х гг. лозунгами, выраженными в публицистическом ключе:

*Йабгазд Октябрь ду,
ЙызГвадахад ВКП(б)!*

‘Да здравствует великий Октябрь, пусть здравствует ВКП(б) [Всесоюзная коммунистическая партия большевиков]’.

По свидетельству Х. Д. Жирова, с 1938 г. работавшего в редакции абазинской газеты, к ним частенько наведывался А. Хачуков: «Если зашел Адам, значит, не с пустыми руками: заносил стихи или песни. <...> Адам придумывал мелодии к своим стихам и сам исполнял их как песни. Если при чтении и можно было заметить какие-то недостатки, то при пении недочеты сглаживались. Ада-

му хорошо удавалось накладывать на слова музыку. <...> Тогда у нас не было людей, которые могли бы записывать ноты, и потому тексты песен А. Хачукова печатались без нот, и мелодии потом забылись. Так произошло и с „Октябрьской песней“, начинавшейся словами:

Кровопийцами-наильниками замутненный мир
Очистился Октябрьской революцией...» [Жиров 1972: 104].

По этим строкам легко узнается первое из рассмотренных нами стихотворений. Как говорилось выше, номер газеты с данным произведением исчез, и абазинские литературоведы долгое время не имели представления о его форме и содержании. В 2016 г., изучая обнаруженный абхазским фольклористом З. Д. Джапуа в Институте восточных рукописей РАН архив профессора А. Н. Генко, мы наткнулись на записанные ученым еще в 1929 г. стихотворные тексты А. Хачукова. Они вошли в научный обиход в составе книг «Судьбы абазинской литературной интеллигенции» [Чекалов П., Чекалов Г. 2017: 121–124] и «Абазинские материалы А. Н. Генко» [Абазинские материалы 2019: 39–41]. Отметим, что оба произведения выдержаны идеологически, имеют четко выраженный классовый характер, созвучны пролетарской поэзии тех лет. Теми же признаками обладает и стихотворение «Дорогой Сталин», напечатанное в газете «Красная Черкесия» в январе 1939 г.

По метрической структуре оно сходно с проанализированным выше «О, Кубань, Кубань...». И здесь две трети строк имеют силлабо-тоническую основу (преимущественно — хорей и ямб, значительно реже — амфибрахий и анапест), а одна треть — дольники и акцентный стих. При этом они никак не урегулированы, перемежаются хаотично, что позволяет отнести стихотворение к сверхмикрополиметрии.

По духу своему «Дорогой Сталин» (22 января 1939 г.) — типичное пролетарское произведение 1930-х гг., превозносящее имя и деяния руководителя страны. Общее содержание его можно свести к нескольким прямолинейно звучащим тезисам-лозунгам: «Сталинской Конституции, осветившей наш мир светом большого

солнца, мы долгие годы будем произносить здравицы», «Главную свою здравицу мы адресуем Сталину — нашему вождю, отцу, руководителю ВКП(б)», «Жизнь наша стала счастливой, мы скреплены радостью, обрели покой», «Нет ни одного безработного в нашем Советском Союзе. Покоем, хорошим расположением духа, наслаждением наполнены мы», «Дорогой Сталин одарил нас главным правом: мы получили возможность учиться, трудиться и отдыхать».

Обзор литературно-художественных публикаций в газете мы начали с произведений А. Хачукова потому, что по времени создания «Октябрьская песня» и «О, Кубань, Кубань...» опережают все остальные. Первым же литературным произведением, обнаруженным при исследовании сохранившихся газет 1930-х гг., является перевод «Интернационала», напечатанный 15 июня 1935 г.

Напомним: текст песни был создан французским поэтом Эженом Потье в 1871 г. Через 31 год (1902) А. Я. Коц перевел на русский язык 1-ю, 2-ю и 6-ю строфы этого произведения, ставшие партийным гимном, а со времени образования СССР (1922) — государственным гимном Советского Союза (до 1944 г.). Поэтому кажется не случайным, а вполне закономерным и даже символическим, что первой литературной публикацией на страницах абазинской советской газеты явилось именно это произведение.

Вставай, проклятьем
заклейменный,

Весь мир голодных и рабов!

Кипит наш разум возмущенный

И смертный бой вести готов.

Весь мир насилья мы разрушим

До основанья, а затем

Мы наш, мы новый мир построим

—

Кто был ничем, тот станет всем.

*Шеглагыл йырчлагьумца
йглаггвайсыз,*

Зымгва амлащичви ачггвынчви.

*ЙглашигI йыззымчIахуа
хIаIкIгIара,*

Айсра ду хIагцара хIазыхIазырI.

Азальымчва рыдуней ацатадза

ЙыхIрыхъвашапI, уадыргIвана

*ХIара хIдуней цакехIыргылI
йшIыцта,*

*Йзачварымыцуз дзапшым аьамкIва
дцанI.*

Припев

Это есть наш последний
И решительный бой;
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Никто не даст нам избавленья:

Ни бог, ни царь и не герой.

Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро,
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо!

Припев

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты — никогда!
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей.

Припев

*Ари акIвпI хIцIыхъвайсра,
Айсраква рыцIа йымчу.
Интернационалла
АугIа щата багъба раунI.*

*Заджвгъи йыгъгIахIитрым
ахъахвитра:*

*ДанчвазтI, дваптыхIызтI,
дфырхъацIазтI,*

*ХIара йгIаушIыгIганI хIхъахвитра
ХIара хIхъачIв напIыла.*

*Ахъантара хIхъыххра, йыхIчIвугъи
ГIарыквхIхра ахъазла
Ажъира атигIва алашвыршыта
ЙышишыркIву айха швас!*

Припев

*ХIара хIакIвпI адуней
Атруд цIагылачва ар ду,
Адгъыл йахвитхара ттахъу –
Анымхачваква зынги!
Аддыра ду гIарыквддырквын
Ахъахъычви алагварты,
ХIара амара анур пха
ХIарпхауа йгIахIылакIкIанI.*

К сожалению, газета при публикации не указала имя переводчика. Сам перевод выполнен безрифменным свободным стихом и походит, скорее, на добросовестный подстрочник, чем на поэтическое творение. Но, тем не менее, это было первое литературное произведение, со страниц газеты обращенное к абазинскому взрослому читателю, и, судя по воспоминаниям Х. Д. Жирова, вызвало одушевление в абазинской общественности, особенно среди молодежи: «Радостью не только для любителей литературы, но и

для всех стало большое событие — появление в газете революционной песни „Интернационал“ в переводе на абазинский язык. Я не раз встречал компании, которые в школах и избах-читальнях распевали ее с номером газеты в руках. Абазины сразу полюбили песню, сочиненную во имя счастья людей всей планеты» [Жиров 1972: 102].

К поре зарождения абазинской поэзии относится и другой эпизод, живо воспроизведенный Х. Д. Жировым: «Появилось новое грандиозное начинание: абазины стали писать, слагать стихи на своем языке. Я впервые в жизни прочитал в газете небольшое стихотворение И. Табулова из 12 строк. Не только я, но многие выучили его наизусть. Затем появилось другое стихотворение Д. Озова, и его, как песню, мы декламировали по вечерам на улице. Меня удивляло то, что весть о стихах быстро доходила до неграмотных стариков и старух. Они вызывали нас и просили прочитать, что мы и делали с радостью, напуская на себя важность. „О, аллах, кому душа моя станет жертвой! Нет ничего, чего бы они не умели; мертвого только не воскресят, а остальное все им под силу“, — говорили они» [Жиров 1972: 101].

Ленинская тематика

Ленинская тема была одной из самых приоритетных в советском искусстве. Свое большое и прочное место она занимала и в литературе. В свое время к ней обращались М. Горький, В. Маяковский, С. Есенин и множество других именитых и малоизвестных авторов. Эта тема проникала в периодику и школьные хрестоматии.

Общая атмосфера литературы, частные ее тенденции и проявления оказывали свое влияние и на национальную словесность. Тому же способствовали и школьные учебники по литературе, перенимавшие и отражавшие дух и приметы эпохи. Так, в книгу для чтения для школ малограмотных Д. Богоявленского и Л. Тимофеева (1934) были включены стихотворения с ленинской тематикой В. Инбер «Пять ночей и дней» и Д. Бедного «Проводы». И в книгу для чтения для второго класса Е. Я. Фортунатовой (1933) вошли

стихотворения Д. Бедного «Проводы» (под названием «На смерть Ленина») и Т. Спендиаровой «Вождь, учитель, друг».

В связи с отсутствием в новописьменных литературах собственного и специфического для школьных хрестоматий материала национальные составители при создании учебно-педагогической литературы брали за образцы русские учебники, ориентировались на их структуру, переводили на родной язык и адаптировали представленные в них произведения. При этом не обходилось без курьезов.

Обратимся к последним из названных стихотворений, следовавших в учебнике Е. Я. Фортунатовой друг за другом.

Д. Бедный

На смерть Ленина

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель.
И падают, и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.
Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали, и падали снежинки
На ленинский от снега белый гроб.

[Фортунатова 1933: 30]

Т. Спендиарова

Вождь, учитель, друг

Для встречи последней шли.
Тихо было в рядах.
Ваши отцы несли
Гроб на своих руках.
Редкий слез не лил.
Море голов вокруг.
Дети, для вас он был —
Вождь, учитель, друг.

[Фортунатова 1933: 31]

Заметим, что стихи написаны разными размерами: Д. Бедного — 5-стопным ямбом, Т. Спендиаровой — 3-ударным дольником. Но при этом их сближает не только общая ленинская тема, но и частная тема прощания с вождем после его смерти. Последний фактор для абазинского переводчика, вероятно, оказался приоритетным. Возможно, здесь сказался какой-то технический сбой. Но так или иначе в переводном на абазинский язык учебнике Фортунатовой два стихотворения соединились в один текст, автором которого была обозначена Т. Спендиарова:

<i>Т. Спендиарова</i>	<i>Т. Спендиарова</i>
Авождь, аучитель, аныбжьагІв (Перевод с русского на абазинский)	Вождь, учитель, друг (Обратный подстрочный перевод)
<i>Йацы йынкъвнагуз асрычвхІва</i> <i>Ашвыр тлагІва чкІвынква</i> <i>йаажвагватІ сыла,</i> <i>АсычкІвынква йгІлакІашвитІ,</i> <i>йгІлакІашвитІ,</i> <i>ЙдзыргІвуа, тынчта йгылу</i> <i>амзагІв цІла чкІвын йгІлакшвитІ.</i>	Разгулявшаяся вчера метель Заполнила снегом звериные тропинки. Снежинки падают, падают На молчаливую, спокойно стоящую ель.
<i>АхІагІара йгІладжвыквлын</i> <i>агвагІварадза</i> <i>СаквхІвхІваракІ йахъысыркІвын</i> <i>аквхІвхІваракІ</i> <i>Йазынадзауа, алентІ апи</i> <i>йацІырхвха йгІайуан.</i> <i>ЙгІаквпІлун, йгІаквпІлун</i> <i>асычкІвынква</i> <i>Асы йарышкІвокІваз Ленин йгроб.</i>	Двинулись от пригорка к оврагу, Переходя с сугроба на сугроб, Растянулись длинной лентой. Падали, падали снежинки На убеленный снегом ленинский гроб.
<i>ЙцІыхъвахауата дырбахра</i> <i>ахъазла йцун,</i> <i>АуагІа сатырква дауышкІгы</i> <i>гырхъымцІуазтІ.</i> <i>Швара швабачва дыргун,</i>	Шли, чтоб увидеть в последний раз. Ряды людей не издавали ни звука. Ваши отцы несли

*РнапЫла йрымата агроб,
Гьладз мачЫым йкИадрычИваз.*

На своих руках гроб.
Немало пролили слез.

*АуагЛа жвпИара рхъаква атенгьыз
аши*

Людские головы, словно море,

Гьагьата дыкИдыришатI.

Окружали [гроб] широко.

ЧкИвыныргЛа, швара швыхъаз ауи

Дети, для вас он был —

Двождын, дучительын,

Вождем, учителем, другом.

дынбжъагИвын.

[Фортунатова 1939: 34–35]

По обратному переводу можно судить о том, что общее содержание объединенного произведения передано верно. Сохранены все образы метели, тропинок, снежинок, ели и т. д., вплоть до гроба, воспроизведенного в русском эквиваленте. Сохранены лексические повторы: «падали, падали снежинки», сравнение людского потока с растянувшейся лентой; метафора «море голов» трансформируется в сравнение: «людские головы, словно море...» (*ауагЛа жвпИара рхъаква атенгьыз аши...*). Таким образом, в смысловом плане перевод адекватен оригиналу. Что касается формальных признаков, то из них остались лишь деление текста на стихотворные строки и строфы, что же касается ритма и рифмы, то они отсутствуют совершенно.

В хрестоматии для четвертого класса начальной школы (1940) была помещена «Песня о Ленине» [Малхозов, Меремкулов 1940: 161] Т. Спендиаровой, написанная от лица школьников. На воображаемый вопрос Ильича «Как поживаете, дети?», они с готовностью отвечают, что на всей планете нет никого счастливее их; они радуются подаркам государства в виде дворцов пионеров, парков развлечений, зеленых лагерей и осознают, что во всем этом сказывается ленинская забота о них:

Оригинал
Песня о Ленине

Перевод
Именем Ленина

Мы знаем, великий Ленин

Велика Ленин хИара дыгИдыритI,

Заботлив и ласков был.	<i>Ауи дыхъгвыргIвагIвын йгьи дтынчын.</i>
Он взял бы нас на колени,	<i>Ауи хIара йщамхъаква хIрыквейырчIварын,</i>
С улыбкой бы нас спросил:	<i>Дгвыргъауа хIара дгIахIцIгIарын:</i>
«Ну, как вам живется, дети?» И наш бы звенел ответ:	<i>«Щта, швишабзазауа, асабиква?» ХIаргьи йгIахIхIвачварын хIджъауапква:</i>
«Мы всех счастливей на свете Так выполнен твой завет!	<i>«ХIара адунай зымгIва рацкIыс насын хIыманI, ХIара хIацкIыс саби къахв гъагъам.</i>
Дарит страна нам подарки От имени Октября: Дворцы, веселые парки, Зеленые лагеря!	<i>ХIстрана подарка гIахIнатитI Октябрь ахъызла: АдворецкIва, апарк къахкIва, Алагерь йачIвакIва.</i>
Ты отдал за счастье наше И силы свои и труд. И вот живется нам краше, Чем в песнях о том поют!»	<i>ХIара хIынасынIкIва рыхъазла Укъарууи угIапсари ауттI. Абар хIара рыцIагьи бзита хIбзазитI, Уарад шырхIвауа ацкIыс ауи ауысла!»</i>

Перевод М. Малхозова

Сопоставление переводного текста с оригинальным выявляет некоторые неточности: вместо «ласков» — «спокоен» (*дтынчын*), вместо «труд» — «усталость» (*угIапсара*), вместо фразы «так выполнен твой завет!» — усиление мотива счастья, прозвучавшего в предыдущей строке: «нет детей веселее нас» (*хIара хIацкIыс саби къахв гъагъам*). Но эти погрешности не являются принципиальными, не искажают общего смысла произведения и авторского замысла. В целом содержание стихотворения передано верно. Что же касается формы, то и тут мы можем повторить то же самое, что было сказано о предыдущем переводе: от нее осталось лишь деление текста на строки и строфы, а ритм и рифмы — пропали.

По сути своей перевод получился не столько творческим, сколько подстрочным.

В очередную годовщину смерти вождя, 21 января 1941 г., эти два переводных стихотворения из двух разных учебников встретились вместе на одной полосе газеты «Красная Черкесия». Подборку дополняло оригинальное стихотворение М. Малхозова «Где ты, родной наш Ленин!» («Уабаъу, хІпсы йапшу Ленин!») с явными чертами панегирика.

В последнем произведении в качестве заглавия вынесена строка, которая рефреном проходит через первые три строфы, причем в каждой из них она повторяется дважды:

*Уара, хІара хІыхъаз йІларихаз,
Уабаъу, хІпсы йапшу Ленин.
Уара уакІвІцІтІ абзира Глазгыз,
Уабаъу, хІпсы йапшу Ленин!..*

‘Ты, рожденный для нас, где ты, родной наш Ленин. Это ведь ты принес нам добро, где ты, родной наш Ленин!..’

Заметим: выражение «Где ты, родной наш Ленин» звучит как риторический вопрос, требующий в конце вопросительный знак. Но вместо него автор иногда пользуется точкой, но чаще — восклицательным знаком.

При переводе на русский язык абазинский фразеологизм *хІпсы йапшу* ‘подобный нашей душе’ для благозвучия мы передали одним словом «родной». Словосочетание, несомненно, несет в себе такой смысл, но все же буквальное его прочтение звучит сильнее: «подобный нашей душе» означает — тот, кто ближе и роднее всех. Немаловажно и то, что бытующее в национальной разговорной речи в форме единственного числа устойчивое выражение *спсы йапшу* ‘подобный моей душе’ автор намеренно переводит во множественное, тем самым выражая отношение к Ленину единой рабоче-крестьянской души.

Отметим и следующую особенность: каждая из семи строф завершается именем Ленина с восклицательным знаком в конце, демонстрируя общественный темперамент автора и **первое использование эпифоры в абазинской поэзии.**

В смысловом плане стихотворение не глубокое, декларативное. Оно констатирует сложности жизненного пути Ленина (*гIапсара ду учхIатI хIара хIыхъаз*), вынужденную эмиграцию (*уара гьуакIвымма йахъахалуз*), необходимость скрываться в шалаше на озере Разлив (*уара, атыпыжв йыгIвнабзааз*), отмечается покушение на вождя (*уара гьуакIвымма зира йазытигIуз*), верность избранной в молодости революционной дороге (*уара уымгIвала райша уцатI*)...

Вторая часть стихотворения выстроена в форме своеобразного отчета перед именем Ильича:

*ХIара уымгIва лашара хIхчитI,
Уара ууасйат пидзаква хIырзачIумI.
ХIапхъумI, хIапхъумI йгьы хIапхъумI,
ХIинженерпI, хIписательпI, Ленин!*

‘Мы защищаем твою светлую дорогу, выполняем твои прекрасные заветы, учимся, учимся и учимся, становимся инженерами, писателями, Ленин’.

Вслед за тем звучат заверения в том, что ряды колхозников увеличиваются, растет число орденосцев, Черкесия процветает, а имя Ленина сохранено в коллективном сердце народа (*уара уыхъыз хIгьы йгIатахатI*). Таким образом, вторая часть стихотворения трансформируется в жанр рапорта.

Касаясь языковых средств, отметим стершееся олицетворение: *Черкесия гIайумI, йкъагIумI* ‘Черкесия **растет, цветет**’. Любопытно неуклюжее исполнение сравнения: *ХIара хIколхозникквагьы йрылахIумI, / Эльбрус асыртI апита йккIумI* ‘увеличивается число колхозников, сияют словно вершина Эльбруса’. Но наиболее интересными здесь выступают эпитеты: *ХIара уымгIва лашара хIхчитI, / Уара ууасйат пидзаква хIырзачIумI* ‘мы защищаем твою **светлую дорогу**, выполняем твои **прекрасные заветы**’, *убыжь хъапц зны йгIахIрагIах, Ленин!* ‘дай услышать еще раз твой **золотой голос**, Ленин’. Если эпитет «прекрасные» (о заветах) является традиционным, «светлая» (о дороге) — выразительным лирическим компонентом, то «золотой» (о голосе) до сих пор звучит свежо и необычно.

Тема нового поколения

Ленинские мотивы проявляются и в произведениях другой тематической направленности. Так, в стихотворении Исмаила Табулова, посвященном пионерам и написанном от их лица, четырежды встречается словосочетание «дорогой Ленин» (*Ленин тланIа*), девять раз — «пионеры-ленинцы» (*пионерква ленинцквa*) и два раза «мы — ленинцы» (*хIара, ленинцквa*). Красноречиво и само название: «Ленинцы» (*Ленинцквa*). Все это не случайно, так как через все произведение красной нитью проходит мысль о том, что пионеры выступают юными последователями ленинских идей.

Данное стихотворение было первой публикацией И. Табулова и одной из самых первых художественных публикаций в национальной газете: 31 августа 1935 г. Оно было довольно длинным: 72 строки, структурированные в 18 катренов. В нем нашли свое выражение штампы и лозунги эпохи: *Бзaзaрa шIьц йтынчтa / Атрудяццa йрыццIуыхвитI* ‘вместе с трудящимися мы строим новую жизнь’, *Йьгьу зымгIва хIадкIьлатa / ХIапхъахьыла хIайтыпанI* ‘все вместе сплоченно шагнем вперед’, *Ленин тланIа йбаракъ / Къапцц хIацIагыламццa / ХIбаракъ къапцц хIагIата йццIыхIхуа / Коммунизма хIазцанI* ‘под красным флагом дорогого Ленина, высоко поднимая красное знамя, дойдем до коммунизма’, *Адуней ду ахъахъ Совет власт щаквхIыргьылI* ‘на всей необъятной планете установим Советскую власть’, *ХIара пионерква ленинцквa / ЙанакIвызлакIгьи хIхIазьырпI* ‘мы, пионеры-ленинцы, всегда готовы’...

Стихотворение декларативное, какой-либо художественной ценностью не обладает, и сегодня имеет только историко-литературное значение, как и абсолютное большинство рассматриваемых здесь произведений. Оно грешит необоснованными повторами. Возьмем, к примеру, такой фрагмент:

*Йьгьу зымгIва хIадкIьланIта
ХIапхъахьыла хIайтыпанI.*

*ХIапхъахьыла хIызлайтыпуш атлагIва
Ленин тланIа йхIзыликъьатI.*

*Ленин тлапIа йхIзыликъъаз атлагIва
ТлагIва захвадзанI.*

*ХIара пионерква ленинцква,
ХIара пионерква ныбыжь шIыцква,
Ари тлагIва захва-захвадзата
ХIапхъахъыла хIаламгIвайситI.*

*Ауи тлагIва захва
ХIалазымцитиныс змурадта
ЙгIахIниIагылуа хIагъа...*

‘Все мы вместе шагнем вперед. Путь, по которому мы будем шагать вперед, проложил для нас дорогой Ленин. Проторенная дорогим Лениным дорога — самая верная дорога. Мы — пионеры-ленинцы, мы — пионеры нового поколения, этой верной-преверной дорогой мы шагаем вперед. Враг, который преградит нам нашу верную дорогу...’

Во фрагменте из 13 строк три раза повторяются сходные словосочетания: *хIапхъахъыла хIайтыпанI* ‘шагнем вперед’, *хIапхъахъыла хIызлайтыпуи* ‘будем шагать вперед’, *хIапхъахъыла хIаламгIвайситI* ‘шагаем вперед’; дважды повторяется «мы пионеры» (*хIара пионерква ленинцква*, / *хIара пионерква ныбыжь шIыцква...*), дважды — словосочетание «дорогой Ленин»; пять раз — слово «дорога» (*тлагIва*), в том числе три раза в сочетании с эпитетом «**верная**» (*тлагIва захва*). Естественно, все это неоправданно замедляет динамику стиха. И это не единственный подобный случай.

Не обходилось и без смысловых прегрешений. Так, о комсомоле, старшем идейном брате пионерии, говорится: *швIара хIа хIтагыланI* ‘мы стоим на вашем месте / замещаем ваше место’, а должно: *швиIыхъва хIа хIтагыланI* ‘мы следуем за вами’.

Такая же ошибка обнаруживается и в другом стихотворении, примыкающем к тематической группе о школьниках «Пионеры» (24 апреля 1936 г. — автор не указан). Так, вместо того чтобы сказать, «мы — подшефные комсомола», автор пишет: «мы — шефы

комсомола» (*xIapa, акомсомол ршефква*). В следующей строфе автор, повторяясь, еще раз закрепляет допущенную нелепицу: *XIapa xIyuni шефквапI, / Ленинска комсомол xIыршефквапI* ‘мы — юные шефы, шефы ленинского комсомола’.

Примеры говорят о том, что начинающие стихотворцы порой не умели адекватно высказать то, что хотели. Но при этом отчетливо декларировалось, что юные пионеры получают знания (*xIapa дырра xIaуитI*), живут культурно (*xIapa культурната xIбзазитI*), высоко поднимают красное знамя (*xIapa xIбаракъ щтIыxIхитI*). При этом слово «юный» всегда выписывалось в русской транскрипции — *йуни*, хотя в национальном языке существовало слово *чкIвын*, которое отчетливо передавало то же самое значение: *XIapa, йуни пионерква, / XIapa, йуни планеристква, / XIapa, йуни моделистка...* ‘мы — юные пионеры, мы — юные планеристы, мы — юные моделисты’.

Мотив классового врага, неоднократно звучавший в стихотворении И. Табулова «Ленинцы», повторяется и в «Октябрятах» Сагида Дармилова (31 октября 1935 г.): *Классла йxIагъу тшыdxIырбитI* ‘показываем себя классовому врагу’. Тут же проявляется и мотив радости и сияния, характерный как для детской, так и взрослой поэзии тех лет: *XIыла чкIвынква гвыргъауа / Атишахъва пхара xIылачIванI* ‘с **радостными** маленькими глазками мы сидим на теплом песке’. В следующей строфе поясняется цель пребывания детей на пляже: загореть и закалиться для того, чтобы оказать необходимую помощь товарищам, укрепить родную страну:

*РыцIагъи швабыжта тихIрыбагъьапIта
XIтоварицква рыцIагъи xIырцхърагIапI,
Ауаса бзита xIабаркIыта
XIкъралыгIва рыцIагъи йxIрыбагъьапI.*

Как видим, и под невинное занятие детей младших классов искусственно подводилась идеологическая подоплека.

Посвящения Первомаю, Красной армии, колхозной жизни

Непременными атрибутами стихотворной продукции 1930-х гг. являлись посвящения Первомаю, Красной армии, счастливой колхозной жизни.

Стихотворение М. Малхозова «Первое мая» было опубликовано 1 мая 1940 г. и открывалось приветствием международного праздника трудящихся, приходившегося на этот день:

*Гвыргъахъвыла, нхара дула
Йахъчва хIара май гIахIрайгвумI.*

‘Радостно, трудовой доблестью сегодня мы встречаем / приглашаем май’.

После этого автор, обращаясь к природе, отмечает сплошное цветенье повсюду, зеленую землю, чистое небо, щебетанье ласточек, далекую песню жаворонка... Две пейзажные строфы завершаются сообщением о том, что все звери и птицы приветствуют наступление мая: *АпсауышвхIаква зымгIва гIалахIвачвумI, / ЗымгIвадзугъи май йайхIвахIвумI*. Фраза звучит нелепо вследствие того, что прямолинейность высказывания выводит на первый план мысль о том, будто животный мир осознанно радуется идейно-политической подоплеке весеннего месяца.

Далее настроение праздника передается с помощью ряда характерных образов: задорных песен, красных пионерских галстуков, горниста, барабанщика, вожатого, красных флагов на воротах, праздничного шествия с поднятыми знаменами... Затем автор свой взгляд с малой родины переносит на улицы столицы и представляет парад пеших и конных красногвардейцев, грохочущие по мостовым танки, проносящиеся «стальные птицы», выписывающие в весеннем небе имя «дорогого отца»:

*Амай мара рпхъынцIыгIваквa арыкIкауа,
ЗымгIва рхъахъ аджыр псгIачIквa псгIумI,
ХIара хIаба тIапIа йыхъыз дрытIидзауа
АхIауа цкба апны ауат йырIвумI.*

По всей вероятности, самолеты в небе выстраивались в виде букв, складывающихся в имя Сталина, но любопытно при этом, что само имя в тексте стихотворения не упоминается, а заменяется статусом отца народа: «наш дорогой отец» (*хIара хIаба тIапIа*). Отметим и использование в финале кальки русской метафоры «стальные птицы» (самолеты). Достойны внимания и такие

подробности, как **вышитые шелковыми нитями знамена и посверкивающие солнечным светом крылья самолета**. Это — одни из первых выразительных художественных деталей в абазинской поэзии.

В целом стихотворение призвано было передать атмосферу всеобщего праздника, и автор справился с задачей. Оно отличается продуманностью, сменой ракурсов изображения, отчетливостью композиционного замысла.

Четырьмя годами ранее (1 мая 1936 г.) в газете появилось стихотворение И. Табулова на ту же тему. Но, если у М. Малхозова в центре внимания находился международный **день** трудящихся, то у И. Табулова объектом изображения выступает весь **месяц май**:

*Май йапхъахауа амыз, угIайгва, хIымыз ду.
УхIзыгIайгва, ухIзыгIайгва, хIымыз ду,
УгIайгвара хIгвыргъьаранI,
ХIгвыргъьачIвауа хIнаутыралитI.*

‘Май — первый месяц, добро пожаловать, наш великий месяц. Добро пожаловать, добро пожаловать, великий месяц. Твой приход радостен для нас, мы, радуясь, идем навстречу тебе’.

Снова отметим характерные для стиля И. Табулова необоснованные повторы: в четырех строчках четыре раза употребляются производные от слова *айгвара* ‘заходить’: *угIайгва, ухIзыгIайгва, ухIзыгIайгва, угIайгвара*; дважды — производные от слова *гвыргъьара* ‘радость’: *хIгвыргъьаранI, хIгвыргъьачIвауа*; трижды — слово «месяц»: *амыз, хIымыз, хIымыз*.

Выдержанная в мажорном ключе строфа передает ликование лирического героя. Он настолько преисполнен радостью, что, не ограничиваясь одноразовым приглашением мая, трижды восклицает: «добро пожаловать», попутно дважды величая данный месяц великим: *хIымыз ду*.

Логически можно объяснить, почему третий сезонный и пятый календарный месяц торжественно именуется *первым* и вызывает столь сильные эмоции: в сознании лирического героя на весь май накладывается праздник Первомая — дня международной

солидарности трудящихся. Но насколько это правомерно? В произведении отсутствует какая-либо внутренняя связь между ними, вследствие чего пафос вступления оказывается ложным, искусственно подогретым. Но так или иначе создается повод для своеобразного производственного и политического отчета:

*XIxъaxIapa дуква наупырагIгитI,
XIадгъыл чIыхквва xIрыквайчIватI,
Асорт бзиква рыквхIнсамI.*

‘Мы несем тебе навстречу наши большие достижения, мы превратили наши синие земли в черные (метафора вспаханных целинных — покрытых зеленью — земель), засеяли лучшими сортами’.

Затем целая строфа отводится под сообщение о повсеместном трудовом порыве:

*Стахановска движена тиамцIнахитI.
Стахановска движена анормажквва пнатшытI.
Арабочаквагы, аколхозниккввагы ударната йынхитI,
Стахановска методла йынхитI.*

‘Стахановское движение развивается, стахановское движение разрушило старые нормы. Рабочие и колхозники трудятся ударно, работают стахановским методом’.

Попутно отметим очередное злоупотребление повторами.

Далее следует упоминание о цветущей советской родине (*xIcoвет родина къагIитI*), классовом враге (*классла йxIагъу*), шествии к коммунизму стройными рядами под знаменами Ленина-Сталина под руководством коммунистической партии и дорогого вождя Сталина (*Ленин-Сталин рбаракъ къапц xIацIагылата / Акоммунист парт рхъада / XIвожд тлапIа Сталин дыхIхъадата / Акоммунизм xIазцитI*).

В заключительной строфе автор снова возвращается к словословию в честь «первого и дорогого месяца» и завершает ее здравницей: *йабгазтI май амыз тлапIа* ‘да здоровствует дорогой май месяц’.

Отметим и обилие в стихотворении русскоязычной лексики: *асорт* ‘сорт’, *стахановска движенена* ‘стахановское движение’, *стахановска методла* ‘стахановским методом’, *анормажвквa* ‘старые нормы’, *ударната* ‘ударно’, *хСовет родина* ‘наша советская родина’, *хВожд* ‘наш вождь’, *акоммунизм* ‘коммунизм’, *хПарашютистнI* ‘мы парашютисты’, *Ворошиловска значок* ‘Ворошиловский значок’ и другие.

Во всем произведении можно выявить лишь одну истинно поэтическую строку: *ХИадгыл чIыхквa хРыквайчIватI* ‘мы превратили наши синие земли в черные’, в которой со всей очевидностью проявилось образное мышление автора.

Среди газетных публикаций 1935–1940 гг. выделяется группа произведений, объединенных оборонной тематикой. Речь идет о стихотворениях Д. Озова «Иду» (24 октября 1935 г.), С. Дармилова «Передан Красной армии» (22 марта 1936 г.), П. Цекова «Большое счастье стать красноармейцем» (27 июля 1940 г.) и переводном стихотворении Л. Квитко «Письмо Ворошилову» (21 июля 1939 г.). Почти все они разрабатывали одну и ту же тему призыва в Красную армию. Из этого ряда выпадало лишь стихотворение С. Дармилова, в котором речь шла об отборе в кавалерию военной комиссией коня по кличке «Цилиндр». Попутно отметим, что это второе произведение в абазинской литературе (после «Гуки» И. Табулова), посвященное животному.

Название стихотворения Д. Озова «Иду» понимается как *призываюсь* в армию. Лирический герой с воодушевлением говорит о том, как он с друзьями в назначенное время прибыл на прохождение военной комиссии. О его подготовленности к несению воинской службы свидетельствуют членство в ОСО (общество содействия обороне СССР), значки Ворошиловского стрелка, ГТО (готов к труду и обороне), ГСО (готов к санитарной обороне)... Использование аббревиатур, наряду с сообщением о призыве в армию молодых людей 1913 года рождения, придают изложению черты канцелярского стиля. Герой уверен, что приобретенные навыки станут для него хорошим подспорьем при прохождении

службы. Армию он воспринимает как школу закалки духа мужества, обретения новых знаний, повышения культурного уровня:

*Ар къаиц йрылалуа
АхъацIара тларыхIра йалахIумI.
Ауи апхъара ацйауитI,
Акыт дкультурната дрызгIайхитI.*

‘У вступающего в Красную армию повышается мужество, выносливость. Он получает образование и возвращается домой культурным человеком’.

Эта же тема продолжается и в стихотворении П. Цекова, в названии которого «Большое счастье стать красноармейцем» отчетливо выражена главная идея стихотворения:

*XI-Красная армия уабоецта —
XIкъраль тлапIа уахчагIвыта,
Авинтовка унапIы йыцIа
Угылазарныс насып дупI.*

‘Быть бойцом нашей Красной армии, защитником нашей дорогой страны, стоять на страже с винтовкой в руке — большое счастье’.

Живым примером для лирического героя выступает образ национального и всесоюзного героя:

*Абелофинква зрыхъавашаз,
XIкъраль атынчра зхчаз
Дрылан XI-Союз а-Герой
Кунижев Замахщери.*

‘Среди тех, кто сокрушил белофиннов, защитил покой нашей страны, был и Герой нашего Союза Замахщери Кунижев’.

Здесь используется реальный факт: абазин З. О. Кунижев действительно, за участие в войне с финнами первым в Карачаево-Черкесии получил звание Героя Советского Союза.

Завершается стихотворение предупреждением кровопийц-капиталистов: если они вздумают напасть на социалистическое отечество, их ожидает неминуемая гибель:

*Ужвыгъи акапиталистквa —
АуагIа рцaжвчваквa
Йайсныс йхIызгIайуата
ЙъагIанIатIауыз рцIыхъванI.*

‘И если теперь капиталисты-кровопийцы вздумают воевать с нами, это станет их концом’.

И в переводном стихотворении Л. Квитко говорится о призывнике. Его младший брат в письменном обращении к самому Клименту Ворошилову, народному комиссару обороны СССР (1934–1940 гг.), характеризует новобранца как передовика производства (*Анхара анны дапхъата / Джъыйын ауи*), заслуживающего доверие (*ЙызхъацIа ауи айсра анны*). Автор письма убеждает адресата в том, что призывник обязательно станет образцовым солдатом (*Армия рпны боецта / ДыпримерызлуштI ауи*), и потому просит зачислить его в передовой отряд. А в случае его гибели лирический герой выражает готовность заступить место выбывшего из строя бойца:

*Товарищ Ворошилов,
Сара ласыта йсылахIанI,
Саца йтарала сгыллI
Авинтовка сымата апост анны.*

Судьба этого произведения оказалась довольно счастливой: еще до публикации в газете оно было выпущено отдельной брошюрой в 200 экземпляров и распространено среди населения. А появление его в печати сопровождалось заметкой «Хорошее начинание», в которой давалась высокая оценка качеству переложения. «Такие начинания являются одними из лучших страниц истории абазинской литературы, — утверждалось в ней. — Товарищу М. М. Малхозову удалось хорошо перевести стихотворение» [[Хорошее начинание 1939: 2](#)]. Данная публикация стала *первым примером жанра рецензии* на абазинском языке.

Общей особенностью рассмотренных произведений является обилие русскоязычной лексики: *сдопризывникта* ‘допризывником’, *аударникквa* ‘ударники’, *асоциалистическа* ‘социалистиче-

ская', *апризыв* 'призыв', *члента* 'членом', *азначокква* 'значки', *акомиса* 'комиссия', *авоена техника* 'военная техника' — у Д. Озова; *письмо*, *товарищ*, *Красная армия*, *афронт* 'фронт', *авинтовка* 'винтовка', *апост* 'пост', *аслужба* 'служба', *афашистка* 'фашисты', *дыпримерызлуштI* 'станет примером', *анародна комиссар* 'народный комиссар', *Советска страна* 'Советская страна', *аотряд передовой* 'передовой отряд' — у М. Малхозова; *социализм*, *коммунизм*, *апартия* 'партия', *абелофинкква* 'белофинны', *акапиталистка* 'капиталисты', *хIКрасноармеецквa* 'наши красноармейцы', *хI-Красная армия* 'наша Красная армия', *Советска Союз а-Герой* 'Герой Советского Союза' — у П. Цекова... Любопытно при этом, что Д. Озов и С. Дармилов использовали абазинский эквивалент названия Красной армии (*Ар къапц*), тогда как М. Малхозов и П. Цеков предпочли русскоязычный вариант написания: *Красная армия*. М. Малхозов применил словосочетание *Советска страна*, тогда как одно из них можно было заменить абазинским словом: *къраль* (страна), неоднократно употребленным П. Цековым в своем стихотворении. Эти и приводившиеся выше сходные примеры говорят о том, что еще не был произведен отбор соответствующих лексических средств национального языка, литературный словарь только начинал свое формирование, еще не выработались какие-либо регулятивные нормы.

Другая группа произведений образует единый блок, связанный с темой колхозного труда. Так, стихотворение И. Табулова «На току» (5 сентября 1935 г.) описывает начало молотьбы зерновых. На первый план выводится главное «действующее лицо» — молотильная машина, располагающаяся посреди тока. На ней стоит готовый к исполнению своих обязанностей закладчик «с открытым сердцем». По команде заведующего током Галима Газиз заводит трактор (автор даже фиксирует его марку: СТЗ — Сталинградский тракторный завод), с помощью которого свою работу начинает молотилка. Живая цепь колхозников быстро подает закладчику снопы пшеницы, и вот уже дело заспорилось...

Стихотворение И. Табулова написано в жанре репортажа. При этом автор отмечает не только процесс молотьбы, но и душевное состояние работников: смена не только расторопна, она открыта

сердцем, радостна, трудится с воодушевлением (буквально: с увеличивающимся сердцем), и автору доставляет удовольствие смотреть на слаженную работу колхозников:

*Анхара згвы азыхътИыз асмена
Йджьгардзата йджвыквырцIатI анхара,
ЙгвыргъьачIвауа, ргвы духауа.
Йъанхауа уырпшыныс хIвапсагIван.*

Журналист Г. К. Чекалов верно заметил, что публицистическое начало в этом произведении преобладает над лирическим. И это особенно отчетливо проявляет себя в заключительной строфе:

*Апкъарта джвыквызцIаз аколхозникква
ЗымгIвадзугъи йазыджьгарта йацырмурадI
Агоспоставка йартуаш
Заман айшысла йинадырхъуш.*

‘Колхозники, энергично приступившие к молотбе, ставят перед собой задачу обеспечить госпоставку в короткие сроки’.

Правота журналиста становится еще более очевидной при учете одной детали: полоса, на которой было помещено стихотворение И. Табулова, вышла под общим лозунгом: «Ударно обеспечим госпоставки и по-большевистски проведем осенний сев» [Чекалов П., Чекалов Г. 2017: 127].

Немаловажным представляется и то обстоятельство, что И. Табулов свой стихотворный репортаж создал в то время, когда в зарождающейся национальной публицистике не было еще ни одного примера данного жанра в прозе.

Стихотворение С. Дармилова «Бригада Адзынбы» (31 октября 1935 г.) создано уже в жанре рапорта: здесь не изображено какое-либо конкретное действие, хотя название, казалось бы, предполагает нечто подобное. Вместо этого автор делает декларативные заявления в духе времени:

*ЗымгIвадзугъи хIацапшыта
ХIласквата хIынхаквитI,*

*Хицагьылата хлабакIумI,
Социализм хIазабакIумI.*

‘Все мы работаем одинаково проворно, сплоченно боремся за социализм’.

И далее сообщается о том, что бригада трудится с радостью, поднимает производительность труда, борется за лучшие показатели и культурную жизнь... По сути, и это стихотворение — публицистика. И завершается оно заверением в том, что приближающийся октябрьский праздник (день свершения Октябрьской социалистической революции — 7 ноября по новому стилю) бригада встретит большими достижениями: *Октябрь аторжеств йгIадзау / ХиъаIара дуквала хIапылI.*

Несмотря на различие жанров, стихотворения И. Табулова и С. Дармилова сходятся в некоторых деталях: наличие собственных имен тружеников (завток Галим, тракторист Газиз, бригадир Адзынба), общее состояние трудового подъема, мотив радостного труда: *йгвыргъачIвау, ргвы духау* ‘радуясь, воодушевляясь’ — у И. Табулова, *хIашIагвыргъытI, хIгвыргъачIвау хIацынхитI* ‘улыбаемся, радостно работаем вместе’ — у С. Дармилова.

Сельскохозяйственная тема продолжается и в стихотворении Х. Мукова «Собирайся скорей, пока лежит снег» (19 января 1941 г.). Оно написано в назидательно-дидактическом ключе. Уже название указывает на то, что это агитка. Лирический герой, обращаясь к колхознику, напоминает, что готовиться к весенне-полевым работам следует заблаговременно, чтобы потом, сломя голову, не бегать среди поля. Он же советует бригадиру внимательно осмотреться. Чисты ли семена? Дошли ли они до кондиции? Исправлен ли плуг? Есть ли при нем лемех? — вот круг адресуемых ему вопросов. Идея стихотворения отчетливо выражена в предпоследней строке: «Собирайся скорей, пока лежит снег». И не случайно именно она вынесена в качестве заглавия-лозунга.

Не приходится говорить о том, что и это стихотворение публицистично по звучанию. Но, если в содержательном плане «Собирайся скорей...» — типичный продукт своего времени, то в техническом — новаторское произведение.

- 5 *ПыцкI гIаныжъста*
тишумыртынчхын ауыла.
- 6 *Уыжвла цкъума*
йнадзата акондица;
- 7 *УкIватан чнума*
щарда ачвагъвауа
акIватанахI йыцта.
- 8 *Даъан ари апи:*
- 9 *Днабжъыс-гIабжъыспI*
йгъи дгъацIкIвум —
«уахъчIва-уачIвы»-ла
йрыхъвлитI ами.
- 10 *ЙтыцIпI агъны.*
- 11 *«Набжъыс-гIабжъыс»,*
йдыр ууыс:
йгIайуаитI гIапны.
- 12 *Утапишы амбар*
йшпасаркIву,
йшыгъныркIву —
- 13 *Уыжвла алыхта*
йгъи йцкъата
йтузтын амбар.
- 14 *ГIапны гIайуаитI хIпны.*
- 15 *Йыргыл анхагаквагъи*
йадзхъагылата,
- 16 *АкIапсагаквагъи*
ауат йрыдгылата.
- 17 *ЙшыквыркIву асы*
тиадгал ласы —
- 18 *Йазната амашв*
йгIаквага
тишыгIвра бажв.

Сначала сосредоточимся на первых двух строчках, где середина первой (*угвы*) рифмуется с концом второй (*архъагвы*). Конец первой строки так и остается без рифменной пары, но зато первые два слова второй строки (*йадгал — тиадгал*) образуют между собой созвучие, а затем следующие друг за другом слова (*агъвна — унагъв*) создают паронимию. Помимо того, во фрагменте этой же самой второй строки — *араъа — агъвна, унагъв-гъламыгъвхуа* — обнаруживается ассонанс на *а* (8 раз!) и аллитерация на *гъв* (4 раза). Прекрасная не только для начального периода инструментовка стиха!

Последующие три строчки (3 – 4 – 5) представляют фрагмент, в котором концы крайних строк (3-я и 5-я: *уыла — ауыла*) рифмуются между собой, а срединная (4-я) так и остается холостой. А в следующем двестишье (6 – 7) рифмы скрепляют не только концы (*акондица — йыцта*), но прошивают и середины строк: *цкьума — чтума*. 8-я и 9-я строки имеют обычную парную концевую рифму *апи — ами*, а помимо того, — и внутреннее созвучие, основанное на словах-близнецах: *днабжьыс — гълабжьыспI*. Нечто подобное наблюдаем и в следующих двух строчках (10 – 11): концевая рифма (*агъны — гъланны*), внутреннее созвучие тех же самых слов-близнецов (*набжьыс — гълабжьыс*), дополняющиеся еще и рифмой: *набжьыс-гълабжьыс — ууыс*.

На фоне такой богатой звуковой инструментовки 12-я и 13-я, 15-я и 16-я строки остаются без рифм. Но зато 14-я (*гъланны гълайуаштI хълны*), 17-я (*йшыквыркъву асы, тиадгал ласы*) и 18-я (*йазната амашв йгълаквга тиыгъвра бажв*) представляют собой уникальную рифмовку: все приведенные строки не имеют рифменных пар в соседних, они обходятся за счет собственного внутреннего созвучия. В них рифменная пара заключена в пределах одной строки.

Такое разнообразие и оригинальность рифмовки не может не напомнить традиций В. В. Маяковского в этой области, тем более что все стихотворение написано в его стиле. Но в последнем типе рифмовки выявляется влияние и национального фольклора. Во многих однострочных абазинских пословицах используется идентичная рифмовка: *ахъа зымгъва йранхъанI* ‘голова всему на-

чало’, *арбагъь ацкӀыс аквтагъь* ‘предпочесть яйцо петуху’, *бзи йубауа ауыс унапӀы азыласпӀ* ‘любимая работа в руках спорится’ и т. д. Подобный тип рифмовки характерен и для русских поговорок: «**Архип** с толчков **охрип**», «**Белила** не сделают **милу**», «**В праздник** жена мужа **дразнит**»...

Необходимо отметить и другое не менее важное явление: *Муков* в этом стихотворении впервые применил неточную рифму: «**акондица**» — «**йыцта**», «**апиш**» — «**амиш**», «**амашв**» — «**бажв**» тогда, как до него в тех немногочисленных случаях, когда проявлялась рифма, она была почти вся грамматической, следовательно, точной не только в отношении звуков, но и букв.

Проведенный анализ формальных признаков стихотворения Х. Мукова доказывает, что в заявлении о новаторстве данного произведения никакого преувеличения нет. Здесь со всей очевидностью демонстрируется вольное, ничем не стесненное обращение автора со словом, ритмом, звуком. В плане исполнения данное произведение, безусловно, выступает не только самым оригинальным, но и самым талантливым из стихотворных произведений рассматриваемого периода.

Пейзажная лирика

Достоинно удивления, что среди политизированной, идеологизированной, насыщенной социальной проблематикой стихотворной продукции 1930-х гг. скромное место нашлось и пейзажной лирике. Правда, она лишена какого-либо разнообразия, очень узка и однобока: из четырех произведений три посвящены весне, одно — зиме. И чаще всего их названия носят бесхитростный сезонный характер: А. Магажиков: «Весна» (20 марта 1936 г.), А. Магажиков: «Зима» (22 декабря 1936 г.), П. Цеков: «Весна» (14 апреля 1940 г.), Х. Муков: «Добро пожаловать» (13 апреля 1941 г.). Ни одного стихотворения ни о лете, ни об осени. И в этой тематической группе одинаково показательно выступили как слабые стороны абазинской поэзии предвоенного времени, так и ее позитивные явления. Вот, например, как открывается первое из названных произведений:

*Агъны тыцӀын агӀапын гӀаталтӀ.
АгӀапын гӀаталын асква ратыхитӀ.
Асрыдзква адзыцтраква йрылагӀвитӀ,
АжвгӀванд лашарахатӀ, адгъыл сасихтӀ.*

‘Зима ушла, и наступила весна. Пришла весна, и тают снега. Растаявшие снега сливаются в ручьи. Небо посветлело, земля оттаяла’.

Никакой образности. Сезонные приметы воспроизводятся прямолинейно, как в учебнике по природоведению для начальных классов. А финал дополняется еще и социальным мотивом:

*Аколхозникква бригадала йахъцата,
АгӀапын чвагъвара йтыцӀтӀ.
Ауат соревнована ацырчпан йчвагъвитӀ,
АтшыгӀвра бажв гӀатыргара йзабакӀуа йчвагъвитӀ.*

‘Разбитые на бригады колхозники вышли на весеннюю пахоту. Они устроили между собой соревнование и борются за богатый урожай’.

Но даже и в этом стихотворении обнаруживает себя поэтическое начало: изображая плывущие по реке льдинки, стихотворец использует деепричастие *йагӀвысадзысуа*, передающее картину того, как они сходятся, расходятся, попеременно обгоняя друг друга (*ацхӀаивква йагӀвысадзысуа йратыхитӀ*). Очень экономное и выразительное слово, смысл которого на русском языке приходится излагать целым предложением. В другом месте А. Магажиков, затрагивая тему возвратившихся с теплых краев скворцов, отмечает, что «их хмельные песни доносятся с деревьев» (*ауат руарад жвгъарква ацӀлаква йгӀархъгагӀитӀ*). Может показаться, что здесь нет ничего примечательного, но для 1930-х гг. такой эпитет, как «хмельной» (*жвгъарква*) становился открытием.

В стихотворении «Зима» обнаруживаются свои особенности: белый снег соотносится с ватой: *уылалырных бамби пиканӀ*. И здесь важен не только факт использования сравнения как выразительного средства, но и эпитет «нежный», сопровождающий слово «вата» и привносящий осязаемое лирическое звучание: *бамби пиканӀ*. И это было ново для национальной поэзии того времени.

Последняя строфа тоже представляется удачной:

*Апхын йдауышыз адзква
Агъны йцхIаишвыжвпIахатI.
АцхIаишв ахъахъ йагIвыкъя-дзыкъяуа
АчкIвынчва тагIвзитI.*

‘Шумные летом воды покрылись толстым льдом, и на нем, проносясь мимо друг друга, катаются мальчишки’.

Обратим внимание на глагол *йцхIаишвыжвпIахатI*, смысл которого по-русски можно передать фразой: покрылось толстым льдом. Деепричастие, образованное словами-близнецами *йагIвыкъя-дзыкъяуа*, представляет цельную картину одновременного и разнонаправленного скольжения / мелькания детей на льду (возможно, на коньках). Такие обретения для зарождавшейся поэзии были очень ценны, так как представляли собой первые попытки поэтизации обыденных явлений.

Как продолжение данного ряда примеров приведем строфу из стихотворения П. Цекова «Весна»:

*АгIапын мара хахва
Къару ду аманI.
Агъны кIъарбыбуа
Азаман йалнаргатI.*

‘Бодрое весеннее солнце имеет большую силу. Оно вынуждает зиму уйти, не оглядываясь’.

И здесь наиболее выразительным языковым средством выступает деепричастие *кIъарбыбуа* ‘не оглядываясь’, которое, к сожалению, при переводе на русский язык теряет свою лирическую подоплеку.

И в стихотворении Х. Мукова «Добро пожаловать» функции выразительности чаще всего выпадают на деепричастия: *ухIызгIайтI мара миыла, / йалауыриуа анхара* ‘ты [весна] пришла солнечным днем, *разогревая* работу’. И снова смысловой перевод оказывается беднее того, что подразумевает абазинское деепричастие: *йалауыриуа анхара* означает — усиливая, взвинчивая темп, придавая работе больше сноровистости.

Заметим, что ни в одном из ранее рассмотренных произведений и тематических групп деепричастие не играло какой-либо существенной экспрессивной роли, как в пейзажной лирике. Другая особенность последней группы заключается в обилии олицетворений.

А. Магажоков. «Зима»:

*АжвгIванд лашара урыхъвацтI,
Адгъыл йачIва урышкIвокIватI.*

‘Ты [зима] светлый день превратила в пасмурный, зеленую землю побелила’;

*АпстхIва алагIваласитI,
Абаштау чвгъа йынкъвнацитI.*

‘Облака мечутся, их гонит сильный восточный ветер’;

П. Цеков. «Весна»:

*Абыхъвкwa зымгIва
АгIапын йайхIвахIвитI,
ЗакIгъи гIанымхауа
Зышла йацырхIвитI:*

*«УгIайгwa, агIапын хахва,
ХIыбгъа асы аквызххыз.
Ауи асы атарала
ЧIыхвта хIызгIвычахыз».*

‘Все скалы весну приветствуют. Все они без исключения говорят вместе: «Добро пожаловать, храбрая весна, убравшая снега с наших спин и вместо снега приодевшая нас в синеву»’.

Попутно отметим метафору **чIыхвта хIызгIвычахыз** ‘приодевшая нас в синеву’. Обратим внимание и на то, что П. Цеков намеренно подменяет зеленый цвет трав, в которую земля «одевается» весной, на *синий*, вероятно, находя в этом больше поэтичности. Заметим, что подобные замены наиболее характерны для развитых литератур. Но вспомним, что эпитет «синий» вместо «зеле-

ный» еще ранее был использован И. Табуловым в стихотворении «Май — первый месяц»: *ХIадгьыл чIыхкьва хIрыквайчIватI* ‘мы превратили наши **синие** земли в черные’.

Продолжим примеры олицетворений:

Х. Муков. «Добро пожаловать»:

*УхIызгIайтI мара мшыла,
Йалауыриуа анхара.*

‘Ты [весна] пришла солнечным днем, разогревая работу’;

*Уара аскви уацIа анны
ЗнытI «уъадзагIагIвацауа»,
УхIыцгьыргъауа архъа анны
Уысасра уачвымпхацауа.*

‘Лишь раз в году забредаешь ты к нам «по ошибке», радуясь вместе с нами в поле, не стесняясь положения госты’;

*АгъыкI тиызпцаз атрактор
ЙгъаршIыгъуашым угвы –
Зыквхъа йцтIанацIауа агектар
ЙыквызлуштI архъа агвы.*

‘Отдыхавший всю зиму трактор не даст тебе скучать, — опрокидывая на спину гектар, будет носиться среди поля’.

Отдыхавший всю зиму трактор — прекрасный поэтический образ! Не менее удачна и метафора в составе олицетворения: **Зыквхъа йцтIанацIауа агектар (опрокидывая на спину гектар)**.

И здесь, как видим, достаточно отчетливо проявилось образное мышление, поэтическое мировидение Х. Мукова.

Заключение

Период зарождения абазинской литературы датируется 1933–1941 гг. За это время на страницах газеты «Красная Черкесия» было напечатано 5 переводных и 22 оригинальных стихотворения, абсолютное большинство которых проанализировано в данной работе. Авторами их стали первые национальные

стихотворцы: А. Хачуков, Д. Озов, И. Табулов, С. Дармилов, А. Магажиков, М. Малхозов, Х. Муков, П. Цеков. В своих произведениях они разрабатывали различную тематику, характерную в целом для стихотворной продукции первых десятилетий Советской власти.

Стихотворения о революции отражают бесправное положение рабочих и крестьян до нее и обретение ими прав и свобод после. Революция признается той силой, что сняла с трудящегося человека «мировую ношу». Большую смысловую роль в этой тематической группе выполняют лексемы «кровь» и «пот». В целом образ Октября выступает своеобразным мстителем за обиды, нанесенные народу богачами-угнетателями.

В произведениях, посвященных В. И. Ленину, абазинские авторы оплакивают смерть вождя пролетариата, утверждают величие начатого им переустройства мира к лучшему на основе добра, равенства и справедливости. Имени В. И. Ленина часто сопутствует национальный фразеологизм «подобный нашей душе», оттеняющий духовную близость героя трудящейся массе. Этому же способствует и утверждение о том, что имя вождя сохранено в коллективном сердце народа.

Для стихотворений о школьниках характерны идеи коллективизма, неустанного движения вперед верной дорогой, намеченной В. И. Лениным.

В стихах-посвящениях Первомаю авторы, как правило, от лица рабочего люда радостно приветствуют этот день, отмечая его приход трудовыми свершениями. Праздничное настроение достигается с помощью образов задорных песен, красных флагов на воротах, шествия с поднятыми знаменами.

В произведениях оборонной тематики служба в рядах рабоче-крестьянской Красной армии преподносится не столько как долг и обязанность всякого молодого человека, сколько как оказанная Родиной честь защитить Отечество от внешних посягательств.

Сельскохозяйственная тема выводит на первый план радость коллективного труда, расторопность и воодушевленность колхозников, сознание того, что их труд работает на укрепление со-

циализма. В стихах этого тематического блока наряду с публицистичностью порой ощущается явный дидактизм, выражающий себя в назидании о необходимости своевременно подготовиться к весеннему севу. Но, как ни покажется парадоксальным, именно стихотворение из этой группы («Собирайся скорей, пока лежит снег» Х. Мукова) можно признать одним из самых оригинальных и талантливых в абазинской поэзии 1930-х гг.

Пейзажная лирика не столь распространена в абазинской поэзии предвоенного времени. Отдельные сезонные приметы в них воссоздаются с той же бесхитростностью, с какой они изображались в учебнике по природоведению. И тем не менее стихи этого плана интересны попытками поэтизации обыденных явлений. Тому же способствует обилие олицетворений, экспрессивные свойства деепричастий, придающие стихотворному тексту больше лиризма.

Изучение метрико-ритмических характеристик стихотворных публикаций подводит к выводу о том, что все они тяготеют к сверхмикрополиметрии, так как в пределах одного произведения беспорядочно сочетаются строки, относящиеся к различным тоническим и силлабо-тоническим размерам. Стихи эти, как правило, структурированы катренами (исключения редки), рифма — эпизодическая, более-менее регулярно она проявляет себя лишь в отдельных произведениях.

В рассмотренных произведениях русскоязычная лексика используется обильно, а выразительные средства — достаточно скудно, хотя и встречаются примеры интересных эпитетов, сравнений, метафор.

С позиции нынешнего времени можно утверждать, что большинство исследованных стихотворений не обладает эстетической ценностью. Но при этом необходимо помнить, что национальная лирика проделывала лишь первые практические шаги к поэтическому освоению действительности. И потому даже эти неброские, а порой и откровенно слабые произведения имеют свое несомненное историко-литературное значение.

Источники

Архив ИВР РАН — Архив Института восточных рукописей РАН. Ф. 74. оп. 1. Ед. хр. 31. Тетрадь 1929 г. Л. 51–52.

Литература

- Абазинские материалы 2019 — Абазинские материалы А. Н. Генко / Издание подготовили З. Д. Джапуа и П. К. Чекалов. Сухум: Academia, 2019. 464 с.
- Гаспаров 1984 — *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. М.: Наука, 1984. 349 с.
- Жиров 1972 — *Жиров Х.* Разбуженные солнцем. Черкесск: Карачаево-Черкес. кн. изд-во, 1972. 191 с.
- Малхозов, Меремкулов 1940 — *Малхозов М. М., Меремкулов Н. К.* Хрестоматия по литературе. Часть II. Для четвертого класса начальной школы. Черкесск: Нациздательство, 1940. 165 с.
- Фортунатова 1933 — *Фортунатова Е. Я.* Книга для чтения. Часть II. Второй год обучения. М.: Госучпедгиз, 1933. 94 с.
- Фортунатова 1939 — *Фортунатова Е. Я.* Книга для чтения. Часть II. Второй год обучения. Ежово-Черкесск: Нациздательство, 1939. 110 с.
- Хорошее начинание 1939 — Хорошее начинание // Красная Черкесия. 1939. 21 июля. С. 2.
- Чекалов П., Чекалов Г. 2017 — *Чекалов П. К., Чекалов Г. К.* Судьбы абазинской литературной интеллигенции в предвоенные и военные годы: по следам архивных материалов. Черкесск: Нартиздат, 2017. 238 с.

Национальные и культурные коды в творчестве современных татарских поэтов

Альфия Фоатовна Галимуллина¹, Фоат Галимуллинович Галимуллин²

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет
(д. 18, Кремлевская, 420008 Казань, Российская Федерация)
доктор педагогических наук, профессор

 0000-0002-0006-9193. E-mail: alfiya_gali1000@mail.ru

² Казанский (Приволжский) федеральный университет
(д. 18, Кремлевская, 420008 Казань, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-0691-0174. E-mail: alfiya_gali@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Галимуллина А. Ф., Галимуллин Ф. Г. 2022

Аннотация. Исследование специфики проявления национальных и культурных кодов в современной татарской поэзии представляет научно-практический интерес для исследователей. Авторы данной статьи провели системно-комплексный анализ творчества современных татарских поэтов Рената Хариса, Роберта Миннуллина, Илсияр Иксановой, Рамиса Аймета в аспекте специфики проявления в них национальных культурных кодов. В их творчестве отражается татарская национальная картина мира, выявляются ее основные компоненты: образ родины и родного края, национальные праздники, духовно-нравственные ценности и история татарского народа, а также определяются органичные связи с традициями татарской национальной культуры и литературы. Художественная специфика современной татарской поэзии рассматривается в аспекте проявления национальных культурных кодов на тематическом, жанровом, стилистическом уровнях, в структуре поэтических текстов,

субъективной организации произведений, принципах и приемах психологического изображения, а также в индивидуальном стиле современных татарских поэтов.

Ключевые слова: татарская литература, современная татарская поэзия, национальный код, культурный код, национальная картина мира, Ренат Харис, Газинур Морат, Илсияр Иксанова, Рамис Аймет

Для цитирования: Галимуллина А. Ф., Галимуллин Ф. Г. Национальные и культурные коды в творчестве современных татарских поэтов // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 174–190. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-174-190

Works of Contemporary Tatar Poets: Ethnic and Cultural Codes Revisited

*Alfiya F. Galimullina*¹, *Foat G. Galimullin*²

¹ Kazan Federal University (18, Kremlevskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation)

Dr. Sc. (Pedagogy), Professor

 0000-0002-0006-9193. E-mail: alfiya_gali1000@mail.ru

² Kazan Federal University (18, Kremlevskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-0691-0174. E-mail: alfiya_gali@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Galimullina A. F., Galimullin F. G., 2022

Abstract. *Introduction.* Insights into specific features of manifested ethnic and cultural codes in contemporary Tatar poetry are of essential academic and practical interest for researchers. *Goals.* The article attempts a systemic and comprehensive analysis of works by modern Tatar poets — Renat Kharis, Robert Minnullin, Ilsiyyar Iksanova, Ramis Aymet — to trace specific manifestations of ethnocultural codes contained therein. *Results.* The explored works reflect the Tatar national view of the world, reveal its main components, such

as images of Motherland and native lands, ethnic holidays, spiritual and moral values, history of the Tatar people. The paper also identifies their organic links with traditions of Tatar national culture and literature. The artistic particularity of contemporary Tatar poetry is considered in the aspect of observed ethno-cultural codes at thematic, genre, and stylistic levels, in the structure of poetic texts, individual compositional patterns, principles and techniques of psychological depictions, as well as in personal styles of Tatar poets.

Keywords: Tatar literature, contemporary Tatar poetry, ethnic code, cultural code, ethnic view of the world, Renat Kharis, Robert Minnullin, Ilsiyyar Iksanova, Ramis Aymet

For citation: Galimullina A. F., Galimullin F. G. Works of Contemporary Tatar Poets: Ethnic and Cultural Codes Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 1: 174–190. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-174-190

Введение

Современная татарская литература находится в постоянном развитии, татарские писатели активно работают во всех литературных родах и жанрах (в поэзии, прозе, драматургии, в том числе и в области современной татарской оперы и балета, а также в рок-опере). Следует отметить, что в первые десятилетия XXI в. плодотворно создают произведения на татарском языке три поколения татарских писателей: старшее поколение (1940–1950-х гг. рождения), среднее (1960–1980-х гг. рождения) и молодое (1990-х гг. рождения).

В Татарстане остаются в литературном строю писатели старшего поколения (1940–1950-х гг.): Ренат Харис, Равиль Файзуллин, Зиннур Мансуров, Гарай Рахим, Радиф Гаташ, Разиль Валеев, Рабит Батулла, Дамир Гарифуллин, Джавдат Сулейманов (Сулейман), Галимьян Гильманов, Факиль Сафин и многие другие поэты, прозаики и драматурги, создающие основу для дальнейшего развития татарской литературы. Большой вклад в современную татарскую литературу внесли писатели, которые недавно ушли из жизни, но все еще воспринимаются как наши современники: Роберт Ахметзянов, Зульфат, Шаукат Галиев, Гарай Рахим, Роберт

Миннуллин, Ильдар Юзеев, Ахат Гаффар, Мухаммат Магдеев, Аяз Гилязов, Миргазиян Юныс и др.

Многие из них пришли в литературу в 1960-е гг. При всем многообразии тем и жанров их творчество отличается поиском новых форм и тем, они стремятся найти свои неповторимые эстетические пути в художественном изображении человека и мира, в то же время они обращаются к лучшим традициям, заложенным татарской литературой XII – начала XX вв. (от Кул Гали до Мусы Джалиля).

Татарские писатели среднего поколения (Газинур Морат, Вакиф Нуруллин, Факиль Сафин, Юлдуз Шарاپова, Алмаз Гимадиев, Лябиб Лерон, Марсель Галиев, Галимзян Гильманов, Ркаиль Зайдулла, Ильсияр Иксанова, Сулейман (Джаудат Сулейманов), Рашит Башаров, Рафис Корбан, Зиннур Хуснияр, Марат Кабиров, Мансур Гилязов, Альфия Ситдикова, Рифат Джамал) и молодые писатели (Рустем Галиуллин, Ленар Шаех, Рузаль Мухаметшин, Ильгиз Зайниев, Рифат Салах, Фируза Замалетдинова, Айгуль Ахметгалиева, Рамзия Габдулхакова, Сюмбель Гаффарова, Лиана Амирханова, Илюса Набиуллина, Резеда Фархетдинова, Рахима Арсланова, Айсылу Имамиева, Гульчира Назметдинова) плодотворно работают, активно публикуются не только в Республике Татарстан, но и далеко за ее пределами, побеждают на всероссийских и международных фестивалях, их произведения наиболее часто переводятся на языки народов России, ближнего и дальнего зарубежья.

Понятие «культурный код» позволяет рассмотреть творчество современных татарских писателей как на диахроническом (выявить глубинную связь с богатейшей национальной литературной традицией, уходящей вглубь веков (Кул Гали, Г.-Утыз Иmani, Г. Кандаый, Р. Фахретдинов, Дардменд, Г. Тукай, Г. Исхаки, Ш. Камал, Ф. Амирхан, Г. Ибрагимов и др.), так и на синхроническом уровнях (А. Еники, М. Юнус, А. Гилязов, Н. Фаттах, Г. Баширов, М. Магдеев, Х. Туфан, И. Юзеев, С. Хаким, Р. Харис, Зульфат, Р. Файзуллин, К. Сибгатуллин, Р. Айметов, Р. Бухараев и др.).

Методология исследования

В нашем исследовании были использованы ведущие подходы и принципы современного сравнительно-сопоставительного литературоведения. Структурно-семиотический и семантический подходы обуславливают взаимодействие и взаимодополняемость таких смыслообразующих механизмов, как ценностно-смысловые, логико-структурные, выявляют их соотношения со словесно-художественными конструкциями и формами, а также с универсалиями (национальный код, культурный код, художественный код), семантическими (хронотоп, интертекстуальность, художественный образ, символ и т. д.), жанровыми и стилистическими особенностями. Методология нашего исследования позволяет рассмотреть на примере современной татарской литературы проблемы типологии ментальных ориентаций как основы межлитературных схождений, таким образом, включить татарскую литературу во всероссийский и мировой литературный процесс.

При изучении специфики проявления культурных кодов в современной татарской литературе мы опираемся на труды исследователей истории и эстетики татарской литературы и фольклора: М. Х. Бакирова, Ф. Г. Галимуллина, Т. Н. Галиуллина, Р. К. Ганеевой, Д. Ф. Загидуллиной, А. М. Закирзянова, Ю. Г. Нигматуллиной, К. М. Миннуллина, Ф. М. Мусина, Ф. И. Урманчеева, Я. Г. Сафиуллина, З. З. Рамиева, Х. Ш. Махмутова, Ф. С. Сайфуллиной, Н. Ш. Хисамова, Р. Ф. Исламова, Х. Ю. Миннегулова, Л. И. Мингазовой, Т. Ш. Гилязова, Ф. М. Хатипова, А. Т. Сибгатуллиной, Т. Ш. Гилязова, а также Х. Г. Гусмана, Э. М. Галиевой, Г. М. Халита, Н. Г. Юзеева, М. С. Магдеева, А. Г. Ахмадуллина, Ф. М. Мусина, Ф. М. Хатипова, М. И. Ахметзянова, Р. С. Мухаммадиева, Н. М. Юсуповой, М. М. Хабутдиновой, Г. Ф. Гайнуллиной, Г. Ф. Каюмовой, Л. Ф. Замалиевой, которые на основе изучения творчества современных татарских писателей разрабатывают и научно-теоретические проблемы татарского литературоведения.

В выработке исследовательской стратегии мы ориентируемся на труды представителей «диалогической» философии — К. Барта, Э. Бруннера, М. Бубера, М. Шепета и Ф. Эбнераи, компарати-

вистики — М. П. Алексеева, А. Н. Веселовского, П. А. Гринцера, Д. Дюришина, А. Димы, Н. И. Конрада, а также применяем общегуманитарные методологические принципы исследования, разработанные в трудах А. В. Михайлова, М. М. Бахтина, Ю. Б. Борева, С. Н. Бройтмана, Г. Г. Шпета, Г. Г. Гадамера, В. Е. Хализева, В. И. Тюпы, Н. Д. Тамарченко. В определении подходов к изучению специфики татарского и русского литературного процессов и к анализу художественных текстов современной татарской литературы большое влияние оказали труды В. Дильтея, Ю. Кристевой, Э. Левинаса, Д. А. Леонтьева, Ю. Хабермаса, У. Эко и К. Ясперса, Ж.-Ф. Лиотара, Ю. М. Лотмана, О. М. Фрейденберг.

Основная часть

Национализация пространства и маркировка исторически значимых для «воображения» национальной картины мира географических мест соотносится одновременно с обозначением границ этнической идентичности. Если рассматривать эти национальные пространственно-временные концепты в рамках конструктивистской парадигмы, то обнаруживаются разные механизмы мифологизации. Например, в художественном изображении в современной татарской литературе городов Казани, Москвы, древнего Булгара, также Крыма и татарской деревни появляется иерархическая система пространственных образов, которая наполнена символической семантикой. Тема родины в творчестве современных татарских поэтов — одна из самых часто встречающихся. Нет ни одного поэта, который бы не обратился к ней в своей поэзии. Однако каждый поэт находит свои, оригинальные, подходы для ее художественного воплощения. Одним из наиболее пронзительных мотивов, связанных с образом родины, является мотив утраченной родины. Судьба каждого поэта неповторима: кто-то покидает родину ненадолго, на время учебы или короткой поездки на отдых или в командировку, а кто-то, как, например, Равиль Бухараев, по воле обстоятельств переезжает в другую страну, поэтому и образ родины у каждого поэта неповторим, связан с какими-то воспоминаниями, местами и даже, на первый взгляд, отнюдь не поэтиче-

скими деталями. В произведениях современных татарских поэтов и писателей образ родины часто сопрягается с такими культурными и историческими центрами, как Казань, Булгары, Елабуга, обобщенным образом деревни, как хранительницы национальной культуры и духовных ценностей татарского народа.

Образ Казани в поэзии многих современных татарских поэтов тесно связывается с образом родины. Наиболее показательным в этом плане творчество народного поэта Республики Татарстан, лауреата Государственной премии Российской Федерации Рената Хариса (1941 г. рожд.), который в своем поэтическом мире активно воссоздает образ Казани, одновременно совмещающий в себе драматическое историческое прошлое, окутанное легендами, а также славное настоящее и прекрасное будущее (в стихотворениях («А Казань знает войну»), в поэмах («Ант суы» («Клятвенная вода»), «Борылышта» («На повороте»)), в либретто оратории «Казань»). В этой связи своевременной и актуальной представляются рок-опера «Алтын Казан» и опера-легенда «Кара пулат» (созданные в сотрудничестве с молодым татарским композитором Э. Низамовым), которые позволяют языком современного искусства рассказать о легендарном прошлом нашей республики. Знаменательно обращение авторов пьес к современным музыкальным жанрам (рок-опера), современным ритмам, любимым и понятным для молодежной аудитории. Эти пьесы воспитывают у молодежи патриотические чувства, гордость за свою героическую историю.

Поэт создает всеобъемлющий образ Казани, в котором старается воплотить свою любовь и восхищение. Эти чувства нашли естественное выражение в торжественном, одическом заключении «Мэдхия» (ода, восхваление, панегирик): *Ачык йөзле калам син, / Киң күңелле калам син, / Үткер сүзле калам син, / Тәмле телле калам син, / Әй Казан син, Казан син, / Иң бәхетле балаң мин! // Алып кебек батыр син, / Алтынчәчтәй матур син, / Идел кебек горур син, / Мәңге шулай булырсың, / Әй Казан син, Казан син, / Иң бәхетле балаң мин* 'Радушный город мой, / Широкой души город мой, / С острым словом город мой, / Сладкоголосый город мой, / Ай, Казань, ты, Казань ты, / Я счастливый твой ребёнок! / Как бо-

гатырь Алып ты смелая, / Как Алтынчеч ты красивая, / Как Волга гордая ты, / Вечно ты такой останешься/ Ай, Казань, ты, Казань ты, / Я твой счастливый ребенок!¹ [Харисов 2006: 80]. В нем поэт использует ряд определений, которые характеризуют Казань как открытый город, с широкой душой, с метким и в то же время нежным словом. Поэт вводит легендарные образы, чтобы полнее, поэтичнее охарактеризовать Казань: город одновременно обладает непобедимой силой, как богатырь Алып, и прекрасен, нежен, как Алтынчеч, гордый и глубокий, как Волга (Идел). Рефреном проходит мысль «Ай, Казань, ты Казань, / Я самый счастливый твой ребенок (твой сын)». Р. Харис и в другие стихотворения включает легендарные, мифологические образы, чтобы полнее охарактеризовать Казань. Так, в стихотворении «Казан түбәсе» («Крыша Казани») поэт использует метафору, в которой соединяет образ Казани и легенду о царице Сююмбике, опозитизировавшую дозорную башню. Издавна башня Сююмбике ассоциировалась с Казанью, стала ее символом (с ней связано много мифов, которые в свою очередь сливаются с мифом о Казани). Из многочисленных и порою противоречивых характеристик царицы Сююмбике поэт делает акцент на ее гордости, непреклонности, тем более показательных, что присущи они прекрасной женщине. В стихотворении башня Сююмбике показана одновременно в двух временных планах: в настоящем и прошлом. Героическое прошлое определяет современность. Лирический герой просит прощения у тяжелой грозовой тучи за то, что башня Сююмбике разделила ее надвое, не уклонившись от ее пути: она никогда не склоняла гордой головы, не умела приbedнаться, а также у времени, перед которым также оказалась непреклонной: она сумела подняться из руин, не осталась лежать. Исходя из широкого понимания топоса «дом» в поэзии Р. Хариса, в названии стихотворения башня Сююмбике определяется как крыша Казани, которая оберегает от всех нападений. В то же время башня Сююмбике активно участвует в жизни современного города. Создается очень оригинальный одушевленный образ: хотя уже зажили душевные раны, башня Сююмбике яв-

¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш. — А. Г.

ляется напоминанием о самых горьких для Казани временах, она гордо противостоит всем невзгодам, оберегая свой город, однако, вслушиваясь в современную жизнь города, она немного наклонилась: *Сезне иштергә дип сузылып, / Янтаеп тора / Сөембикә манарасы* 'Вытянувшись, чтобы вас услышать, / башня Сююмбике стоит, немного наклонясь...'. Казань — это древняя столица, город поэтов, художников и композиторов. Р. Харис характеризует Казань при помощи эпитетов: *Нурлы Казан* 'Сияющая, лучезарная Казань', *Сөекле Казан* 'Дорогая, любимая Казань'. В стихотворении «Нурлы Казан» («Светлая Казань») поэт называет город *нурлы* 'сияющая, лучезарная, светлая, лучистая', *дәртле* 'страстная, пылкая, чувственная', *моңлы* (это слово в татарском языке имеет много значений, для него трудно подобрать точный перевод: уныние, печаль, грусть, мелодия, а также вбирает в себя непере译имое понятие — душевности. Традиционно эпитет *нурлы* 'лучезарная' в характеристике Казани связывался со знаниями, просвещением). Стало классическим определение Казани, данное Г. Тукаем в стихотворении «Пар ат»: *И Казан! Дәртле Казан! Моңлы Казан! Нурлы Казан!* 'И Казань! Страстная Казань! Душевная Казань! Лучезарная Казань!'. И Харис развивает эту традицию в своей поэзии.

Поэзия известного татарского поэта Газинура Мурата (1959 г. рожд.), лауреата Республиканской премии имени Г. Тукая, имеет ярко выраженную патриотическую интонацию, в философских стихах он пытается разгадать загадки мироздания. Лаконизм, четкость форм покоряют читателя. В поэтическом цикле «Норвежская тетрадь» («Норвегия дәфтәрәпнән») поэт ощущает тоску по родине даже в недолгой поездке в страну «древних викингов» [Мурат 2014: 18–28]. Поэт сравнивает Норвегию с краем Земли в стихотворении «Страна ночного солнца» («Төнге кояш иле»). В стихотворении «Пусть будет свое» («Үзеңнеке булсын») он выражает уверенность, что каждый народ должен сам строить свой дом, свою страну: *Үзеңнеке булсын ишек-капкаң, / Үзеңнеке — тәрәз, бусагаң... / Ә варяглар энә үз йортыннан / Гасыр могжизасы ясаган* 'Пусть будут свои двери-ворота, / Свои — окна, пороги... / А варяги из своего дома / сделали чудо века' [Мурат 2014: 20].

Характерно, что поэт, размышляя о судьбе своей родины, своего народа, в качестве культурного кода, отражающего характер народа, приводит примеры из татарских народных сказок. Так, в стихотворении «Әкият» («Сказка») лирический герой вспоминает героев татарских народных сказок, которые всегда выделяются исключительными чертами характера: *Әкият геройлары да аның / Йә бик тинтәк, йә бик акыллы. // Йә бик чибәр, йә бик котсыз була / Әкияттә никтер кызлар да. / ...Шурәленең Былтыр кыскан кулы / Ничә гасыр инде сызлана* ‘Сказочные герои его / То очень глупы, то очень умны. // То очень красивые, / то очень уродливые бывают / В сказках, даже почему-то девушки/... Причёмленная Батыром рука Шурале / Сколько веком уже болит’ [Морат 2014: 42]. Народная песня, несомненно, также является национальным культурным кодом, а для современных татар и знаменитый татарский певец Илхам Шакиров, исполнявший татарские народные песни, стал воплощением национальной души татарского народа, такого его непереваемого эффекта песен, музыки и поэзии, как «моң». В стихотворении с символическим названием «Без — хәтер» («Мы — память»), посвященном Ильхаму Шакирову, упоминается народная песня «Караурман» («Дремучий лес»), благодаря которой раскрывается душа народа [Морат 2014: 43]. Тема вновь обретенной родины оригинально разрабатывается Газинуром Муратом в стихотворении «Хөрмәтле Чынгыз әкә ядкәре» («Память о дорогом Чингизе ака»), посвященном памяти Чингиза Айтматова и его желанию посетить родные края своей матери Нагимы абыстай, чьи предки были из Кукморского района Республики Татарстан [Морат 2014: 310]. В этом стихотворении тему родины татарский поэт раскрывает через символику «Идел-йорт», что дословно переводится с татарского языка как «Волга-дом», таким образом, в понятие родины входит и великая река Идель — Волга, включающая образы родного порога, высоких деревенских ворот (*ырыс капкасы*), родословную *Ул да, әйдә, кочып еласынбер / Безнең шәжәрәдәй талларны* ‘пусть он тоже всплакнет, обняв, как родословную, наши ивы’. Однако Ч. Т. Айтматов в 2008 г. не смог доехать до исторической родины своей матери, потому что в

Казани почувствовал сильное недоумение, этот биографический факт обобщается татарским поэтом в финале стихотворения: *ТӨП нигезгә кайтып баш орырга / Гел кичегә адәм баласы// Бер атлам юл калган иде юкса, / Шуны узу язсын кемгә дә. / Кукмарарага кайтып бара Чынгыз / Гасырлардан да озын көннәрдә* ‘досл. *В ОТЧЕМ ДОМЕ хотел голову преклонить, / Всегда откладывает человек. // Осталось сделать один только шаг. / Пусть каждому будет суждено сделать его. / Чингиз Айтматов возвращается в Кукмор, / И дольше века длятся дни его*’ [Морат 2014: 311].

Поэзия Рамиса Аймета (1968 г. рожд.) отличается философской глубиной. В своих стихотворениях татарский поэт размышляет о смысле жизни, о смерти, о бессмертии души, мелодичность звучания его стихов подтверждают многочисленные песни, созданные на его стихотворения.

Рамис Аймет пользуется заслуженной популярностью не только в нашей республике, но и далеко за ее пределами. Он лауреат республиканских премий имени Хади Такташа, Мусы Джалиля, международной премии Турции имени Хусаина Байраклы. Экзистенциальные проблемы бытия преодолеваются бесконечной верой поэта в доброе и светлое начало в человеке и во всеобщую гармонию во Вселенной («Пора», «Во мне поют мгновенья», «В поисках улыбки», «Автопортрет», «В дождь», «Одиночество»). Обыденность жизни, ее тревожения лирическому герою помогают преодолеть традиционные для татарской и восточной поэзии образы, по-новому переосмысленные им. Рамис Аймет живо откликается на события современности, так, пандемию коронавирусной инфекции поэт сравнивает с великим экзаменом («Великий экзамен»), оптимизм лирического героя основывается на вере в доброе начало в человеке: *Вереницу добрых дел нанижем / На судьбу порывом мы одним. / Что же нам сказать перед Всевышним, / В час, когда предстанем перед Ним? // У Аллаха милости попросим, / Когда на-земь ляжет тишина. / И как в почву — в душу мира бросим / Честь и совесть мы, как семена!* Параллелизм мира природы и чувств возлюбленных в стихотворении «Скала» позволяют создать оригинальные образы: *Бушуют чувства в душах, как прибор, / то зати-*

хая, то вскипая вновь. / А мир вокруг — безбрежно голубой / и наг, как мы, и светел, как любовь» или «*Как сладко молвить: «Я люблю тебя!» — / всю силу чувств своих дождем излив, / так, что аж скалы рухнут, все губя, / и море вдаль отступит / от земли....*

Душа лирического героя-поэта находится в гармонии с природой, именно она примиряет его с жестокой действительностью, беспощадность которой остро ощущается в стихотворении «Обреченная бабочка» (перевод Н. Переяслова): *Ну, а она — летает и летает. // Кружит, кружит... / Присядет на сучок / и вновь к цветам спускается в надежде — / не приютят ли?.. / Но в ответ — молчок. / Не просто выжить в этом мире нежным* [Айметов 2016: 79].

Пространство стихов Рамиса Аймета распахнуто в мир, в космос, в этом и есть спасение от обыденности и серости. Показательно в этом смысле стихотворение «В дождь» (перевод Н. Переяслова): *Пускай войдет. Я так его люблю! / Без встречи с ливнем — моя жизнь пуста. / Душа была и в злобе, и в хмелю, / а дождь пройдет — и вновь она чиста. // Душа чиста, земля чиста, и мир — / плывет, купаясь в струях дождевых* [Айметов 2016: 78]. Образ дождя — один из любимых образов поэта. Так, в стихотворении «Праздник первых луж» (перевод Н. Переяслова) лирический герой заявляет: *Коль ночь меня вдруг тьмою обернет — / я вновь себя / найду в блестящей луже* [Айметов 2016: 114].

Каждый тип культуры представляет собой чрезвычайно сложную иерархию кодов. В современных исследованиях нет единства в определении понятий «код культуры» и «культурные коды». Культурный текст на уровне речи — это соединение различных систем, а не воплощение какого-либо одного кода. Если в ходе культурных контактов соединяются две совместимые иерархии кодов, то в результате получается новый культурный тип.

Н. Г. Меркулова предприняла попытку уточнения термина «код культуры» в значении сущности, ядра, основания конкретной культурной системы как категории гуманитарного дискурса. Исследуя соотношения понятий «культурный код», «язык культуры» и «менталитет», Н. Г. Меркулова приходит к следующему

выводу: «Менталитет предопределяет способы реагирования на определенные смысловые факторы окружающей реальности, он есть предрасположенность определенным образом мыслить, эмоционально воспринимать мир, совершать поступки. Культурный код, как правило, соотнесение информации с определенными знаками (символами), позволяющее понять преобразование значения в смысл, можно считать элементом ментальности конкретной человеческой общности» [Меркулова 2015: 82].

В гуманитарных науках первых десятилетий XXI в. термин «культурный код» применяется в диссертационных исследованиях литературоведов, историков, философов и культурологов, педагогов, которые изучают различные факты и явления литературы и культуры. В качестве примера приведем далеко не полный перечень диссертационных исследований рубежа XX–XXI вв.: Т. В. Болдырева «Типология культурных кодов в драматургии Л.Н. Андреева» [Болдырева 2008], Ф. Н. Гукетлова «Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков)» [Гукетлова 2009], О. А. Свирепю «Метафора как код культуры» [Свирепю 2002], Е. А. Куликов «Национальные и культурные коды в романах Дэна Симмонса» [Куликов 2018]. В диссертационном исследовании М. С. Ситовой «Комическое как код культуры (на материале мультикультурного общества современной Германии)» культурный код определяется как оптимальная форма хранения информации о знаках и символах [Ситова 2013]. В современных научных публикациях, посвященных осмыслению понятия «культурный код», намечается устойчивый междисциплинарный подход.

В культурном типе каждого народа, в том числе и татарского, присутствует основной культурный код, открытый к изменению и самопорождению новых, вторичных культурных кодов — по их связи со структурами культурно-социальных кодов. Набор культурных архетипов, характеризующих идентичность историко-культурного типа личности, социальной группы, образует культурно-символический код. В этом плане характерно творчество известной современной поэтессы Ильдияр Иксановой (наст. фа-

милия Гарипова, 1966 г. рожд.), лауреата литературных премий им. Сажида Сулеймановой (2006) и Хади Такташа (2009). В ее творчестве активно разрабатываются традиционные для татарской литературы темы, в том числе образ родины, который включает родную деревню поэтессы — Татарские Саралы, Казань и шире — Республику Татарстан. В стихотворениях «Туган жир» («Родная земля»), «Туган йорт» («Отчий дом») создается образ родной земли, родного дома, вбирающего в себя образы отца, матери, отчего дома, дочери как символа будущего нации, а также и народных праздников (например, Сабантуй («Сабантуй»). Так, в стихотворении «Туган йорт» («Отчий дом») образ отчего дома расширяется до размеров вселенной:

*Син миңа дөнъядан зуррак,
Син — Әти,
Син — Әни,
Син — Нигез.
Син — жирдә яшәүнең мәгънәсе,
Мәңгегә без ул — син,
Син ул — без [Иксанова 2018: 95].*

‘Ты (Отчий дом) для меня больше вселенной / Ты — Отец, / Ты — Мама, Ты — Основа жизни. // Ты — смысл жизни на Земле, / Навсегда мы — это Ты’.

В тоже время лирическая героиня стихотворения выражает самые сокровенные чувства, благодаря отчий дом за то, что с детства разделял с ней ее самые заметные мечты, являлся всегда опорой в трудные минуты жизни. В поэтическом цикле «Татарстан», посвященном 100-летию образования ТАССР, ретроспективно представлена история татарского народа с особым акцентом на историю XX столетия. Татарстан и ее столица Казань — культурная столица: *Тукай бар, / Мәрджәни, Кол Шәриф, / Кол Гали...—/ барысы да халыктан. // Гәйкәлме, мәчетме, / Алар бит / Без исән булсын дип калыккан!* ‘Есть Тукай, / Марждани, Кул Шариф, / Кул Гали... — / все они из народа. / Памятник ли, мечеть ли, / Они ведь / вознеслись, чтобы мы были живы!’ [Иксанова 2020: 136]. Поэтесса

выражает твердую уверенность в будущем татарского народа, сумевшего сохранить свою родную татарскую речь, имеющего славную тысячелетнюю историю, свои культурные и духовные ценности (Белокаменный Кремль, башню Сююмбике, мечети).

В творчестве Ильсияр Иксановой сильно проявляется гендерное начало — она выражает женский взгляд на социальные вопросы. Лирическая героиня Ильсияр Иксановой — сильная, яркая, уверенная в себе женщина с поэтической душой, открытая всем радостям мира. Не случайно она с гордостью замечает, что в поэзии она прежде всего женщина (*Мин — хатын-кыз* ‘Я — женщина’):

*Ал таң булып офыкларга кундым
Гәм көн булып төштем өзелеп,
«Шагыйрь» диеп соландылар бар да, —
Мин хатын-кыз идем иң элек!*

[Иксанова 2018: 156].

‘Как рассвет приземлилась на горизонты / Как каждый день, оторвавшись, упала, / Все говорили обо мне как о поэте / А я была прежде всего Женщиной!’

Поэтесса убеждена, что будущее — в руках татарских девушек и женщин. В стихотворении «Татар кызына» («Татарской девушке») И. Иксанова призывает татарских девушек сохранить прекрасное культурное наследие (мирас) и чистоту татарского народа:

*Син — милләтнең асыл йөзек кашы,
Асыл икәнәңне онытма!
Туган телне, милли рухны тапшыр
Балаларга,
Аннан — оныкка.*

[Иксанова 2018: 122].

‘Ты — драгоценный камень народа, / Не забывай своей чистоты! / Передай родной язык, народные традиции / своим детям, / затем внукам’.

Современные татарские поэты, выражая свою любовь к родной земле, нередко воспевают красоту природы родного края. Образ сада, полевых и лесных цветов в татарской поэзии XX в. в некоторых стихотворениях становится символическим, тесно переплетается с ностальгией по утраченной «малой родине». У Ильдара Юзеева это такие прозаические образы, как цветок картофеля в стихотворении «Бэрэнге чэчэге» («Цветок картофеля») и душица в песне «Мэтрүшкэлэр» («Душица», музыка А. Гилязова). В поэзии Ильсияр Иксановой родину напоминают рябина, сирень и одуванчики («Тузганак» («Одуванчик»)). Одуванчик привлекает поэтесу своей красотой и стойкостью, он первым встречает весну своим ярким желтым нарядом, а ветки сирени напоминают о лете и согревают душу лирической героини («Кышкы кэнэферлэр» («Зимние сирени»)). Таким образом, в творчестве каждого современного татарского поэта образ родины предстает оригинально и неповторимо, а всех современных татарских поэтов объединяет чувство ответственности за свой язык, за судьбу народа и горячая любовь к своей «малой родине» и Отчизне в целом.

Выводы

Изученные произведения современных татарских поэтов позволили сформулировать основную стратегию нашего исследования, которая сводится к следующему: культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо комплексом стереотипов в сознании. Это культурное бессознательное — не то, что говорится или четко осознается, а то, что скрыто от понимания, но проявляется в поступке. Культурный код нации помогает понимать ее поведенческие реакции, определяет народную психологию. В каждом культурном типе присутствует основной культурный код, открытый к изменению и самопорождению новых, вторичных культурных кодов — по их связи со структурами социальных кодов. Набор культурных архетипов, характеризующих идентичность историко-культурного типа личности, социальной группы, образует культурно-символический код. Универсальные механизмы смыслообразования трансформируются в культурной практике разных народов, а вариативность рассматриваемых ка-

тегорий обусловлена национальной традицией, актуальными для каждой историко-литературной ситуации познавательными установками, формой связей между исходной, переменной и зависимой областями.

Источники

- Айметов 2016 — *Айметов Р. К.* Свобода в неволе: Стихотворения / Рамис Аймет: пер. с татар. Н. В. Переяслова, С. В. Малышева. Казань: Магариф, Вақыт, 2016. 183 с.
- Иксанова 2018 — *Иксанова И. В.* Гомер сүрәте: шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2018. 223 б.
- Иксанова 2020 — *Иксанова И. В.* Татарстан: шигырьләр шәлкеме // Казан утлары. 2020. № 6. Б. 135–139.
- Морат 2014 — *Морат Г. В.* Кош хокукы: шигырьләр һәм поэмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. 399 б.
- Харисов 2006 — *Харисов Р. М.* Сайланма әсәрләр: 7 томда / Ренат Харис. Төз һәм кереш сүз авт. Ф. Ф. Хәсәнова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. Т. 6. 351 б.

Литература

- Болдырева 2008 — *Болдырева Т. В.* Типология культурных кодов в драматургии Л.Н. Андреева: дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2008. 186 с.
- Галимуллин 2016 — *Галимуллин Ф. Г.* Татарская литература: взгляд сквозь столетия: монография. Казань: Школа, 2016. 294 с.
- Гукетлова 2017 — *Гукетлова Ф. Н.* Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков): дисс. ... докт. филол. наук. М., 2009. 351 с.
- Куликов 2018 — *Куликов Е. А.* Национальные и культурные коды в романах Дэна Симмонса: дисс. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2018. 203 с.
- Меркулова 2015 — *Меркулова Н. Г.* Генезис, дефиниция и типологические характеристики понятия «культурный код» в гуманитарном дискурсе // Обсерватория культуры. 2015. № 6. С. 80–84.
- Свирепо 2013 — *Свирепо О. А.* Метафора как код культуры: дисс. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2002. 162 с.
- Ситова 2013 — *Ситова М. С.* Комическое как код культуры (на материале мультикультурного общества современной Германии): дисс. ... канд. культурологии. Ярославль, 2013. 240 с.

Невозвратная учебная миграция сельского населения Республики Калмыкия: особенности и риски для региона

Ноган Вячеславовна Бадмаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Бадмаева Н. В., 2022

Аннотация. Проблема невозвратной учебной миграции является одной из актуальных в республике. Такая учебная миграция несет с собой значительные риски: риск потери квалифицированных кадров, снижения качества интеллектуального потенциала региона, потери населения репродуктивных возрастов, риск утраты культурных традиций и языка и др. *Цель статьи* — по результатам проведенных глубинных интервью рассмотреть особенности учебной, а в последующем трудовой миграции сельского населения Калмыкии в города Москву и Санкт-Петербург. *Материалы и методы.* Для изучения процессов невозвратной учебной миграции было проведено исследование качественного характера. Автором были проведены глубинные интервью (N=20). Интервью были проведены методом телефонного опроса. *Результаты.* Учебная миграция в мегаполисы для большинства респондентов становится в дальнейшем трудовой миграцией. Покупка собственного жилья и создание семьи (в условиях миграции) влияет на возвратность мигрантов. Одним из последствий миграции молодежи становится проблема сохранения и ретрансляции этнической культуры, традиций и языка как в самой республике, так и мигрантами в регионе пребывания.

Ключевые слова: учебная миграция, невозвратная миграция, некомпенсируемая учебно-трудовая миграция, сельское население, молодежь, Республика Калмыкия, риски

Для цитирования: Бадмаева Н. В. Невозвратная учебная миграция сельского населения Республики Калмыкия: особенности и риски для региона // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 191–203. DOI:10.22162/2587-6503-2022-1-21-191-203

Non-Return Educational Migration from Rural Kalmykia: Characteristics and Risks for the Region

*Nogan V. Badmaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2022

© Badmaeva N. V., 2022

Abstract. Non-return educational migration tends to become a topical problem of the Republic for it entails considerable risks, such as shortage of qualified manpower, decreased intellectual potential, losses of childbearing age groups, endangered ethnic culture and language, etc. *Goals.* The article aims to analyze results of in-depth interviews for characteristics of educational — and further labor — migration from rural Kalmykia to Moscow and St. Petersburg. *Materials and methods.* The qualitative study of non-return educational migration examines a total of 20 in-depth phone interviews. *Results.* In most cases, educational migrations to megalopolises turn into labor ones to be further aggravated with a home purchase and consummation of marriage. The youth migration threatens the preservation and transmission of ethnic culture, traditions and language both in the Republic and in places of actual residence of such migrants.

Keywords: educational migration, non-return migration, non-compensatory educational and labor migration, rural population, youth, Republic of Kalmykia, risks

For citation: Badmaeva N. V. Non-Return Educational Migration from Rural Kalmykia: Characteristics and Risks for the Region. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2021; 1: 191–203. (In Russ.). DOI:10.22162/2587-6503-2022-1-21-191-203

Введение

Учебная миграция — один из доминирующих (после трудовой) типов миграции в современном обществе. Межрегиональная миграция выпускников школ, по мнению исследователей, связана с неоднородностью развития и распределения университетов по стране [Лобова, Вегвари 2018: 203]. Молодые люди в данном случае ищут для себя новые образовательные и экономические возможности. В Калмыкии учебная миграция достаточно распространена. Это связано с наличием в республике всего лишь одного государственного вуза — Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова. В исследовании по проблеме образовательной миграции в России Республика Калмыкия отнесена к группе регионов, где вузы этих регионов характеризуются низкой востребованностью выпускниками школ [Габдрахманови др. 2019: 23].

Города Москва и Санкт-Петербург — одни из основных направлений учебной миграции населения Республики Калмыкия. Исследователи также отмечают, что основные регионы, куда устремлены миграционные потоки со всей страны, — это Москва и Санкт-Петербург, прилегающие к ним области, Московская и Ленинградская [Смелов и др. 2017: 157]. Н. В. Мкртчян в данном случае говорит о центростремительном направлении, имеющем два уровня, где первый уровень — это Московский столичный регион, второй — Санкт-Петербург и Ленинградская область [Мкртчян 2018: 569]. Исследователи также называют данные регионы регионами-магнитами, поскольку они пользуются большой популярностью у выпускников школ и имеют невысокие показатели послевузовской миграции. Вузы данных регионов притягивают выпускников школ из менее крупных и экономически развитых регионов [Рылов, Севостьянова 2020: 209].

Учебная миграция молодежи с учетом ее обязательного возвращения способствует улучшению качества человеческих ресурсов региона, росту экономического потенциала. Однако учебная миграция несет с собой и значительные риски для региона: риск потери квалифицированных кадров, снижения качества интеллек-

туального потенциала региона, потери населения репродуктивных возрастов, ускоряющий процессы депопуляции, в национальных регионах — риск утраты культурных традиций и языка. Опасность для региона оттока молодёжи в связи с учебной миграцией обусловлена её преимущественно невозвратным характером; такая миграция становится некомпенсируемой [Захарова 2019: 73; Очинова 2021: 186].

Цель данной статьи — по результатам проведенных глубинных интервью рассмотреть особенности учебной, а в последующем трудовой миграции сельского населения Калмыкии в города Москву и Санкт-Петербург.

Материалы и методы. Для изучения процессов невозвратной учебной миграции было проведено исследование качественного характера. Исследование проводилось методом глубинного структурированного интервью. Поиск респондентов осуществлялся по методу «снежного кома» (snowball). Всего было проведено 20 интервью с сохранением гендерного баланса — 10 мужчин и 10 женщин (см. табл. 1). В 2020 г. был принят Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», в котором возраст молодежи повысили до 35 лет включительно [Федеральный закон...].

Таблица 1. Распределение респондентов по полу и возрасту

Возраст	мужчины	женщины
18–29	5	2
30–34	5	8

Интервью были проведены методом телефонного опроса. В исследовательские задачи входило изучить следующие вопросы: что повлияло на решение учиться в г. Москве или Санкт-Петербурге, адаптация к учебному процессу, длительность нахождения в миграции, поиск работы и профессиональное развитие, дальнейшие их жизненные стратегии, связи с малой родиной, сохранение этнической и религиозной идентичностей, финансовая помощь родственникам и др.

Основная часть. Поскольку в данном исследовании принимали участие респонденты, которые уехали в рассматриваемые города с целью получения образования, нами был задан вопрос, как принималось решение о получении образования в г. Москве или Санкт-Петербурге.

Большая часть респондентов принимала решение об обучении в другом городе за 2–3 года до поступления в вуз. Многие респонденты принимали решение о миграции самостоятельно («решение было самостоятельным, лучшее образование — в Москве»). Часть респондентов принимала решение вместе с родителями: «общее решение — собственное и родителей», «на мое решение повлияла мама, и я ей очень благодарна», «решение принимала с мамой».

Часть респондентов, прежде чем уехать учиться в вуз в другой город, в старших классах переезжали из своего села или поселка в столицу республики. Одна из респондентов отметила: «Сначала переехала в город, училась в педагогическом лицее, потом поступила в Москву, закончила Тимирязевскую академию...».

Респонденты-девушки в большей степени принимали решение самостоятельно, только две из десяти опрошенных девушек отметили, что решение принимали с родителями. Среди молодых людей половина респондентов принимали решение с родителями.

Для изучения вопросов обучения в вузе было задано два вопроса. Первый вопрос о том, сталкивались ли с трудностями в процессе освоения учебных дисциплин; второй вопрос — об отношениях с однокурсниками. При ответе на первый вопрос, большая часть респондентов ответила, что вопрос респонденты также в большинстве своем ответили положительно, только единицы ответили, что не общались со своими однокурсниками, а общались со своими земляками. Респонденты, имевшие положительный опыт общения с однокурсниками, отмечали, что однокурсники из других городов проявляли интерес к Калмыкии, задавали вопросы о республике, калмыцком языке, буддизме и др.

Поскольку респонденты приезжали учиться сразу после окончания школы, то длительность нахождения в миграции у них варьируется в основном от 8 до 17 лет.

Образовательные учреждения, выпускниками которых являются интервьюируемые респонденты, следующие: Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А.Тимирязева, Российский государственный университет туризма и сервиса (РГУТИС), Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), Московский педагогический государственный университет (МГПУ), Санкт-Петербургский государственный медицинский университет (СПбГМУ), Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ), Московский государственный технологический университет «Станкин» (МГТУ «Станкин»), Российский государственный университет правосудия (РАП), Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина (РГУНГ им. И.М. Губкина), Российский государственный социальный университет (РГСУ), Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова, Государственный университет управления, Московский государственный университет им. М.Ю. Ломоносова, Московский государственный строительный университет (МГСУ), Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (РЭУ). Как мы видим, респонденты получили образование в большинстве своем в престижных вузах страны.

Практически все респонденты удовлетворены заработной платой, часть отмечает, что хотели бы получать больше. Большая часть респондентов работают в частных компаниях, несколько человек — на государственной службе. Анализ профессиональных статусов респондентов в гендерном разрезе показал, что женщины больше работают в финансовой и банковской сферах, мужчины в сфере информационных технологий, строительстве, на государственной службе.

Респонденты отмечали, что при поиске работы трудности в основном возникали из-за отсутствия опыта работы: «опыта работы и знаний не хватало», «разные (трудности), то нет опыта, то английский не знаю и т. д., потом поднимал уровень языка», «тяжело устроиться без опыта, очень много рассылал резюме, проходил собеседования», «без опыта не берут», «поначалу отсутствие опыта».

Среди трудностей были отмечены также проблемы с поиском подходящей вакансии, один респондент отметил, что не мог найти работу по национальному признаку; респонденты-девушки отмечали, что не могли найти работу с подходящим графиком, поскольку у них маленькие дети. Были также ответы, что работу помогли найти земляки.

Многие устраивались на работу на старших курсах обучения в вузе. Одна из респондентов отметила: «работала с 4-го курса, ходила на собеседования, на первое место быстро устроилась, работала операционистом в банке».

Большая часть респондентов планирует в дальнейшем развиваться в профессиональном плане: кто-то хочет открыть свое дело, кто-то — повышать свою квалификацию, кто-то — наработать клиентскую базу и открыть свой офис и т. д.

Наличие жилья является важным фактором, влияющим на возвратность мигрантов. По данным проведенных интервью, почти половина респондентов (9 человек из 20) проживает в собственном жилье.

Не планируют вернуться в республику 14 респондентов, о своих планах вернуться в родной регион утвердительно ответили 5 респондентов. Планируют вернуться в республику, но через 5–10 лет треть респондентов; вернуться «возможно в старости» и затруднились ответить — чуть менее трети респондентов. Одна из респондентов вернулась в Калмыкию в 2020 г., работает удаленно, пока не уверена, что вернулась навсегда. Рассмотрим варианты ответов респондентов на данный вопрос.

Таблица 2. Варианты ответов на вопрос «Сколько лет планируете здесь жить и работать? Планируете ли возвращаться в Калмыкию?»

нет	неопределенный ответ
нет возврата, смысл (возвращения); не планирую возвращаться в Калмыкию; всю жизнь (жить в Москве), нет, не планирую; 10 лет, после возможен переезд на юг (Кавказские минеральные воды, Ростов-на-Дону) либо иммиграция; всегда, не планирую	планирую вернуться ближе к 50–55 годам; планирую вернуться через некоторое время; возвращаться не планирую, может, только в старости, если будет нужно; пока сложно сказать, возвращаться в Калмыкию не планирую; сложно сказать, хотелось бы вернуться, но нужно накопить на жильё; планирую уехать за границу, возможно, вернусь; хотелось бы, но если куплю жилье здесь, то навряд ли вернусь; пока не знаю; не знаю, не могу сказать, скорее нет; если нет работы и зарплаты маленькие; возвращаться пока не планирую; 30 (лет), наверное, нет, но буду часто приезжать

Варианты ответов, представленные в таблице 2, показывают, что респонденты не видят свое будущее в республике, «призрачные» ответы, что «возможно», «когда-нибудь в старости» и т. д. говорят о практически невозвратной учебной, а затем трудовой миграции молодежи республики.

Как мы уже отмечали, покупка собственного жилья влияет на возвратность мигрантов, одна из респондентов отметила: «хотелось бы (вернуться), но если куплю жилье здесь, то навряд ли вернусь...». Часть респондентов планирует жить в регионе с более благоприятным климатом: «на море» или в районе Кавказских минеральных вод.

На вопрос, по какой причине назад в Калмыкию возвращаются родственники или друзья респондентов, были даны следующие ответы: «устают от большого города, поиска жилья», «создать семью, растить детей», «по семейным причинам», «кто-то хочет детей там воспитать, там легче, кто-то устал от большого города», «неудача в Москве, поступление на госслужбу в Республике Кал-

мыкия», «не могут найти работу в Москве», «хотят растить детей дома», «работу находят, кто-то свое дело начинает, хотят быть с родителями, родственниками».

Таким образом, основными причинами возвращения в республику являются:

- 1) желание создать семью, воспитывать детей в республике;
- 2) неудачи в Москве, потеря работы в Москве;
- 3) семейные обстоятельства;
- 4) желание открыть свое дело, работа в республике.

Из опрошенных респондентов половина проживает со своей семьей в г. Москве или г. Санкт-Петербурге, другая половина респондентов проживают без семьи. На постоянной основе помогают родственникам, в основном родителям, 6 респондентов, не помогают никому 8 человек, 6 человек помогают редко, по просьбе.

Несмотря на то, что респонденты проживают в мегаполисах, большая часть из них (17 человек) следит за жизнью республики. Только три респондента не интересуются жизнью региона. Респондентов волнуют не только экономические, социальные и политические проблемы, но и проблемы сельского хозяйства, экологии, отсутствия воды, в целом проблемы маленьких поселков, проблемы взаимоотношения между жителями республики, проблемы сохранения калмыцкого языка. Вот примеры проблем, которые обозначили респонденты: «меня волнуют многие проблемы, от политики до потери калмыцкого языка, социальные проблемы — нет нормальных врачей, дороги ужасные, едешь в поселок, а дорога такая, как когда я уезжал и еще хуже», «волнуют проблемы развития региона», «экономика, засухи и прочее», «беспокоит безработица, моральная сторона, экономика...», «социальные, политические и экономические...», «опустынивание, качественная вода, экономика», «душа болит! здравоохранение, первая причина нежелания возвращаться домой, вторая — нет достойной работы, остальное терпимо...», «безработица, низкие зарплаты, уровень жизни, проблемы культуры и языка», «мой поселок вымирает, нет воды, засушливость, отток населения и т. д.», «экономика, социалка, увядание моего поселка, раньше там было очень хорошо».

Такие сложные экономические, социальные проблемы волнуют респондентов, в то же время эти проблемы являются факторами, которые выталкивают молодежь из сельской местности и из региона в целом. Если уже несколько человек не интересуются жизнью региона, они теряют связь с ним, что в значительной степени влияет на невозвратность этих мигрантов.

Респонденты-девушки чаще, чем мужчины приезжают в Калмыкию, в основном 2–3 раза в год, мужчины реже приезжают, в основном 1 раз в год или даже 1 раз в два года.

На вопрос общаются ли респонденты с земляками, встречаются ли во время празднования калмыцких праздников (Зул, Цаган Сар), большая часть интервьюируемых дала положительный ответ. Четыре человека дали отрицательный ответ. Но при этом общение, по нашему мнению, происходит в основном с небольшим кругом близких людей: «общаюсь с одноклассниками», «я общаюсь только с близкими подругами, на землячество ни разу не ходила, муж ходил на 100-летие Калмыцкой автономии...». Одна из респондентов активно участвует в общении с земляками: «общаюсь, хожу на эти праздники, ходила на курсы калмыцкого языка».

В Санкт-Петербурге, как отметила одна из респондентов, землячество не такое активное, как в Москве, нет масштабных мероприятий по случаю калмыцких праздников.

В результате проведенных интервью выяснилось, что респонденты в большинстве своем не владеют калмыцким языком или знают его плохо, многие отмечают, что знают несколько слов или только могут понять сказанное, но сами не говорят. В целом респонденты оценивают знание и владение калмыцким языком следующим образом: «могу понять разговор, но не говорю самостоятельно», «плохо владею», «средне, после того как уехала, забыла большую часть слов, до этого участвовала в олимпиадах по калмыцкому», «школьная программа», «элементарные фразы и слова знаю», «плохо владею, в школе были 5-ки, но нет практики». Только одна девушка-респондент ответила, что хорошо знает язык, потому что «училась в национальном классе и жила с бабушкой»¹.

¹ На наш взгляд, второй фактор (проживание с бабушкой), указанный в интервью респондентом, является более значимым.

Также результаты интервью показали, что практически никто не использует калмыцкий язык при встречах, на концертах и т.д. Если респонденты проживают с родителями, с мужем или родной сестрой или братом, то они используют некоторые слова и выражения. Респонденты, проживающие одни, отмечают, что им не с кем разговаривать на калмыцком языке.

Анализ ответов респондентов показал, что большая часть респондентов испытывали потребность в знании языка, истории и культуры Калмыкии: «на 4–5 курсе стала задумываться, в последнее время все больше хочется узнать о роде, семейном древе и т. д.», «есть конечно», «да, обостряется все это», «да есть, хотелось бы знать больше, в школьной программе было очень мало информации», «бывает, надо, чтобы дети мои потом знали хотя бы культуру, историю...».

Из Калмыкии большая часть респондентов получает в основном мясо, шесть человек ответили, что не получают посылки, из них одна респондент отметила, что не получает посылки, потому что «стала веганом». Таким образом, этот ответ подразумевает, что содержание посылок из Калмыкии — это в основном мясные продукты. Помимо мяса, в посылках также передают тушенку, колбасу, сало и берики (пельмени).

Последние несколько лет в Москве стали продаваться продукты питания, произведенные в Калмыкии. Мы выяснили, как часто и что приобретают респонденты. В основном приобретают мясо, берики (пельмени), колбасу, тушенку. Некоторые отмечают, что делают это редко: «берики (пельмени), мясо, но иногда, потому что неудобно ездить, искать его». Небольшая часть респондентов (4 человека) отметили, что не покупает данные продукты питания.

Поскольку большая часть респондентов обозначили себя верующими буддистами, нами были заданы вопросы, как они поддерживают свою религиозную практику в большом городе. Половина респондентов-девушек отметили, что у них в квартире есть алтарь. Из респондентов-мужчин алтарь был только у троих. Два респондента выразили желание установить у себя дома алтарь. Другая половина респондентов-мужчин отметила, что у них нет алтаря.

Также большая часть респондентов отметила, что не посещает буддийские центры в Москве или Санкт-Петербурге. Только несколько человек дали положительный ответ, два человека отметили, что иногда посещают православные храмы, часовни. Было отмечено, что респонденты обязательно посещают буддийский храм, приезжая в Калмыкию, и что в последнее время у них появилась возможность «заказать» чтение молитв калмыцким, бурятским ламам через мессенджеры, телефонную связь.

Важно отметить, что респонденты, в большинстве случаев после окончания вуза, создают семьи также за пределами республики. Анализ интервью показал, что респонденты, кто состоит в браке, познакомились не в Калмыкии, а в городе проживания (Москва или Санкт-Петербург). В основном знакомились через интернет или знакомых. Свадьбы многие респонденты отмечали в Калмыкии, некоторые респонденты отмечали свадьбы как в городе проживания (Москве, Санкт-Петербурге), так и в Калмыкии.

Выводы. Учебная миграция в мегаполисы для большинства респондентов становится в дальнейшем трудовой миграцией. Респонденты, получая образование в престижных вузах Москвы и Санкт-Петербурга, практически без проблем устраиваются на работу. Здесь можно говорить о феномене «некомпенсируемой образовательно-трудовой миграции», когда обретение соответствующего профессионально-квалификационного статуса вносит поправки в установки образовательного мигранта — социальные цели дополняются экономическими, связанными с возможностью трудоустройства в регионе пребывания [Ильина и др. 2019: 169].

На невозвратность мигрантов влияет фактор приобретения собственного жилья и создание семьи. Республика не рассматривается молодыми людьми как место для комфортной жизни и профессиональной реализации. Невозвратная миграция молодежи с территории национального региона остро ставит вопросы, в частности, сохранения и ретрансляции этнической культуры калмыков, традиций и языка и, шире, развития региона в целом.

Литература

- Габдрахманов и др. 2019 — *Габдрахманов Н. К., Никифорова Н. Ю., Лешуков О. В.* «От волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 48 с.
- Захарова 2019 — *Захарова И. В.* Сдерживание межрегиональной учебной миграции: роль вузов // Высшее образование в России. 2019. № 7. С. 71–84.
- Ильина и др. 2019 — *Ильина Л. А., Нагимова И. А., Комарова Е. С.* Состояние и типологизация процессов образовательной миграции в России и мире // Вестник Уфимского государственного нефтяного технического университета. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. № 4. С. 164–171.
- Лобова, Вегвари 2018 — *Лобова С. В., Вегвари Б.* Некоторые детерминанты и последствия миграции молодежи для Алтайского края // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. 2018. № 5. С. 201–213.
- Мкртчян 2018 — *Мкртчян Н. В.* Внутрироссийская миграция в региональных столицах и нестолических территориях // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2018. № 16. С. 568–585.
- Очирова 2021 — *Очирова Г. Н.* Образовательная миграция из Республики Бурятия: факторы, масштабы и направления // Вестник университета. 2021. № 4. С. 181–188.
- Рылов, Севостьянова 2020 — *Рылов Д. А., Севостьянова Д. П.* Внутригосударственная учебная миграция выпускников школ в современной России // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: мат-лы XIX (заочной) Всерос. науч. конф., посвящ. памяти проф. З. И. Файнбурга (г. Пермь, ноябрь 2020 г.). Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2020. С. 206–211.
- Смелов и др. 2017 — *Смелов П. А., Егорова Е. А., Изварина В. А.* Трудовая миграция в Российской Федерации // Федерализм. 2017. № 3. С. 149–160.
- Федеральный закон — Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [электронный ресурс] // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 15.01.2022).

УДК / UDC 316.3

DOI:10.22162/2587-6503-2022-1-21-204-235

Анализ спроса и предложения на современном рынке труда Республики Тыва: профессиональные и гендерные аспекты

Татьяна Ивановна Горина¹, Органа Доржуевна Натсак²

¹ Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (д. 24/35, к. 5, ул. Кржижановского, 117218 Москва, Россия)

научный сотрудник

 0000-0001-6936-1419. E-mail: gorina@cpr.i.ru

² Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Республике Тыва (д. 4, ул. Кочетова, Республика Тыва, 667000 Кызыл, Россия)

кандидат философских наук, ученый секретарь

 0000-0003-1833-4810. E-mail: nod695596@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Горина Т. И., Натсак О. Д., 2022

Аннотация. *Цель* статьи — анализ рынка труда Республики Тыва, его профессиональных и гендерных аспектов на основе данных аналитической системы мониторинга вакансий и резюме, разработанной Центром цифровой трансформации и анализа данных Всероссийского научно-исследовательского института труда Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, статистических параметров напряженности регионального рынка труда, а также результатов социологического исследования, проведенного в республике в мае 2021 г. *Результаты.* Авторами впервые проведено углубленное исследование рынка труда в Республике Тыва через анализ структуры спроса и предложения на региональном рынке труда на основе данных, полученных с помощью применения программно-аппаратного решения по мониторингу публичного рынка вакансий и резюме, созданного специалистами Всероссийского научно-исследовательского института труда Минтруда России. Представлены результаты сопоставления количественных и качественных

характеристик вакансий и резюме; сравнение спроса и предложения по группам специальностей, уровням образования и квалификации, а также сравнение запросов рынка вакансий с социально-демографическими характеристиками безработных в Туве по официальным статистическим данным. Особое внимание в статье уделено гендерным, образовательным, возрастным характеристикам ищущих работу на онлайн-платформах и требуемым характеристикам, которые предъявляются в предлагаемых вакансиях. Также был проведен сравнительный анализ предлагаемых вакансий и запрашиваемых соискателями уровней зарплат, выстроен рейтинг индустрий по количеству вакансий и изучена представленность организаций, зарегистрированных в других субъектах РФ, предлагающих вакансии жителям Республики Тыва. В статье показано, что на рынке труда Республики Тыва налицо признаки «квалификационной ямы», дисбаланса между профессионально-квалификационным спросом и предложением. Наличие такой «квалификационной ямы» как по позициям, требующим высшего образования, так и по рабочим профессиям, будет только усугублять ситуацию в целом.

Ключевые слова: Республика Тыва, региональный рынок труда, напряженность на рынке труда, онлайн-платформы поиска работы, структура спроса и предложения на рынке труда Республики Тыва

Для цитирования: Горина Т. И., Натсак О. Д. Анализ спроса и предложения на современном рынке труда Республики Тыва: профессиональный и гендерный аспекты // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 204–235. DOI:10.22162/2587-6503-2022-1-21-204-235

Analyzing Supply and Demand in Tuva's Labor Market: Professional and Gender Aspects Revisited

Tatiana I. Gorina¹, Organa D. Natsak²

¹ Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (24/35, Bldg. 5, Krzhizhanovsky St., 117218 Moscow, Russian Federation)

Research Associate

 0000-0001-6936-1419. E-mail: gorina@cpri.ru

² Tuva Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research, Government of the Tyva Republic (4, Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philosophy), Academic Secretary

 0000-0003-1833-4810. E-mail: nod695596@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Gorina T. I., Natsak O. D., 2022

Abstract. *Goals.* The first in-depth study of Tuva's labor market analyzes data obtained via hardware/software monitoring solutions created by National Labor Research Institution (Ministry of Labor of Russia) for actual demand and supply structures. *Results.* The paper compares and introduces qualitative and quantitative characteristics of CVs and vacancies; considers demand and supply figures by professional groups, educational levels and qualifications; compares the existing vacancies to sociodemographic characteristics of Tuva's unemployed residents according to official statistical data. Special attention is paid to gender, educational, and age parameters of job applicants from online resources — and actual job offer requirements. The work also provides comparative insights into levels of wages mentioned in job applications and offers respectively, rates industries by number of vacancies, explores representativeness of potential employers registered in other regions of Russia. *Conclusions.* The article shows Tuva's labor market is vividly characterized by 'skills mismatch', i.e. a misbalance between demand and supply in terms of professions and qualifications — whether involving university degrees or without the latter — that shall keep aggravating the unemployment agenda and adversely influence household incomes.

Keywords: Tyva Republic, regional labor market, tensions, job search websites, labor demand and supply structures in Tuva

For citation: Gorina T. I., Natsak O. D. Analyzing Supply and Demand in Tuva's Labor Market: Professional and Gender Aspects Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2022; 1: 204–235. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-204-235

Введение. Для исследования рынка труда регионов, которые отличаются высоким уровнем напряженности, недостаточно анализа только статистических данных. Использование исключительно статистических методов не дает полного представления о

процессах, которые происходят в сфере занятости. Включение в исследовательское поле данных платформ Интернет-рекрутинга дает более детальную информацию о тенденциях и конъюнктуре в сфере спроса и предложении на рынке труда, существующих отклонениях в профессионально-квалификационной структуре и фактической емкости и напряженности на рынке труда региона. С этой точки зрения в изучении рынка труда таких регионов, как Республика Тыва, необходимо применять новые подходы, в том числе с использованием анализа больших данных.

Актуальность углубленного исследования рынка труда Республики Тыва вызвана тем, что республика отличается на фоне других российских регионов двумя взаимосвязанными характеристиками социально-экономического развития — высоким уровнем бедности и безработицы. Подобное исследование может иметь не только научную ценность, но и практическую значимость в пересмотре, к примеру, структуры подготовки специалистов и переобучения безработного населения.

Эмпирической основой этого научного исследования являлись данные о вакансиях и резюме крупнейших в России онлайн-платформ: «Работа в России» — общероссийской базы вакансий и резюме (trudvsem.ru), SuperJob (superjob.ru), HeadHunter (hh.ru), которые были получены с помощью вышеуказанного программно-аппаратного решения Всероссийского научно-исследовательского института труда (далее — ВНИИ труда) Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации (далее — Минтруда России), позволяющего собирать и обрабатывать публичную информацию, размещенную на этих рекрутинговых онлайн-платформах, публикующих актуальные объявления о вакансиях в разных регионах Российской Федерации¹.

Целью статьи является анализ рынка труда Республики Тыва, его профессиональных и гендерных аспектов на основе данных

¹ ВНИИ труда представил аналитическую систему мониторинга вакансий и резюме [электронный ресурс] // URL: <https://vcot.info/news/vnii-truda-predstavil-analiticeskuu-sistemu-monitoringa-vakansij-i-rezume> (дата обращения: 05.07.2021).

аналитической системы мониторинга вакансий и резюме, разработанной Центром цифровой трансформации и анализа данных ВНИИ труда РФ, статистических параметров напряженности регионального рынка труда, а также результатов социологического исследования, проведенного в Республике Тыва в мае 2021 г. Исходя из поставленной цели были определены следующие задачи: проанализировать профессиональную структуру вакансий и резюме по Республике Тыва, их соотношение по профессиям, требующим высшего образования; определить рейтинги индустрий по количеству вакансий и резюме, региональные и межрегиональные характеристики рекрутмента; изучить гендерные особенности активности участников рынка вакансий и резюме в сети Интернет, в том числе зарплатных притязаний.

Методологические основы. В презентации аналитической системы по мониторингу публичного рынка вакансий и резюме, созданного специалистами ВНИИ труда Минтруда России, технология сбора данных описывается следующим образом: «Сведения о вакансиях и резюме собираются из открытых источников на основе технологии больших данных, имеют широкий региональный охват и в целом дают представление о тенденциях на рынке труда, изменениях текущей потребности в работниках на федеральном и региональном уровнях, в профессиональном разрезе. Программа позволяет формировать отчет по вакансиям и резюме, размещенным в установленный период в определенном регионе, в том числе по отраслевому признаку, с учетом удаленной занятости и вахтового метода, половозрастного состава работников»². Этапы разработки системы, цель создания и ее возможности довольно подробно охарактеризованы в работе Д. Н. Платыгина, С. Ю. Попкова, В. М. Смирнова, Н. А. Волгина, Е. В. Вашаломидзе, В. И. Джума, Е. С. Улановой «Система мониторинга, анализа и экспертизы сфе-

² ВНИИ труда представил аналитическую систему мониторинга вакансий и резюме [электронный ресурс] // URL: <https://vcot.info/news/vnii-truda-predstavil-analiticeskuu-sistemu-monitoringa-vakansij-i-rezume>. (дата обращения: 11.12.2021).

ры трудовых отношений» [Платыгин и др. 2020]. Отличительной особенностью этой системы является учет только уникальных публикаций, другими словами, если публикация повторяется несколько раз на одном или нескольких сайтах, то система считает ее однократно.

В ходе нашего исследования был сформирован запрос по следующим критериям по Республике Тыва по двум временным периодам (2020 г. и январь – июнь 2021 г.), которые проанализированы в настоящей статье:

- количество резюме;
- распределение соискателей по социально-демографическим характеристикам;
- количество вакансий и их отраслевая принадлежность;
- линейное распределение профессиональной принадлежности резюме и вакансий (ТОП-20);
- сопоставление притязаний по заработной плате соискателей и предложений работодателей;
- линейное распределение наименований организаций, объявляющих о вакансиях (ТОП-20).

В статье также использованы результаты социологического исследования, проведенного в Республике Тыва в апреле 2021 г. Центром изучения социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН под руководством доктора философских наук, профессора З. Т. Голенковой.

Опрос населения республики (старше 18 лет) был проведен по репрезентативной выборке Республики Тыва (N=1 539 ед.), методом личного интервью. Для более детального изучения проблемы была также проведена серия глубинных интервью с сотрудниками Центров занятости Республики Тыва.

В качестве официальной информации в статье использованы данные Росстата.

История вопроса. За последние 10 лет был опубликован ряд работ о разных аспектах регионального рынка труда Республики

Тыва. Рынок труда Тувы исследовался с нескольких точек зрения: восприятия республики как слабоурбанизированного региона [Балакина, Кылыгдай 2015], перехода к технологическому развитию [Монгуш 2018], проблемной специфики [Кылыгдай 2012; Ойдуп, Кылыгдай 2015]. Анализировались также вопросы женской занятости и безработицы [Хертек 2016].

Эти работы объединяет общий методологический подход, а именно преимущественное, в некоторых случаях исключительное использование статистического метода.

Исследования рынка труда, поведенческих моделей, социально-демографических особенностей незанятых, самозанятых, продолжительности пребывания в статусе безработного в Республике Тыва на основе социологических методов с обеспечением полноты репрезентативной выборки по республике, а также трансформации социально-профессиональной структуры в республике появились лишь с 2019 г. [Орехова 2019; Голенкова, Голиусова, Самба 2021].

Среди работ, исследующих российский рынок труда в целом, для настоящей статьи наиболее ценными с методологической точки зрения явились исследования, анализирующие современный российский рынок труда в сфере спроса и предложения на основе анализа вакансий и резюме [Мальцева, Майорова, Сафонова 2020]. В работе А. В. Мальцевой, А. В. Майоровой, Е. А. Сафоновой представлены результаты комплексного исследования спроса и предложения на рынке труда, проведенного ВНИИ труда и Санкт-Петербургским государственным университетом. Речь идет об анализе и систематизации данных портала Интернет-рекрутмента HeadHunter в разрезе российских регионов, сфер, типов занятости, размера зарплат, которые позволили выявить тенденции в спросе и предложении на рынке труда, регионы с дефицитом и избытком кадров [Мальцева, Майорова, Сафонова 2020: 40].

Современные подходы к оценке и регулированию напряженности на рынке труда как инструментам управленческих решений предложены в работе Н. П. Панина, И. А. Волошиной, В. В. Харьковина [Панин, Волошина, Харьковин 2021]. Ими был предложен ана-

литический и методологический инструментарий оценки напряженности на рынке труда и обоснованы три фактора, оказывающих наиболее заметное влияние на ее снижение [Панин, Волошина, Харькин 2021: 20]. Среди них увеличение уровня финансирования активной политики занятости; повышение уровня взаимодействия органов службы занятости с работодателями, измеряемой числом заявленных работодателями вакансий в расчете на одного работника центра занятости; рост уровня профессионально-квалификационного спроса [Панин, Волошина, Харькин 2021: 14]. Из них третий фактор является важным для темы настоящей статьи. Кроме того, указанные авторы обосновали важность внедрения технологий «больших данных», платформенных и цифровых решений в оценке напряженности рынка труда, в том числе для разработки единой общероссийской базы данных трудовых ресурсов [Панин, Волошина, Харькин 2021: 17, 20].

Новизной методологического подхода, примененного в предлагаемой статье, является исследование регионального рынка Республики Тыва путем сбора сведений о вакансиях и резюме крупнейших сайтов-агрегаторов Интернет-рекрутинга, анализа предложений работодателей из регионов — реципиентов трудовой миграции, испытывающих дефицит квалифицированных кадров и рабочей силы, в комбинации с социологическим исследованием. Такой постановки вопроса по рынку труда Республики Тыва не было ранее предпринято. Аналитический обзор существующей научной литературы, посвященной проблемам занятости и безработицы в Республике Тыва, показал, что практически нет работ, рассматривающих вопросы фактической емкости регионального рынка труда, структуру спроса и предложений на рынке вакансий с точки зрения конкретных профессий и гендерных измерений. С этой позиции представленная статья обладает научно-методологической новизной.

Региональные параметры рынка труда Республики Тыва

Рассмотрим статистические данные об отдельных характеристиках напряженности на рынке труда Республики Тыва в 2019 г.

Республика Тыва занимала по итогам 2019 г. 84-е место среди субъектов РФ по уровню занятости — 47,5 %, а уровень занятости в трудоспособном возрасте — 55,0 % [Регионы России 2020: 182–183]. Уровень безработицы в 2019 г. составил 12,3 %, а уровень зарегистрированной безработицы — 4,3 % [Регионы России 2020: 203]. Коэффициент напряженности на рынке труда составил 12,3 %, что значительно ниже, чем показатели напряженности в Республике Ингушетия (320,6 %), Республике Дагестан (171,1 %), Чеченской Республике (41,2 %), Республике Северная Осетия–Алания (31,3 %), но выше, чем в остальных субъектах РФ, кроме вышеуказанных.

Нагрузка незанятого населения, состоящего на регистрационном учете в органах службы занятости населения в расчете на одну заявленную вакансию в 2019 г. в Республике Тыва, составила 3,6 чел. при среднероссийском значении 0,5 чел. [Регионы России 2020: 212]. Показатель по Тыве не является самым высоким по России. В таких регионах, как Республика Ингушетия (169,1 чел.), Чеченская Республика (29,2 чел.), Республика Дагестан (22,1 чел.), данный показатель значительно превышает среднее значение по РФ [Регионы России 2020: 212].

Среднее время поиска работы в Республике Тыва, по данным 2019 г., составило 7,9 месяцев, что ненамного превышает среднероссийский показатель — 7,2 мес. [Регионы России 2020: 212], при этом доля ищущих работу 12 месяцев и более составляла 36,1 %, в то время как в РФ — 25,2. Это не самый высокий показатель по России, в Курганской области, например, значение этого показателя равняется к 41,6, но все же свидетельствует о пролонгированном во времени пребывании достаточно большой доли лиц в статусе ищущих работу.

По способам и каналам поиска работы статистические данные и результаты вышеуказанного общереспубликанского социологического исследования показали, что существенных отличий от российских тенденций не наблюдается.

Таблица 1. Способы поиска работы в Республике Тыва

Способы поиска работы	Данные Росстата	Данные социологического исследования
Обращение в органы службы занятости	20,3	38,0
Обращение в коммерческую службу занятости	1,5	12,6
Обращение в СМИ, Интернет	39,9	44,0
Обращение к друзьям, родственникам, знакомым	49,6	50,4
Обращение непосредственно в администрации работодателей	29,1	34,7
Другие способы	5,4	0,4

Источники: Росстат, данные социологического исследования, проведенного в Республике Тыва в 2021 г.

Приведенные в Таблице 1 данные демонстрируют наибольшее доверие, которое вызывает использование своих социальных связей, среди способов поиска работы. Обращает на себя внимание тот факт, что отслеживание вакансий в СМИ, Интернете (сайты поиска работы, соцмедиа) представляется участникам опроса наиболее эффективным, чем, например, обращение в органы службы занятости.

Анализ спроса и предложения на рынке труда

По данным аналитической системы ВНИИ труда общее количество резюме в 2020 г. составляло 6 765, за первое полугодие 2021 г. — 9 978. По отчетным данным Министерства труда Республики Тыва, общая численность безработных (по методологии МОТ) за 2020 г. — 23 500 человек, за первый квартал 2021 г. — 26 000 человек. Логично предположить, что публикацией резюме занимались преимущественно безработные граждане. Если исходить из этого, в 2020 г. свое резюме опубликовало 29 % ищущих работу, в первом полугодии 2021 г. — 38 %.

Лидером по количеству резюме является общероссийская база вакансий и резюме trudvsem.ru, которую использует сеть центров занятости. Полагаем, что размещение безработными своих резюме в общенациональной базе является практически обязательной процедурой при постановке на учет в статусе безработного и назначении пособия. За порталом trudvsem.ru по количеству размещенных резюме следует superjob.ru, наименьшее количество с тенденцией уменьшения наблюдается на hh.ru.

Таблица 2. Использование онлайн-платформ ищущими работу в Республике Тыва

Период	Количество резюме		
	2020 г.		
	trudvsem.ru	superjob.ru	hh.ru
январь–декабрь 2020 г.	5 656	697	412
июнь 2021 г.	8 759	1 000	219

Источники: онлайн-платформы поиска вакансий и резюме trudvsem.ru, superjob.ru, hh.ru.

В 2021 г. по сравнению с 2020 г. наблюдается существенный рост размещенных жителями Республики Тыва на онлайн-платформах резюме. Особенно увеличение численности заметно на портале trudvsem.ru, что связано с получением государственных социальных трансфертов безработными.

Следует отметить, что помимо количественной дифференциации качественный анализ размещенных резюме показывает, что уровень квалификации соискателей на superjob.ru и hh.ru выше. Эти платформы требуют определенного стандарта в размещении резюме, что предполагает определенный навык использования сети Интернет. Как правило, эти ресурсы используют квалифицированные специалисты с высшим образованием. Портал trudvsem.ru — основной агрегатор Службы занятости населения. Доля опубликованных на этом портале резюме в общем числе публикаций — более 80 %.

Рассмотрим профессиональную структуру опубликованных резюме, имеющих самые большие количественные показатели (ТОП-20). Среди соискателей с высшим образованием преобладают юристы, экономисты, преподаватели и бухгалтеры, а со средним специальным образованием — водители, продавцы, охранники, строительные рабочие, повара, воспитатели, медсестры и санитарки. ТОП-20 2021 года практически идентичен 2020 г.

Таблица 3. Профессиональная структура резюме

Искомая должность	2020 г.	2021 г.
Продавец-кассир	364	460
Водитель автомобиля легкового	360	532
Специалист (не описана предметная область)	272	305
Охранник	269	524
Повар	224	426
Юрист	214	211
Бухгалтер	208	244
Рабочий строительный	204	499
Преподаватель	160	258
Менеджер по работе с клиентами	157	132
Продавец-консультант	118	123
Экономист	102	110
Сварщик	99	148
Воспитатель	91	153
Уборщик / Мойщик / Дворник	81	250
Кредитный брокер	80	—
Санитарка / Санитар	80	—
Медицинская сестра	79	103
Машинист / Водитель погрузочно-разгрузочных машин	75	121
Секретарь	74	116

Администратор магазина	—	95
Рабочий общестроительных работ	—	135

Источники: онлайн-платформы поиска вакансий и резюме trudvsem.ru, superjob.ru, hh.ru.

Всего в 2020 г. была опубликована 5 121 вакансия, в 2021 г. — 2 517. По количеству вакансий доминирует trudvsem.ru и наблюдается существенное увеличение публикаций, а по данным Росстата потребность в работниках, заявленных работодателями в органы службы занятости Республики Тыва в 2019 г., составила 1 391 чел. [Регионы России 2020: 211].

Расчет соотношения количества вакансий на коммерческих онлайн платформах (superjob.ru и hh.ru) и trudvsem.ru дал следующий результат. Доля вакансий государственного ресурса составила 44 % в 2020 г. и 38 % в первом полугодии 2021 г. в общем числе публикаций. При этом на частных платформах опубликовано менее 20 % от общего числа резюме. По нашему мнению, этот факт является показателем дифференциации соискателей, прежде всего, по уровню образования и квалификации. Более подробно эту ситуацию разберем ниже.

Таблица 4. Количество вакансий по Республике Тыва

	Количество вакансий			Итого
	trudvsem.ru	superjob.ru	hh.ru	
2020 г.	2 285	1 433	1 403	5 121
2021 г.	908	817	792	2 517

Источники: онлайн-платформы поиска вакансий и резюме trudvsem.ru, superjob.ru, hh.ru.

Рассмотрим содержательную часть незамещенных должностей, заявленных работодателями.

Рейтинг вакансий (ТОП-20) демонстрирует лидерство предложений для преподавателей, причем их доминирование зафиксировано как в рейтинге вакансий, так и в рейтинге резюме, и спрос на

них преобладает над предложением. Обнаружена группа профессий, которая представлена в обоих рейтингах: машинист/водитель погрузочно-разгрузочных машин, водитель легкового автомобиля, строительный рабочий, сварщик, повар, продавец, уборщик, менеджер по работе с клиентами, медицинская сестра. Однако из названных профессий только машинистов/водителей погрузочно-разгрузочных машин требуется больше, чем представлено на рынке резюме. Следующая группа отличается максимальной невостребованностью, т. е. эти вакансии в ТОП-20 отсутствуют. Это охранники, юристы, экономисты, бухгалтеры, санитары, воспитатели, кредитные брокеры. И третья группа — наиболее востребованные профессии, которые не представлены в рейтинге резюме. Прежде всего, к ним относятся врачи (объединённая профессиональная категория, включающая врачей различных специальностей), как наиболее многочисленная, а также: специалисты по продажам, слесари, водители автомобиля грузового/специального, кладовщики/комплектовщики/операторы склада, музыкальные руководители, электро-монтажники / электромонтеры, операторы колл-центра.

Таблица 5. Профессиональная структура вакансий

Вакансии	2020	2021
Преподаватель	632	181
Врачи	435	107
Водитель автомобиля легкового	202	44
Машинист / водитель погрузочно-разгрузочных машин	146	124
Специалист по продажам	129	60
Слесарь	119	63
Сварщик	99	48
Рабочий общестроительных работ	93	27
Медицинская сестра	90	36
Водитель автомобиля грузового/специального	88	50
Кладовщик/комплектовщик/оператор склада	80	43

Продавец-консультант	78	60
Менеджер по работе с клиентами	75	44
Повар	70	47
Инженер (обобщ.)	65	32
Продавец-кассир	65	39
Музыкальный руководитель	63	—
Электромонтажник / электромонтер	63	30
Уборщик / мойщик / дворник	55	—
Оператор колл-центра	54	23
Рабочий строительный	—	24
Фельдшер	—	24

Источники: онлайн-платформы поиска вакансий и резюме trudvsem.ru, superjob.ru, hh.ru.

Выявленные тенденции не являются специфичными для рынка труда Республики Тыва. Переизбыток специалистов с высшим образованием в сфере бизнеса, права и администрирования и дефицит рабочих профессий характерен в целом для Российской Федерации³. По мнению экспертов ВНИИ труда, тренд не востребоваемости юристов, экономистов «существует не первый год и обусловлен тем, что спрос на рынке труда сегодня формируется не на профессии, а на навыки — работодатель заинтересован в определённых компетенциях со стороны соискателя». Можно ожидать, что квалификационные требования к работникам этих профессий будут увеличиваться.

Структурный дисбаланс в спросе и предложения на региональном рынке труда Республики Тыва

Рассмотрим полученные показатели по вакансиям и резюме с точки зрения требований к навыкам и компетенциям. Наибольшее

³ Спрос на навыки: почему в России наблюдается переизбыток юристов и экономистов [электронный ресурс] // URL: https://russian.rt.com/russia/article/918943-rossiya-yuristy-ekonomisty-pereizbytok?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 25.10.2021).

число лиц в составе безработных Республики Тыва по уровню образования принадлежит тем, кто не имеет высшего образования: 39,2 % имеют среднее профессиональное образование, 34,5 % — общее среднее (окончили школу), 13,2 % — основное общее (9 классов) [Регионы России 2020: 199]. Аналогичное распределение можно наблюдать по данным резюме, в которых указан уровень образования. Из всех резюме в 2020 г., за исключением 5 184, в которых не содержится информация об уровне образования, наибольшее количество принадлежит соискателям со средним профессиональным образованием (1 732), затем следуют лица со средним общим образованием или ниже (1 571) и с высшим образованием (1 435).

Получить релевантное распределение опубликованных вакансий по образованию невозможно, так как этот параметр в требованиях к кандидату работодателя указывают не всегда. И особенно это касается рабочих специальностей. Но существуют вакансии, которые предназначены только для лиц с высшим образованием. Прежде всего, это врачи и преподаватели. По ним количество вакансий в несколько раз превышает количество резюме соискателей. В целом соотношение вакансий и резюме по Республике Тыва можно типологизировать следующим образом: 1) профессии, по которым количество предлагаемых работодателями вакансий превышает количество резюме; 2) профессии, по которым количество резюме превышает предлагаемые вакансии; 3) профессии, по которым соотношение вакансий и резюме примерно равны. С этой позиции рассмотрим складывающуюся профессиональную структуру на рынке вакансий и резюме.

Таблица 6. Соотношение вакансий и резюме по профессиям, требующим высшего образования в Республике Тыва в 2020 г.

Профессия	Количество вакансий	Количество резюме
Преподаватель	632	160
Врач терапевт участковый	32	0
Врач акушер-гинеколог	31	3

Врач-терапевт	31	4
Врач педиатр участковый	30	6
Врач-офтальмолог	29	0
Врач-хирург	28	4
Врач травматолог-ортопед	27	0
Врач-инфекционист	26	1
Врач-невролог	25	2
Врач-отоларинголог	20	0
Врач-рентгенолог	18	0
Врач-эндокринолог	17	0
Врач анестезиолог-реаниматолог	44	4
Врач-психиатр	44	3
Врач-стоматолог	44	6
Врач-фтизиатр	15	0
Врач-уролог	14	0
Геодезист	13	5
Врач судебный эксперт	12	1
Врач-кардиолог	12	0
Врач-онколог	12	0
Врач-педиатр	12	5
Врач функциональной диагностики	8	0
Врач-логопед	8	3
Диспетчер	8	3
Врач-патологоанатом	7	0
Врач клинической лабораторной диагностики	10	2
Врач-дерматовенеролог	10	2
Врач-эпидемиолог	10	5
Спортивный инструктор	10	2
Врач-реабилитолог	9	0

Источники: онлайн-платформы поиска вакансий и резюме *trudvsem.ru*, *superjob.ru*, *hh.ru*.

По профессиям, по которым наблюдается кадровый дефицит, как мы указывали выше, лидируют преподаватели и врачи с высшим образованием. В данном случае мы можем констатировать, во-первых, структурный дисбаланс в подготовке профессиональных кадров, во-вторых, последствия межрегиональной трудовой миграции специалистов с высшим образованием в российские регионы с дефицитом человеческих ресурсов, в которых приняты программы финансового стимулирования и социальной поддержки притока специалистов, прежде всего, врачебных специальностей и преподавателей. Немаловажными являются факторы внутрирегиональной миграции «село-город», непривлекательности работы в сельской местности, в результате чего наблюдается неравномерность обеспеченности специалистами и острый дефицит врачей и учителей, прежде всего, в сельской местности. Данный вывод можно сделать, исходя из превалирования вакансий в организациях, расположенных в сельской местности, в то время как уровень занятости населения в сельской местности существенно ниже (39,2 %), чем в городской местности (53,6 %) [[Регионы России 2020: 185](#)].

Таким образом, несмотря на высокую по сравнению с городами безработицу в сельской местности, целый ряд рабочих мест, требующих высшего профессионального образования, остаются незаполненными. В данном случае мы явно наблюдаем признаки «квалификационной ямы». Следует отметить, что данное явление характерно не только для Республики Тыва, вместе с тем оно требует оценки, осмысления, регулирования со стороны региональных властей. Как указывают А. В. Мальцева, А. В. Майорова, Е. А. Сафонова, проблема несоответствия спроса и предложения навыков на современном рынке труда — это международная проблема, и в этой связи на Давосском форуме в 2020 г. были приняты две флагманские инициативы: Революция переподготовки (Reskilling Revolution) и Модель катализатора сокращения разрыва в навыках (Skills Gap Accelerator Model) [[Мальцева, Майорова, Сафонова 2020: 41](#)]. Еще одной причиной образования кадрового дефицита по отдельным отраслям является невысокий уровень предлагаемых заработных плат.

Расхождение ожиданий и предложений

Для сравнительного анализа ожиданий соискателей и предложений работодателей по величине заработной платы были сопоставлены эти показатели по 200 вакансиям и резюме 2020 г. Почти в половине случаев (49 %) уровень притязаний соискателей выше предлагаемого размера оплаты, четверть ищущих работу (25 %) оценила собственные возможности согласно рыночным реалиям, и их запросы практически совпали с условиями вакансий. У остальных (25 %) желаемый размер заработной платы оказался меньше указанного потенциальным работодателем.

Самый большой разрыв между спросом и предложением в размере оплаты наблюдается у квалифицированных врачей.

Таблица 7. Соотношение предлагаемых и ожидаемых уровней зарплат

Типовая вакансия	Кол-во вакансий	Кол-во резюме	Среднее значение предлагаемой заработной платы вакансий (в руб.)	Среднее значение ожидаемой заработной платы (в руб.)
Врач анестезиолог-реаниматолог	44	4	38 184	150 000
Врач-эндоскопист	3	2	43 750	150 000
Врач-акушер-гинеколог	31	3	24 915,5	100 000
Врач-статистик	6	1	6 489,5	80 000
Врач ультразвуковой диагностики	13	2	26 536,75	100 000
Врач-инфекционист	26	1	59 922,5	130 000
Врач-педиатр	12	5	31 116,25	100 000
Врач-дерматовенеролог	10	2	14 612,25	80 000
Врач-невролог	25	2	28 550	90 000
Врач-терапевт	31	4	39 000	100 000

Врач-психиатр	44	3	22 062	80 000
Врач-педиатр участковый	30	6	32 809,5	72 500

Источники: онлайн-платформы поиска вакансий и резюме *trudvsem.ru*, *superjob.ru*, *hh.ru*.

Желаемый уровень оплаты труда врачей больше предлагаемого в 3–5 раз. Запросы преподавателей, юристов, экономистов по оплате труда также не совпадают с условиями работодателей примерно в 1,5–2 раза.

Группа тех, у кого запросы по оплате практически совпали с условиями вакансий, очень разнородна. Никаких особых признаков обнаружить не удалось. Это фельдшер, диспетчер, товаровед, кассир, воспитатель, фотограф, корректор, завхоз и т. д.

И в третьей группе наблюдается специфическая картина: запросы соискателей по уровню зарплаты меньше, чем предлагается работодателями в объявленных вакансиях. Это касается отдельных рабочих профессий, по которым количество вакансий преобладает над числом резюме.

Таблица 8. Соотношение предлагаемых и ожидаемых уровней зарплат по рабочим профессиям

Типовая вакансия	Кол-во вакансий	Кол-во резюме	Среднее значение предлагаемой заработной платы вакансий (в руб.)	Среднее значение ожидаемой заработной платы (в руб.)
Рабочий столярно-плотничных, паркетных и стекольных работ	17	27	60 850	25 000
Водитель автомобиля грузового/специального	88	53	82 500	45 000

Электромонтажник / Электромонтер	63	24	72 750	25 000
Рабочий общестроительных работ	93	69	77 500	25 000
Токарь	35	3	73 500	20 000
Машинист оборудования	32	19	83 660	27 500
Машинист / Водитель погрузочно-разгрузочных машин	146	75	98 000	30 000
Сварщик	99	99	101 500	28 000

Источники: онлайн-платформы поиска вакансий и резюме *trudvsem.ru*, *superjob.ru*, *hh.ru*.

В данном случае мы также наблюдаем проявление общероссийского тренда. HR-менеджеры организаций ищут квалифицированных рабочих и готовы им платить конкурентную заработную плату. Однако эти вакансии остаются незакрытыми, несмотря на притягательность условий по оплате труда. Можно предположить, что причин такой ситуации несколько: несоответствие уровня квалификации кандидатов предъявляемым работодателем требованиям, сложновыполнимые функциональные опции, а также неосведомленность ищущих работу кандидатов, которые имеют требуемую квалификацию, о наличии тех или иных вакансий на региональном рынке труда.

Именно по рабочим специальностям наблюдается наиболее заметный дефицит подготовленных кадров, что также указывает на несбалансированность структуры подготовки рабочих на базе региональных организаций среднего профессионального образования.

Таблица 9. Рабочие профессии, по которым спрос превышал предложение на рынке труда в Республике Тыва в 2020 г.

Профессия	Количество вакансий	Количество резюме
Слесарь	119	38

Кладовщик/Комплектовщик/Оператор склада	80	30
Водитель автомобиля грузового/специального	88	53
Электромонтажник / Электромонтер	63	24
Токарь	35	3

Источники: онлайн-платформы поиска вакансий и резюме *trudvsem.ru*, *superjob.ru*, *hh.ru*.

Переобучение безработных по этим профессиям на базе региональных организаций среднего профессионального образования (СПО) помогло бы снизить уровень зарегистрированной и общей безработицы в республике. Как указывалось выше, по статистическим данным наибольшую долю безработных по уровню образования составляют лица со средним профессиональным и средним общим образованием. И это не столько вопрос снижения статистического уровня безработицы, сколько вопрос снижения бедности населения региона и укрепления экономики семей.

На необходимость корректировки профессиональной структуры подготовки специалистов и рабочих в республике указывает также противоположная рассмотренной тенденция превышения предложения над спросом. Помимо «традиционных» юристов и экономистов, наблюдается существенный избыток предложения по отдельным рабочим специальностям или позициям, не требующим профессионального образования, что, в свою очередь, повышает статистический коэффициент напряженности на региональном рынке труда. Это продавцы-кассиры, охранники, повара, бухгалтеры, истопники, санитары.

Таблица 10. Профессии, по которым предложение превышало спрос на рынке труда Республики Тыва в 2020 г.

Профессия	Количество резюме	Количество вакансий
Продавец-кассир	364	65

Охранник	269	32
Повар	224	70
Бухгалтер	208	38
Рабочий строительный	204	34
Менеджер по работе с клиентами	157	75
Продавец-консультант	118	78
Экономист	102	13
Воспитатель	91	42
Уборщик / Мойщик / Дворник	81	55
Санитарка / Санитар	80	6
Кредитный брокер	80	51
Секретарь	74	16
Кассир	60	12
Делопроизводитель	41	5
Парикмахер	37	1
Специалист по социальной работе	33	7
Истопник	29	4
Фотограф	20	6
Психолог	14	5
Ветеринарный врач	13	2
Фармацевт-провизор	11	6

Источники: онлайн-платформы поиска вакансий и резюме *trudvsem.ru*, *superjob.ru*, *hh.ru*.

Рейтинги индустрий по количеству вакансий и резюме

Сравнительный анализ рейтингов индустрий по количеству вакансий и количеству резюме также подтверждает гипотезу о несбалансированности спроса и предложения на рынке труда республики. Рассмотрим верхние 10 позиций из топ-55 индустрий по количеству вакансий (спрос) и резюме (предложение), исходя из суммарных данных трех онлайн-платформ (*trudvsem.ru*, *superjob.ru*, *hh.ru*) по Республике Тыва.

Таблица 11. Рейтинг индустрий по количеству вакансий и резюме по Республике Тыва (январь – июнь 2021 г.)

№	Рейтинг индустрий по количеству вакансий	Рейтинг индустрий по количеству резюме
1	Строительство, недвижимость, ЖКХ, эксплуатация, проектирование	Транспорт, автобизнес, логистика, склад, ВЭД
2	Наука, образование, повышение квалификации	Услуги для бизнеса (безопасность)
3	Здравоохранение, спорт, красота, социальное обеспечение	Строительство, недвижимость, ЖКХ, эксплуатация, проектирование
4	Добывающая \ сырьевая отрасли	Продажи, закупки, снабжение, торговля
5	Производство, приборостроение, прочие виды промышленности	Пищевая промышленность, продукты питания
6	ИТ, телекоммуникации, связь, системная интеграция	Наука, образование, повышение квалификации
7	Продажи, закупки, снабжение, торговля	Неквалифицированная работа
8	Транспорт, автобизнес, логистика, склад, ВЭД	Финансы, кредит, страхование
9	Искусство, культура, развлечения	Услуги для бизнеса (юридические)
10	Пищевая промышленность \ Продукты питания	Наука, образование, повышение квалификации

Источники: онлайн-платформы поиска вакансий и резюме trudvsem.ru, superjob.ru, hh.ru.

Таблица 11 показывает, что нужна системная консультационная и профориентационная работа для школьников и их родителей, лиц трудоспособного возраста, гибкая система переподготовки и переобучения лиц из числа безработных, пересмотр программ профессиональной подготовки в региональных организациях

СПО. Обращает на себя внимание тот факт, что отдельные отрасли никак не представлены в резюме: добывающая отрасль, производство/промышленность и самая востребованная из отраслей в России и мире — ИТ, телекоммуникации, связь.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Республике Тыва, которая характеризуется высоким уровнем безработицы и занимает самую низкую позицию по уровню занятости населения (46,1)⁴ и одно из первых мест по уровню безработицы после Республики Ингушетии (26 %), есть внутренние резервы регионального рынка труда. Если сравнить количество вакансий, суммарно размещенных на онлайн-платформах в 2020 г., с числом зарегистрированных безработных на конец 2019 г. (период 2020 и 2021 гг. не взят из-за скачкообразного увеличения показателей зарегистрированной безработицы вследствие выплат социальных трансфертов в это время), получится, что они практически равны, а количество вакансий даже незначительно превышает число зарегистрированных безработных. Однако, как было показано выше, структуры спроса и предложения (вакансий и резюме) не совпадают по направлениям подготовки, уровню образования, и в этой связи наблюдаются значительные количественные отклонения как в сторону избытка, так и дефицита. Суммарно (по трем платформам) количество вакансий в этот период было равно 5 121, а количество безработных 5 100 чел. [[Регионы России 2020: 211](#)].

Таким образом, фактическая емкость рынка труда гипотетически могла бы позволить, если не побороть зарегистрированную безработицу, то существенно снизить ее уровень. Однако этого не происходит по четырем причинам: отсутствие требуемого уровня образования у безработных и направления подготовки; негибкость и отсутствие учета процессов, происходящих на рынке труда, в системе подготовки по рабочим специальностям и программам среднего профессионального образования; непривлекательность работы и жизни в сельской местности, вследствие чего там образуется серьезный дефицит кадров по таким жизненно важным для населения специальностям, как врачи или учителя; неконкурентность уровня

⁴ На II квартал 2019 г.

зарплат, например, врачей в республике с уровнем зарплат в регионах Крайнего Севера и Дальнего Востока, куда сформировались миграционные потоки конкретных профессиональных групп.

Рынок вакансий и межрегиональная трудовая миграция

Следует отметить, что доступность информации о вакансиях по всем регионам страны на порталах вакансий и резюме способствует активизации межрегиональной трудовой миграции из Республики Тыва.

Так, анализ вакансий показал, что работодатели из других регионов достаточно активно ведут поиск нужных работников из Республики Тыва, а предлагаемый уровень зарплат в разы выше, чем по аналогичным позициям в организациях республики. Например, врачей в Туве в 2020 г. искали Ханты-Мансийская районная больница (ХМАО), Таймырская районная больница (север Красноярского края), Новооганская районная больница (ХМАО), Ишимская городская больница (Тюменская область). Ряд других предприятий, как артель старателей «Золотой полюс», ведущий свою деятельность в ряде сибирских регионов, золотодобывающая компания «Амурзолото» и др., также занимались поиском работников из Республики Тыва.

Эту достаточно новую тенденцию мы рассматриваем с социальной, демографической и экономической точек зрения. Во-первых, онлайн-платформы расширяют поиск вакансий и резюме в масштабах страны, позволяют как соискателям, так и работодателям выйти за рамки географически привязанных к регионам рынков труда, тем самым повышается социальная и миграционная мобильность населения. Во-вторых, работодатели из регионов Крайнего Севера, Дальнего Востока, традиционно испытывающих дефицит в специалистах и человеческих ресурсах, через поиск работников в других регионах, том числе в Республике Тыва, решают вопросы дефицита трудовых ресурсов. Для Республики Тыва межрегиональная трудовая миграция населения может снизить коэффициент напряженности на рынке труда.

Перспективы удаленной работы

Еще одной тенденцией трансформации рынка труда стала удаленная работа, которая, в отличие от вакансий, требующих физического переезда, смены временного или постоянного места жительства, или, другими словами, межрегиональной трудовой миграции, не меняет социокультурного контекста жизни соискателей. Анализ предложений работы для жителей Тувы за январь – июнь 2021 г. показал, что из 2 517 вакансий 147 или 5,84 % касались дистанционной формы работы. Прежде всего, это вакансии для менеджеров по продажам и операторов колл-центров, которые входят в ТОП-20 наиболее распространенных предложений работодателей.

Социологическое исследование 2021 г., о котором выше велась речь, показало, что в Туве перспективы удаленной работы достаточно высоки. Согласились бы работать удаленно более половины опрошенных (53,6 %). Больше всего респондентов, согласных работать удаленно, — это специалисты сферы образования (30,0 %), финансов (20,8 %) и права (18,7 %). Профессиональная структура согласных работать удаленно позволяет сделать, по крайней мере, два обоснованных вывода. Во-первых, наибольшее количество респондентов, считающих возможным для себя работать удаленно, имеют профессию, которая позволяет им работать дома. Во-вторых, работать удаленно они могли бы именно по уже имеющейся у них специальности.

Кроме того, в контексте рассматриваемых проблем безработицы рост охвата ищущих работу жителей республики удаленной работой может также позитивно влиять на стабилизацию ситуации на рынке труда Тувы.

Возрастные и гендерные аспекты активности на рынке вакансий и резюме

Если сравнить половозрастное распределение соискателей, разместивших свое резюме на указанных платформах, то можно сделать вывод, что основную возрастную группу составляют лица 25–39 лет. Именно эта категория доминирует как в 2020 г., так и

в 2021 г. Заметных различий в половозрастном распределении по временным периодам не обнаружено.

Таблица 12. Половозрастные характеристики участников рынка резюме

Возрастные группы	2020 год		1 полугодие 2021 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
15–19	0 %	0 %	1 %	2 %
20–24	5 %	4 %	7 %	6 %
25–29	13 %	10 %	11 %	8 %
30–34	13 %	10 %	11 %	10 %
35–39	9 %	8 %	8 %	8 %
40–44	6 %	5 %	5 %	5 %
45–49	5 %	4 %	5 %	5 %
50–54	3 %	3 %	3 %	4 %
55–59	0 %	1 %	0 %	2 %
60–64	0 %	0 %	0 %	0 %

Гендерные характеристики рынка труда Республики Тыва, по данным официальной статистики, имеют ряд особенностей: среди безработных лиц по итогам 2019 г. женщин значительно меньше, чем мужчин — 38,5 % и 61,5 % соответственно. Уровень занятости населения по полу показывает, что занятость женщин (48,8 %) выше, чем у мужчин (46,0 %) [[Регионы России 2020: 184](#)]. Такое положение, как мы полагаем, связано с большей мобильностью и экономической активностью женщин.

С января по июнь 2021 г. жителями Республики Тыва на разных онлайн-платформах было всего размещено 9 978 резюме, из которых 4 999 или 51,07% принадлежали женщинам. С учетом соотношения мужчин (49 %) и женщин (51 %) в общей численности населения республики можно констатировать, что гендерной дифференциации в интенсивности поиска работы не наблюдается. Однако есть отличия в рамках возрастных групп: в размещении резюме

ме женщины более активны, чем мужчины, в возрастных группах до 35 лет, в группах от 35 до 45 лет активность мужчин и женщин выравнивается. Начиная с 50 лет женщин, ищущих работу, становится меньше, чем мужчин.

Следует отметить, что по итогам вышеуказанного опроса населения Республики Тыва гораздо больше женщин, чем мужчин, выразили свою готовность к удаленной работе⁵. Так, на вопрос: «Если у Вас появится необходимость поиска работы, могли бы Вы работать удаленно, общаясь с работодателем по Интернету?» 39,8 % женщин ответили положительно, мужчин, придерживающихся аналогичной позиции, оказалось 25,5 %.

Анализ зарплатных притязаний мужчин и женщин, отраженных в резюме на онлайн-платформах, показал также, что дифференциация в ожиданиях между женщинами и мужчинами существует в отдельных возрастных группах — до 45 лет отклонений в зарплатных ожиданиях мужчин и женщин нет, с 45 до 49 лет — у женщин уровень желаемой зарплаты ниже, чем у мужчин, с 50 до 59 лет — выше, чем у мужчин. Затем, как мы полагаем, в связи с общим снижением активности женщин в поисках работы в возрасте 60–64 их зарплатные ожидания ниже, чем у мужчин.

Таким образом, активность населения Республики Тыва на рынке вакансий и резюме в гендерном измерении показывает большую активность женщин в отдельных возрастных группах на онлайн-платформах, большую готовность к удаленной работе через Интернет. В целом при статистически показанном превалировании женщин на рынке труда их зарплатные притязания несущественно отличаются от таковых мужчин.

Заключение

На основе анализа данных онлайн-платформ поиска вакансий и резюме, итогов социологического исследования, проведенного

⁵ В данном случае удаленная работа подразумевает не вынужденную из-за пандемии COVID-19 форму дистанционной работы, а форму постоянной или временной занятости, при котором работодатель и работник находятся в разных городах или субъектах РФ.

в Республике Тыва, авторы приходят к выводу о том, что использование Интернета для поиска работы становится более частой практикой, чем, например, обращение в органы службы занятости. Об этом свидетельствует динамика роста размещенных жителями Тувы резюме не только в общероссийской базе вакансий *trudvsem.ru*, но и на других, коммерческих ресурсах Интернет-рекрутинга. Это означает, что для безработного населения республики трудоспособного возраста есть возможность выйти за пределы локального/регионального рынка труда и начать более активно позиционировать себя в общенациональном пространстве. Данные процессы могут способствовать распространению фактической межрегиональной трудовой миграции, а включение республики в охват поиска работодателей из других российских регионов, как показано на примере учреждений здравоохранения, золотодобывающих предприятий отдельных регионов Крайнего Севера и Дальнего Востока, только укрепит эту тенденцию.

В настоящей работе проанализированы сегменты «квалификационной ямы», дисбаланс между профессионально-квалификационным спросом и предложением. В дефиците врачи, преподаватели, квалифицированные рабочие, а переизбыток наблюдается среди юристов, экономистов, охранников, продавцов. Такое положение не является исключительной спецификой Республики Тыва, так как оно характерно для России в целом и других стран. Однако для таких регионов, как Республика Тыва, в которой отмечаются существенно отклоняющиеся от других российских регионов социально-экономические показатели, как бедность населения, наличие такой «квалификационной ямы» не только по позициям, требующим высшего образования, но и по рабочим профессиям, будет только усугублять ситуацию в сфере поисков работы и доходов населения. Эта ситуация требует оценки и регулирования.

В целом можно сделать вывод о том, что в регионе, который характеризуется высоким уровнем безработицы, есть внутренние резервы, которые могут быть задействованы в целях стабилизации ситуации на рынке труда за счет профориентации, обучения и

переобучения с учетом спроса, межрегиональной трудовой миграции и удаленной работы.

Анализ активности населения Республики Тыва на рынке вакансий и резюме в гендерном измерении показал большую активность женщин в отдельных возрастных группах и большую готовность к удаленной работе.

Литература

- Балакина, Кылгыдай 2015 — *Балакина Г. Ф., Кылгыдай А. Ч.* Исследование особенностей рынка труда слабоурбанизированного региона // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 35. С. 22–32.
- Голенкова, Голиусова, Самба 2021 — *Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В., Самба А. Д-Б.* Трансформация регионального социально-профессионального пространства (на примере Республики Тыва) // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 3. С. 167–183.
- Мальцева, Майорова, Сафонова 2020 — *Мальцева А. В., Майорова А. В., Сафонова Е. А.* Особенности и тенденции развития российского рынка труда в сфере спроса и предложения рабочей силы // Социально-трудовые исследования. 2020. № 4. С. 40–49.
- Монгуш 2018 — *Монгуш С. П.* Рынок труда Республики на этапе перехода к технологическому развитию (на примере материалов Республики Тыва) // *Regional Economics: Theory and Practice*. 2018. Vol. 16. Iss. 4. Pp. 665–686.
- Кылгыдай 2012 — *Кылгыдай А. Ч.* Рынок труда региона: проблемы формирования и регулирования (на примере Республики Тыва) // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 35 (266). С. 31–38.
- Ойдуп, Кылгыдай 2015 — *Ойдуп Т. М., Кылгыдай А. Ч.* Влияние безработицы на социально-экономическое развитие региона на примере Республики Тыва // ЭКО. 2015. № 6 (492). С. 131–138.
- Орехова 2019 — *Орехова И. М.* Занятое и незанятое население Республики Тыва: потенциал и эффективность использования // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. 2019. № 3. С. 29–45.
- Панин, Волошина, Харькин 2021 — *Панин Н. П., Волошина И. А., Харькин В. В.* Решение проблем оценки и регулирования напряженности на рынке труда: практика и современные подходы // Социально-трудовые исследования. 2021. № 1. С. 8–23.

- Платыгин и др. 2020 — *Платыгин Д. Н., Попков С. Ю., Смирнов В. М., Волгин Н. А., Вашаломидзе Е. В., Джума В. И., Уланова Е. С.* Система мониторинга, анализа и экспертизы сферы трудовых отношений // Социально-трудовые исследования. 2020. № 41(4). С. 27–39. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-41-4-27-39
- Регионы России 2020 — Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник. М.: Росстат, 2020. 1242 с.
- Хертек 2016 — *Хертек Ш. В.* Женская занятость и безработица в Республике Тыва // Sciences of Europe. 2016. № 9 (9). С. 62–65.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
BULLETIN
OF THE KALMYK SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS**

Главный редактор: В. В. Куканова

2022. № 1

Редактор *Саряева Р. Г.*
Переводчик *Джагрунов С. В.*
Компьютерная верстка *Татнинов Д. В.*

Дата выхода 01.08.2022. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 14,75. Тираж 100 экз. Заказ 07-22.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,

Тел. +7(84722) 3-55-06
Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>
E-mail: publ.kscras@gmail.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8